

Фридрих Риттельмайер МЕДИТАЦИЯ

*Двенадцать
писем о самовоспитании*

Перевод с немецкого О. С. Вартазарян
Evidentis 2001
ISBN 5-85747-096-X © evidentis, 2000

СОДЕРЖАНИЕ

1. Причины, побудившие к изданию этих писем. — Опасность настоящего времени и перспективы будущего. — Единственное средство: тихие часы для внутреннего укрепления. — Основные условия. — Рудольф Штайнер и различные типы данных им медитаций. — Медитация и культ. — Пример медитации. — Внутренний ход медитирования
2. Монастырь и храм во внутреннем существе человека. — Медитация и самовнушение. — Поза. — Упражнение для обретения духовного покоя. — Засыпание и звездное небо. — Другие подобные упражнения. — Покой в повседневной жизни. — Религиозный "мир". — Утро и вечер. — Внутреннее причастие. — Организм упражнений
- 3- Медитация и молитва. — "Услышанная молитва". — Обучение медитации. — Основные медитации дня и ночи. — "Я". — Значение религиозных изображений. Физическая и духовная пища. — Культовая трапеза. — Христианское мировоззрение. — Свет в истории человечества. — Внешние и внутренние деяния света
4. Бытовые затруднения при медитации. — Воздействие медитации на "бессознательное". — "Молитва за ближнего". — Влияние на чужую судьбу. — Облагораживание человеческих отношений. — Отверженность и самоотверженность "Я". — Внутреннее водительство. — "Высшее Я". — Мировое познание через "Я"
5. Освящение познавательных устремлений. — Освящение пространства и времени. — Работа над будущим прошлым, настоящим. — Медитация и практика жизни. — Ретроспектива. — Христианское чувство жизни. — Заболевания "Я" и их врачевание
6. Лютер о медитации. — Воспитание жизни чувств. — Необходимость очищения христианской 'любви'. — Пять чувств. — Существо "Я" как чаша Грааля. — Христианский "мир". — Христианская "святость". — Боль и мудрость. — Истинный Человек. — Основной настрой касательно мира под нами, вокруг нас, над нами
7. Дыхание в медитации. — Вегетарианство. — Сексуальная сфера. — Крест Христов как содержание медитации. — Связь с тайной мира и с повседневностью. — Сошествие во ад в прошлом и настоящем. — Силы тьмы. — Космический смысл любви и мира
8. Воздействие медитации на тело. — Упражнение на концентрацию. — Земля как гроб. — Переживание освобождения от тела. — Образ Воскресшего в Апокалипсисе. — Святость в космическом смысле. — Вознесение. — Внутреннее крещение
9. Воспитание воли. — Противодействие из настоящего. — Главные мысли для упражнения воли. — Манихеи и магия. — Основной настрой воли в отношении мира. — Условия, необходимые для воздействия. — Целительные силы. — Болезнь. — Возвышенность воли. — Физические основы сил воли
10. Заболевания воли. -Аскеза. — Экзерциции. — Спорт. — Внутреннее упрочение

воли. — Разнообразные виды воли. — Зло. — Мировое значение зла и его преодоление. — Взгляд на мир бедствий. — Внутренние силы для оказания помощи. — Социальное христианство

11. *Мистика и медитация. — Медитирование в Новом Завете. — Царство слабости. — Всевозможные страхи. — Помощь от страхов. — Мировая тьма и слепота духа. — Отверзание глаз. — Борьба света и тьмы*

12. *Венец упражнений воли: жизнь против смерти. — Гроб и камень. — Воскрешение мертвых. — Предварительные внутренние условия. — Воскрешение в повседневной жизни. — Связь с усопшими. — Спиритические сеансы. — Итоговые рекомендации по воспитанию воли. — Характер утренних, полуденных и вечерних медитаций. — Распределение упражнений по времени года. — Образ человека*

К переизданию книги после времен войны и запретов (1948)

Двадцать лет минуло с тех пор, как эти "Письма о самовоспитании" были впервые размножены на ротаторе, десять лет — со дня смерти автора, семь лет — со дня насильственного изъятия и уничтожения этой книги. И вот завещание всей жизни д-ра Фридриха Риттельмайера вновь возвращается в мир.

Богатое литературное наследие, оставленное Фридрихом Риттельмайером, открывает широкие перспективы для наступления нового этапа в истории христианства. Над стремительным, вздувшимся потоком судеб эпохи возведен мост, ведущий в новую христианскую эру. Между выходом в свет книжечки "Иисус" (1912) и книгой "Христос" (1936) теологическое познание совершило прорыв от чисто земного и человеческого к новому познанию Духа и Христа. Между изданными совместно с д-ром Кристианом Гайером книгами проповедей ["Бог и душа" (1906), "Жить, следуя Богу" (1910)] и обширной пастырской литературной деятельностью последних лет жизни пройден путь от священника и знаменитого проповедника евангелической церкви к служению в Общине христиан, к совершению таинств, духовная основа которых вновь найдена в наше время. Множество книг — в том числе автобиографических ("Встречи с Рудольфом Штайнером в моей жизни", "Из моей жизни") — направляют наш взор на личность, которой Фридрих Риттельмайер более всего обязан духовной поддержкой, способствовавшей как его жизненным свершениям, так и участию в осуществленной "Новой Реформации". Эта личность — Рудольф Штайнер. Уникальность, своеобразие книги "Медитация" заключается в том, что она позволяет заглянуть в тайну побуждения, которое Фридрих Риттельмайер как бы извечно носил в своей душе, черпая там, внутри, силы для осуществления тех внешних возможностей, какие были предоставлены ему судьбой по зову эпохи и с помощью Рудольфа Штайнера.

Беззаветное стремление к медитативному одухотворению собственной души изначально было движущей силой всей его жизни и деятельности. Аурически обволакивающее, исцеляющее, возвышающее свойственно его проповедям еще со времен викариата в Вюрцбурге и шло из кладезя медитации. Источником необычайной отеческой заботливости и доброй силы, очень рано проявившейся в его пастырских трудах, была медитативная работа над собой, которая сделала личное проницаемым для сверхличного. В конечном счете и к Рудольфу Штайнеру его привела глубинная убежденность, что здесь для него может открыться путь к ясности и мастерству сокровеннейшей внутренней работы. Напротив, содержательная сторона сообщений творца духовной науки долгие годы оставалась для него на втором плане: именно в эти первые годы, вместо того чтобы вместе со всеми слушать лекционные курсы, в которых Рудольф Штайнер неустанно развивал новое познание Христа, он предпочел лишь в редких частных беседах просить совета касательно медитативной жизни.

Чтобы правильно понять, какое грядущее духовное течение Фридрих Риттельмайер предвосхитил своим глубоко укорененным медитативным устремлением и итоговой по

своей зрелости книгой "Медитация", необходимо обратиться к давним эпохам развития христианства. История монашеских орденов охватывает важные этапы развития медитативного течения в христианстве. До возникновения готики и городской бюргерской культуры, когда в Центральной Европе все монастыри и храмы Божии, выстроенные в мистериально-тяжеловесном романском стиле, еще стояли посреди бескрайних дремучих лесов, единственный первоначальный христианский орден, который руководствовался монастырским уставом Бенедикта, предавался благоговейным медитациям. Здесь было средоточие сути раннехристианской сверхличностной набожности. Когда же огромные леса были вырублены и вокруг строящихся городов распахнулось светлое пространство лугов и полей, в мире запылали грозные зарницы — пробуждалась индивидуальная жизнь. Настала эпоха готики. В лице Бернара Клервоского явился новый тип орденских основоположников. Бенедикт как личность, как человек еще малоприметен — через него действует великий поток объективной мудрости и добра. Бернар был первым из тех, кто обладал пророческой мощью личной религиозности. Орден реформы — клунийский и цистерцианский — открывают путь для великого множества сильно разнящихся между собой орденов, среди которых ведущую роль играют доминиканцы и францисканцы.

В эпоху готики поток медитативной жизни не мог не приобрести совершенно новый характер. Медитация становится средством самоосознания личности и обретения собственного "я". Вот почему то, что жило в монашеских орденах после Бернара Клервоского, во многом было отмечено предреформационными чертами — так исподволь подготавливалось новое время. И когда жаждущая прогресса часть христианского мира в результате лютеровской Реформации покончила с монашеской и монастырской жизнью, медитативное течение, до тех пор по-прежнему сохранявшее свою внушительную целостность, распалось — отдельные люди разобщенно вели жизнь в молитве, сугубо личную жизнь, порой даже чересчур личную. Орден, основанный Игнатием Лойолой для того, чтобы посредством экзерциций восстановить сверхличностный медитативный духовный элемент, имел ярко выраженную антиреформаторскую направленность. Он стремился подавить индивидуальный принцип как таковой, что невозможно без отрицания личной свободы в религиозной сфере.

Пожалуй, не лишено значения то обстоятельство, что среди всех эпох христианской истории Фридрих Риттельмайер с юных лет испытывал особое влечение к временам Гогенштауфенов. Внутренне он примыкал к тому медитативному течению, которое в эпоху ранней готики, клунийского и цистерцианского орденов деятельно участвовало в великом пробуждении "я", в рождении личной христианской набожности. Словно за сотни лет до Реформации некий поток ушел под землю и продолжал там свое течение, чтобы ныне вновь вырваться на поверхность и найти себе другое, созвучное нашему времени русло. Здесь мы слегка затрагиваем сокровенную жизненную миссию, исполнить которую стремился Фридрих Рит-

тельмайер. В этой миссии воскресает монашеская суровость высокого зрелого средневековья. Совместно с кругом людей, предназначенных ему в спутники самой судьбою, д-р Риттельмайер смог самым действенным образом приложить свои силы к построению новой духовной культуры в двух направлениях. Став учеником Рудольфа Штайнера, он сделался одним из активнейших поборников антропософии — движения, направленного на всеобъемлющее обновление мировоззрения и познания. Примкнув к кружку людей, которые в большинстве были много моложе его и, стремясь вырваться за пределы католицизма и протестантизма, искали в пастырском служении Общины христиан путь в новую эру христианской церкви, он возглавил религиозное движение, обновляющее культ в его основе. Сокровеннейший личный жизненный импульс, который д-р Риттельмайер как ведущий представитель медитативного течения нес в себе, он мог бы полностью реализовать лишь в том случае, если бы ныне было возможно и целесообразно основать религиозный орден. Этот особый импульс ставил его как бы между задачами,

которые он должен был разрешить, с одной стороны, как антропософ, с другой же — как первый из новых священнослужителей*. Возможно, когда-нибудь среди его

* О том, что сам д-р Риттельмайер старался наделить эту медитативную книгу собственными свободными задачами, свидетельствуют пассажи, где он проводит четкую грань между ее жизненной сферой и, с одной стороны, культом и молитвой, практикуемыми в Общине христиан, а с другой — эзотерическим обучением в духе книги "Как достигнуть познания высших миров?" д-ра Рудольфа Штайнера. — *Прим. ЭБ.*

исторических заслуг будет особо отмечено то, что именно в нем медитативное течение, как оно некогда возникло и вплоть до эпохи готики существовало в монашеских орденах, свободно излилось в современную форму. Такова негласная, однако отнюдь не маловажная задача книги, которая вновь выходит в свет: перед нами орденский устав не связанного организационными формами, свободного круга людей, ищущих личностного медитативного самоосознания на пути Иоаннова христианства.

Лицензиат Эмиль Бок

Человечество сегодня буквально захлестнул поток всевозможных советов по медитации. Так выражает себя стихийное ощущение, что человеку, если он не намерен пасть жертвой внешнего мира, необходимо укрепить свою внутреннюю силу.

Однако обычно такие предложения носят либо поверхностный жизненно-практический характер, без подлинного соприкосновения с глубинами мира, либо проистекают из духовности, но лишенной сильной воли к земному. Идущее с Запада, и прежде всего с американского Запада, по большей части относится к первому роду, хотя сюда же можно причислить и деятельность Куэ*. Идущее с Востока, в особенности с индийского Востока, знаменует собой второй тип. Но и "афонская истовость" принадлежит к этому направлению. Как бы из середины, с Юга, исходит идея воспитания человечества, которая хотя и сочетает духовное знание с жизненной практикой, но, оставшись в стороне от развития нового времени к познанию и свободе, пронизывает человека

* Куэ Эмиль (1857—1926) — французский аптекарь, создатель методики "сознательной аутоусугестии", так называемого куэлизма. — *Здесь и далее, кроме отмеченных особо, прим. ред.*

силами прошлого, — таковы экзерциции католической церкви. В огромном спросе на них (будь они иезуитского или иного, подобного толка) вновь обнаруживается эта потребность современного человека.

Попытка, предпринятая в настоящей книге, отличается от всех упомянутых выше. Современными способами и средствами книга старается направить человека к обретению духа Христова, заключающего в себе небеса, но взыскующего земли. Так она намерена избегнуть как угрозы с Запада и Востока, так и угрозы прошлого. Начало начал здесь — Евангелие от Иоанна. Поэтому многим книга на первых порах кажется отвлеченной, ибо они еще не знают, что есть это Евангелие. Но коль скоро желаешь помочь наилучшим образом, обойтись без него невозможно. И изложение повсюду ведется с оглядкой на людей, вступающих в этот мир из нынешнего язычества. Ибо первоочередные условия, без соблюдения которых современное воспитание духа невозможно, суть полная правдивость и свобода. Так полагал Рудольф Штайнер, а именно ему автор обязан чрезвычайно многим в этой области, он имел самый большой опыт в духовном развитии, он делал все, чтобы европейская "середина" в должное время познала и выполнила возложенную на нее задачу.

Нижеследующие размышления выходили в свет сначала как письма к людям, присошедшим о подобной помощи. Эпистолярная форма не упразднена и в книжном издании,

ибо она наилучшим образом выражает дух личного совета. Не исключено, что иные советы, в которых кто-то нуждается с самого начала, будут найдены лишь в более поздних письмах. В этом случае можно обратиться к "Содержанию". Новое издание переработано, но больших изменений не претерпело.

1

В первом письме необходимо прояснить, что входит в намерения автора.

Побудительным мотивом к изданию этих писем явилось убеждение, что человечеству в настоящее время грозит величайшая опасность. Мы не имеем в виду химическую войну или всеобщую экономическую катастрофу, хотя эта угроза вполне реальна. Но сама современная жизнь приняла такие формы, что человечество стало на путь забвения *собственно человека как такового*. То, как ныне нас изо дня в день занимает профессиональная деятельность, особенно в технических профессиях, но отнюдь не только в них одних, — вот что действует разрушительно, вот что грозит истребить в нас человека, сделать невозможным подлинную человечность, уничтожить истинное будущее человечества, погубить саму человеческую жизнь. Немногие из людей способны отчетливо увидеть, как они, собственно, живут. Не они живут — ими живет какая-то неведомая сила, постоянно подстегивающая их кнутом. В определенный час звонит неумолимый будильник обязанности, и одна обязанность подгоняет другую, а все они вместе подгоняют человека. Что же это за сила властвует нами?

В те годы, когда моя собственная жизнь весьма походила на обычную жизнь современного человека, в мои обязанности протестантского vicar в Вюрцбурге наряду с чтением проповедей и приходской деятельностью входили еженедельные 22 часа преподавания — и так на протяжении семи лет. Это были уроки закона Божия, а служителем религии я стал по свободной воле и по призванию. Но необходимость изо дня в день по утрам проводить четыре урока закона Божия способна лишить человека всякой радости даже от идеальной профессии. Если в таких обстоятельствах человек будет постоянно вкладывать в уроки всю свою душу, он просто заболеет. В те годы передо мною маячил образ, верный, пожалуй, для многих нынешних людей. Я видел, что каждый день невольно облачаюсь в железный панцирь и расхаживаю в нем. До известной степени он поддерживал меня и защищал, но подавлял сокровенного, становящегося *человека*, который взывал к жизни.

Хотя в наши дни часто твердят, что человек рискует превратиться в машину, опасность эту воспринимают отнюдь не с должной серьезностью. Машина вгрызается в нас извне, пожирает нас и занимает наше место. Это верно не только для многих обыденных профессий, но и для профессий более высокого и даже самого высокого порядка. Есть, к примеру, весьма тонкие прецизионные человекомашини. Их называют учеными. Часы, когда работа действительно есть радость и жизнь (по словам одного из них), у них тоже случаются редко. Исследовательская работа, если она ведется согласно строгим методам, может принимать механический и механизмирующий характер и оставляет тогда лишь самое малое пространство для свободной игры духа. Что уж говорить о других! Лица многих работающих людей явственно отмечены машиноподобием. Это чеканные, отформованные лица, где духовность движется как бы в накатанной колее. Тщетно искать в них сияние жизни, непостижимую человечность, творческую свежесть. Трагедия человека машинной эпохи запечатлелась в этих чертах, будто выписанная красноречивыми письменами.

Попытайтесь убедить этих людей, что им бы не помешало иметь хоть какую-нибудь область личных, внепрофессиональных интересов, и в ответ вы услышите то, что сказал мне однажды некий высокоодаренный инженер: "Видите ли, я пытался, и неоднократно, но когда я вечером после ужина читаю книгу, мне вдруг приходит

на ум, что я еще не просмотрел новые технические журналы и что конкуренты опередят меня, если я не буду отдавать профессии *все* мое время и силы, — и тогда я опять откладываю книгу". Так появляются люди, которые вообще не умеют правильно распорядиться свободным временем. Кроме сна и совершенно тупого покоя, отдыхом для них являются лишь внешние ощущения. Они возбуждают себя спортом или спортивными репортажами, щекочат себе нервы кинофильмами, радиопередачами, телевидением, читают детективы, предаются азартным играм. Зачастую создается впечатление, будто это не люди, а трупы, которым искусственно сообщили видимость жизни.

Слова таинства человекоосвящения об "отмирающем бытии земли" как раз и вскрывают жуткую подоплеку нынешней сверхоживленной суеты.

Опыт показывает, что угнетенная душевная жизнь временами с силой вырывается в каком-нибудь месте, как бы создавая для себя клапан. Тогда эти люди внезапно ударяются в затхлую мистику или становятся по-детски сентиментальны. Они посещают спиритические сеансы и наслаждаются страхом. Ищут прибежища в мрачных, непостижимых церквах, предаваясь там умилению. Читают дурацкие стишки и заучивают их наизусть. Ублажают свои чувства природой, ничего, однако, не получая от нее в действительности.

Все это может показаться преувеличением. Это и есть преувеличение, если рассматривать жизнь в ее полноте. Но о преувеличении нет и речи, если принять во внимание внутреннюю тенденцию этой жизни. Когда ты на протяжении тридцати лет непосредственно сталкивался со всевозможными человеческими судьбами, то для чего нужен весь твой жизненный опыт, если нельзя рассказать о нем на благо другим людям? И потому скажем прямо: нередко под всем этим явственно проступает болезнь духа — не только "смерть души", как ее описал Ницше в своем "Заратустре", говоря о "последнем человеке", но демоническое безумие.

Здесь обо всем этом будет сказано лишь в самых общих чертах. Пусть каждый сам увидит, какие иллюстрации тому дает жизнь. Но необходимо ясно сознавать опасности современной жизни, в том числе и нашей собственной, — только тогда стремление выделить в этой жизни тихие часы для укрепления внутренних сил будет не просто эгоистическим порывом или приватной забавой, но актом ответственности за жизнь, помощью угрожаемой гуманности, актом спасения нас самих и человечества в целом. Хотелось бы пожелать этим письмам такого читателя, который всеми фибрами своей души чувствует: человек погиб, если ему не удастся почерпнуть изнутри новые силы, дабы не пасть жертвой внешней мощи.

Сегодня многие люди чувствуют, что если человек исходя из современности постигнет мир и проникнет в загадки земного бытия, то вслед за этим непременно явится и новая духовность. Эту новую духовность ищут где угодно, но редко там, где ее действительно можно найти.

Однако, если человек ищет спасения и прочного будущего, необходимо и новое духовное воспитание. В старину люди находили поддержку и опору в религиозном мировоззрении, в упорядоченном культе, в защищенности семейной жизни, в древней духовности, которая еще властвовала в профессиональных областях. Ныне все это рушится и распадается. В давние времена механизм профессии тоже не был еще столь тираническим и мертвящим, если отвлечься от низшего слоя тружеников, безропотно влачившего жалкое существование. И только если ныне люди будут энергично и осознанно в течение всей своей жизни заниматься самовоспитанием и самоукреплением, они смогут совладать с грозящей миру опасностью.

Вся помощь и поддержка, какую предлагает эта книга, почерпнута из самого средоточия религии. Именно здесь — могучий источник всякой силы. Но пусть не отворачивается от этого источника и тот, для кого истины, составляющие основу этой поддержки и помощи, сейчас еще внутренне недоступны, а потому неприменимы

непосредственно. Пусть он овладеет тем, что ему по плечу. Все, что предлагается здесь в плане *содержания*, следует рассматривать только как пример. И можно искать содержания, отвечающего собственному духу, у Гёте или где угодно. Однако же все, что предлагается здесь в плане *формы*, может тем не менее оказаться полезным. Два условия — скажем изначально — так или иначе должны быть соблюдены, чтобы наши советы действительно послужили во благо, — правдивость и свобода. Для человека приемлемо лишь воздействие такой идеи, за которую можно, не кривя душою, нести ответственность. Конечно, ничто не мешает ему внутренне приблизиться к некоей мысли или истине на пробу и со всяческими предосторожностями. Но в таком случае нужно помнить, что это попытка. Все, что мы впустим в себя через внушение (и самовнушение), будет действовать разрушительно. В сущности, это воровство, за которым следует расплата. Другое же требование состоит в том, чтобы человек переработал предложенное здесь исходя из собственной личности и в полной свободе. Разумеется, речь идет о советах, проистекающих из опыта. Но опыт других людей хотя и облегчает нам собственный опыт, но не способен заменить его.

Предшественник может рассказать, есть ли в этом направлении дорога и куда она ведет. Но он не избавит нас от обязанности самим следовать за дорогой и в случае нужды менять ее. Чем свободнее будут применяться данные здесь рекомендации, тем больше пользы они принесут. Даже там, где возможно буквальное исполнение рекомендаций, нам должно во всякий миг сохранять ощущение чистейшей свободы. Лучшим в этой области, куда мы сейчас вступаем, я обязан моему учителю Рудольфу Штайнеру. Но я вовсе не хочу создать впечатление, будто узнал о ценности внутренней работы над собой и о значении медитации только благодаря Рудольфу Штайнеру. Стоит, пожалуй, рассказать подробнее, как я впервые пришел к медитации, ибо в этом есть кое-что поучительное. В гимназические и студенческие годы у меня по ночам часто случались приступы неукротимого сердцебиения. Я просто не знал, что делать. Понимая, что ничего опасного для жизни тут нет, я пребывал в таком страхе, словно и вправду должен был вот-вот умереть. К врачу я не обращался, сам искал способ справиться с этим состоянием. Помогло мне тогда решение мысленно воскрешать в такие часы какой-нибудь бестревожно-радостный день моей жизни. Только когда мне удавалось последовательно и без отступлений сосредоточиться на радостной доминанте дня, был обеспечен полный успех. "Вот ты встаешь, идешь к умывальнику, берешь в руки губку... вот идешь в другую комнату, берешь в углу стул и придвигаешь к столу, садишься..." и т. д., и т. д. Спустя каких-нибудь полчаса власть над телом восстанавливалась, и я мог заснуть. Подобным же образом я впоследствии оказывал себе помощь в душевных состояниях, какие называют приступами меланхолии. Я последовательно, во всех деталях продумывал или как бы вновь переживал некое событие, пока не чувствовал, что почва душевной жизни опять обрела твердость и устойчивость. Эти примеры показывают, как человек сам, своею волей, используя чисто духовные возможности, способен помочь себе даже в ситуациях, в которых иной врач назначил бы лишь успокоительное или очередной отпуск. При сколь многих болезнях можно способствовать выздоровлению, если умеешь вызывать в себе спокойное, ровное, веселое расположение духа!

Этот пример, кстати, показывает, что душа далеко не всегда должна быть непременно наполнена глубокомысленным содержанием. В иных ситуациях человек на это и не способен. Невинно-занимательная и даже вполне нейтральная череда образов зачастую помогает куда лучше. Осторожно, ощупью переходишь от образа к образу, как бы держась за перила. Каждый шаг делаешь с осторожностью, будто идешь по узкой дороге и не имеешь времени оглядеться. Если это

не удается и ловишь себя на том, что мысленно отвлекся, тотчас зовешь себя обратно на дорогу, не досадуя на себя и на собственную слабость. Этому учатся постепенно. Позднее, благодаря Рудольфу Штайнеру, я узнал, насколько ценно, когда человек обретает

умение видеть себя со стороны, когда он ежедневно употребляет хотя бы считанные мгновения на то, чтобы сверху и со стороны рассмотреть свою жизнь за прошедший день, как он тем самым готовит себя к ретроспективному взгляду на жизнь после смерти. Согласно указаниям Рудольфа Штайнера, лучше всего стараться целиком или частично проследить свой день вспять — не затем, чтобы стать духовным акробатом, как говорят недоброжелательные критики, но затем, что таким образом можно гораздо глубже вникнуть во внутренний ход своей жизни, подобно тому как и после смерти человек окидывает взглядом свою жизнь от конца к началу и еще раз проходит по ней, испытующе и оценивающе вглядываясь в каждую деталь. В ту пору я еще ничего об этом не знал. Я только чувствовал, как благотворно влияет на жизнь и как воспитывает дух такое рассмотрение. Учишься властвовать своим духом и ощущаешь благое воздействие внутренней дисциплины, которую в себе воспитываешь.

Затем, уже в бытность мою молодым теологом, я пришел к осознанию ценности религиозной медитации, жизненной значимости тихих часов. О том, что я пережил и что потом постоянно рекомендовал множеству людей, кое-что сказано в проповеди "Об уединении", опубликованной в книге "Бог и душа" (1906) задолго до моей первой встречи с Рудольфом Штайнером.

И все-таки лишь благодаря ему моя деятельность в этой области приобрела большую ясность, последовательность и целенаправленность. Необходимо сказать об этом ради истины и простой благодарности. И, оглядываясь назад, я не перестаю удивляться, что Рудольф Штайнер, хоть я ни единого слова не говорил ни ему, ни кому другому, от кого бы он мог это услышать, в первой же беседе заговорил о медитации и стал давать мне советы.

Во избежание недоразумений и неясностей следует четко различать, что мог делать и советовать в этой области Рудольф Штайнер и что возможно сделать. О Рудольфе Штайнере и его упражнениях бытует так много превратных представлений, что нельзя не сказать об этом хотя бы несколько слов. По моим наблюдениям, он практиковал примерно семь видов медитации:

1. Людям, которые приходили к нему, он советовал медитировать над отдельными изречениями или рядом изречений из Библии. Так, он неоднократно указывал на начало Евангелия от Иоанна. В лекциях, которые читал на заре своей

деятельности, он выразился следующим образом: у того, кто каждое утро хотя бы в течение пяти минут будет в полной серьезности удерживать в своей душе первые пять стихов Иоаннова Евангелия, за несколько лет преобразится вся душевная жизнь. Насколько мне известно, эти и подобные медитации рекомендовались людям, у которых еще были религиозные возможности. В особенности Рудольф Штайнер ориентировал в этом направлении русских. Первые мощные фразы Евангелия от Иоанна способны помочь человеку ощутить величие жизни, сверхличную глубину мира, полное дыхание жизни, целостный, величественный ее уклад. В жизни, полной хаотических подробностей, это — высокое благодеяние.

2. Рудольф Штайнер назначал и отвлеченные медитации, вроде тех, какие можно найти в его изречениях и драмах-мистериях. Они обращены в первую очередь к людям, которые приходят из современной жизни, и в отличие от медитаций по Иоаннову Евангелию не предполагают внутренней связи с Библией, но тем не менее всегда ведут в самое средоточие.

Во всех изречениях, которые задавал Рудольф Штайнер, огромное значение придавалось ритму и звучанию, порядку мыслей и слов и подчеркивалось, что в оформлении этих изречений нет ничего неважного.

Многие из таких изречений, которые были даны главным образом членам Антропософского общества, предполагают знакомство с истинами духовной науки. Другие изречения касаются отдельных жизненных обстоятельств — отношения к усопшим, детям,

больным, сражающимся за пределами отечества, к трапезам и т. д. Третьи медитационные изречения давались особым сословиям.

3. Большое число медитаций, которые Рудольф Штайнер давал отдельным людям, были составлены непосредственно для этих людей. Львиная доля этих изречений, вероятно, так и останется неизвестна, ибо получатели хранят их как лично им завещанное и доверенное жизненное имущество. Когда удастся случайно проникнуть взглядом в мир этих советов, поражаешься их великому изобилию и многообразию, индивидуальной точности и любовной заботе, с какой он относился к этим людям.

4. До сих пор речь шла только о воспитании души. Но Рудольф Штайнер давал указания и о том, как в свете будущего человечества можно работать над становлением собственного духа. Такие советы обнародованы в книгах "Как достигнуть познания высших миров?" и "Очерк тайноведения". К ним относятся так называемые предварительные упражнения для контроля над мыслями, дисциплины чувств, воспитания воли

и т. д. Сюда же относится и медитация "Розы и креста" ("Очерк тайноведения", Ереван, 1992. С. 198 слл.).

5. В последние годы своей деятельности Рудольф Штайнер особенно много внимания уделял уже испытанному кругу антропософов в "Свободной высшей школе духовной науки" в Дорнахе. Эта деятельность имела своей целью рождение Духочеловека в том смысле, какого требует эпоха Михаила.

6. Сочтя, что некий человек в силу своей одаренности и судьбы пригоден, чтобы приблизиться к откровениям духовного мира, Рудольф Штайнер задавал ему духовные упражнения, составлявшие точную систему, приспособленную именно к этому человеку. Я говорю здесь об этом лишь затем, чтобы с удвоенной силой опровергнуть извращения и клевету. Эти упражнения не содержат никаких иных тайн, кроме тех, о которых Рудольф Штайнер открыто говорил в своих лекциях и книгах. Они строжайшим образом оберегают внутреннюю свободу человека и, по настоятельному желанию Рудольфа Штайнера, должны усваиваться и перерабатываться непременно лично и в полной свободе.

7. Рекомендации касательно непосредственного развития описанных в книге "Как достигнуть познания высших миров?" высших органов познания Рудольф Штайнер давал крайне редко

и только немногим людям, при условии соблюдения жестких моральных требований. Для этих рекомендаций в полной мере справедливо сказанное в предыдущем абзаце. Конечно, эти люди не продвинулись столь далеко, чтобы быть в состоянии перепроверить все исследованное Рудольфом Штайнером. Все они без исключения обнаружили, что путь этот куда длиннее и суровее, чем они сами думали вначале. Но среди них и рядом с ними было немало антропософов, приобретших первоначальный опыт в самых разных областях и могущих с полным правом сказать: "Мир, о котором рассказывает Рудольф Штайнер, существует; мы знаем по собственным впечатлениям, сколь велика истинность того, о чем он говорит. Здесь и речи не может быть о каком-либо внушении или самовнушении, и лучшее тому доказательство, что как раз очень многого мы *не* достигли, несмотря на все наши усилия, и что достигнутое всякий раз оказывалось не таким, как мы ожидали, и что оно тем не менее подтверждало сообщения Рудольфа Штайнера". Из семи приведенных вариантов медитации здесь можно рассматривать только первый. Тому, кто интересуется остальными вариантами, следует обратиться в Антропософское общество или к ведущим антропософам. Упражнения, подобные упомянутым в пунктах 3, 6, 7, могут быть рекомендованы со спокойной совестью, только если все существо того или иного человека рассмотрено поистине взглядом ясновидца. А после смерти Рудольфа Штайнера, насколько мне известно, нет никого, кто бы располагал такими возможностями, — само собой разумеется, нет их и у автора этих писем. И все же позволительно сказать, что библейские медитации, о которых мы намерены здесь говорить, воспитывают человека не

только морально, но могут повести его на пути к грядущему духу значительно дальше, чем можно заранее предположить. Даже тот, кто не способен смотреть на людей и на самого себя взором ясновидца, вскоре обретет уверенность, что, следуя указаниям этого высочайшего документа человечества, он идет верным духовным путем.

Силы божественного водительства даровали человечеству Библию не для поверхностного чтения, но для глубочайшей внутренней работы. Она действительно заключает в себе пути ко всем высочайшим вершинам человечества. Она может и должна сделаться для человечества собственной его жизнью, причем основательнее и в то же время свободнее, нежели когда-либо в прошлом. Именно к этому мы и стремимся, используя для формирования медитации кое-что из импульсов и опыта, приобретенного благодаря антропософии.

Отметив таким образом отличие нашей работы от антропософской деятельности Рудоль-

фа Штайнера, мы должны еще и правильно соотнести ее с деятельностью Общины христиан. Великое начинание Общины христиан объединяет людей посредством сообща отправляемого культа. Полноправным членом Общины является каждый, кто рассматривает совершение христианского обряда как своего рода жизненную помощь. Свою внутреннюю жизнь он может при этом формировать совершенно не так, как изложено здесь. В отправлении человекоосвящения, в личной молитве, особенно в "Отче наш", он может найти все необходимое, ведь каждый совершенно свободен установить для себя, как ему в ходе общей литургии внутренне усвоить обряд.

Таким образом, все, что дано в этой книге, официально не исходит от Общины христиан. Вот почему в нашем разговоре могут участвовать и люди, у которых есть затруднения с культом или которые по иным причинам организационно далеки от Общины христиан. Эти письма адресованы всякому, кто ждет помощи во внутреннем попечении о своей жизни и готов выслушать, что предлагает для этого мир христианства.

Но для познания и понимания полезно указать на внутреннюю взаимосвязь медитации и культа. Можно прямо-таки сказать: процесс медитации идет правильно, когда внутренний путь подобен ходу человекоосвящения. Человекоосвящение, помимо всего прочего, чем оно тоже

является, может рассматриваться как великая общая медитация, которую выполняет не просто индивид, но человек земной, не изолированный единичный человек, но человек из человечества, не субъективно-эгоистический человек, но человек-Христос. И наоборот, подлинная медитация может быть понята как литургия, совершаемая не во внешнем, а во внутреннем мире, не в общине, а в уединении, не в словах священнослужителя, а в собственных мыслях. Каждый должен сам решить, что ему более всего помогает или, может быть, как одно способствует другому. Верно только, что взгляд на человекоосвящение, на его частности, а тем паче на внутренний его ход и внутренний стиль, проливает свет на правильное формирование медитации.

Первая попытка предложить медитацию, или скажем так, наполнить действенным содержанием внутреннюю работу в наши тихие часы, будет предпринята здесь в соединении с четырьмя элементами человекоосвящения.

Мы выбираем фразу из Посланий Иоанна, в которой как бы суммируется все Иоанново христианство: *"Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем"*.

Сначала мы обращаем внимание на первое предложение: Бог есть любовь. Для кого эти слова еще не являются полновесной истиной, тот может выбрать для себя какую-нибудь схожую мысль,

например: "Любовь есть смысл земного мира", или еще сдержаннее: "Чистая любовь есть цель жизни человека". С другой стороны, тот, для кого истины христианства выражают последнюю реальность, может еще усилить эти слова, помыслив их как сказанные самим Христом: *"Я есмь любовь"*. Хотя эта фраза и не была произнесена

Христом буквально, она все же явилась сутью Его жизни.

Наша цель состоит в том, чтобы *подобное духовное содержание пребывало в нас в течение некоторого времени со всею возможной для него силой*. И сперва мы должны научиться выходить за пределы простого размышления о подобных фразах. Именно современному человеку это, как правило, весьма трудно. Он начинает рефлексировать, вместо того чтобы медитировать. От сплошных мыслей он к духу не приходит. Или же, если ему удастся загасить блуждающие мысли, он погружается в мир обнаженных чувств, предается им и называет это мистикой. Необходимо преодолеть оба заблуждения. Это возможно, если развить определенную внутреннюю активность, помимо размышлений. Только в таком случае станет возможно переживать подобные слова в течение четверти часа, не впадая в мертвое созерцание или в тупое "мозгованье". Пока не выработан навык сосредоточиваться на довольно долгое время, рассматривая некое духовное содержание, можно всякий раз снова и снова оживлять его посредством различных цепочек мыслей — главное, не упускать из поля зрения основную мысль. Позднее можно удерживать основную мысль или основное содержание, просто стараясь их усилить.

Чтобы надлежащим образом оживить в себе слово "любовь", кое-кому, вероятно, будет полезно поискать сначала в собственных воспоминаниях, где именно он встречал любовь в самом чистом и высоком смысле. Пусть он посмотрит на такое переживание, целиком сосредоточившись на открывающейся ему *сущности* любви, *духе* любви. Чувство, пробужденное при этом, нет нужды удерживать в сознании. Но мы сможем снова и снова оживлять таким образом слово "любовь", если на миг вспомним: вот *такая* сущность, только намного чище, духовнее, совершеннее, — есть Бог, есть Христос.

Чтобы стать внутренне вполне активным и в то же время не заблудиться в дебрях мыслей, хорошо бы попробовать *представить себе и прочувствовать*, как эти слова вспыхивают великим откровением в душе апостола Иоанна, как они оживают в нем при всяком воспоминании о том, что он пережил подле Христа, как он воспринимает их не в пример всему окружающему его античному миру. Такие усилия в скором времени очень полюбятся человеку. Они возвысят его над эгоизмом обыденного христианства, ибо он

будет в меру своих возможностей сопереживать великое откровение Божие, захватившее некогда душу другого человека. Разумеется, если мы внезапно поймаем себя на том, что в нашей душе то приливают, то отступают всевозможные читательские воспоминания об изобильной жизни Римской империи, — значит, мы сбились с пути. Необходимо постоянно смотреть на центральную тему и всячески оживлять именно ее.

Следующий весьма действенный способ усилить в нас это слово — представить себе, что оно обращено к нам из всех далей Вселенной, из всех высей небесных. Оно звучит все выше и выше в ангельских хорах. Оно как сокровенная космическая музыка, что вопреки всем бедам и горестям доносится до нас из царства Божия. Мы вслушиваемся в эту музыку, пока она не станет нашей собственной душой.

Еще один способ усвоить это слово — представить себе конец земного развития. Вот множество людей, которым открылась эта тайна, в которых это слово живет как собственная их душа. Их глазами спасенное человечество взирает на божественного Отца мира и Ему приносит свое исповедание Христа. Там люди много более великие и добрые, чем мы, но и мы тоже среди них. Как бы в зеркале этих человеческих душ, в радости смотрит Божество на самое себя. Люди, сомневающиеся в реальности движущей

миром божественной любви, все же могли бы без сантиментов пережить в себе подобный конец как цель человечества.

Из этих трех способов сделать слово великим и сильным можно выбрать один, который больше нравится, а можно поочередно пропустить через свою душу все три способа — прошлое, настоящее и будущее — и задержаться на каждом образе сколько возможно без особой потери сосредоточенности.

Все до сих пор сказанное соответствует первому действию человекоосвящения —

возвещению Евангелия. Помощь, которую мы здесь предлагаем и которая, конечно же, может быть получена и другим способом, должна защитить нас от безмысленно-эмоционального и привести к духовному чувству. Великая истина, лежащая в первооснове мира, — божественная любовь — должна по возможности обрести ту ясность и силу, что под стать ее чину в Царстве Истины.

Теперь можно бы остановиться и сосредоточиться только на этом первом пункте. Тогда ведь все прочее тоже произойдет, хоть и бессознательно. Но чтобы медитация стала еще действеннее, можно проделать вот что.

Нужно удерживать в душе не какие-то детали образов, но лишь великое главное впечатление, которое надо постараться сохранить как можно дольше и как можно более сильным. Но теперь

усилия направляются прежде всего внутрь, на самого себя. И здесь образные представления опять-таки помогут внутренней активности остаться бодрствующей и живой. Ибо без внутренней активности ничего не выйдет. Итак, представим себе эти слова Иоанна как огонь, горящий на алтаре во внутренних покоях нашей души. Все наше существо как бы со всех сторон сходится к этому божественному огню и приносит себя в жертву. Мы предаем этому огню свои мысли, затем свои чувства, затем волю, стараемся всецело раствориться в нем, будто нас самих уже нет и все пространство, в котором мы жили, заполнено этим божественным огнем. Затем мы пытаемся вновь ожить в этом божественном огне своим сознательным, чистым "Я", стремясь, чтобы оно пылало и светило только этим огнем. Так предаем мы свое "Я" Христову огню и пытаемся расслышать, как сам Христос говорит в нас: "Я есмь любовь", и стараемся обрести из Него новое "Я". Мы стараемся отрешиться от всей нашей прежней жизни и услышать из неземного божественного мира голос Христа, будто Он говорит из чистейшего духа любви: "Никто не отнимает у меня жизнь Мою, Я Сам отдаю ее, сию заповедь получил Я от Отца Моего — чтобы я отдал жизнь за братьев Моих", — и пробуем, сохраняя этот дух, вернуться в жизнь. Мы стремимся так усилить это просветленное Христом "Я", чтобы оно

пронзило пламенем сначала нас самих, наше существо и нашу жизнь, затем все человеческое окружение, в котором мы живем, и, наконец, всю Вселенную, причем как можно дальше.

Все эти усилия отнюдь не попытки "самоспасения", как по недомыслию твердят иные, они направлены лишь на то, чтобы освоить уже данное нам. Освоить со всей серьезностью, подобающей достоинству и величию этого дара откровения. Вернее, это даже не попытки освоить, а попытки существовать ради этого откровения, вновь и вновь принося себя ему в дар. Человек, конечно, увидит, что одного он не умеет — жертвовать собой. Он будет все яснее понимать, почему истинное богослужение содержит в себе жертвоприношение как особое действие и что вообще человека нужно воспитывать, чтобы он мог пожертвовать собою.

И для этой медитации человек вплоть до мелочей может почерпнуть легкость и силу, совет и помощь от второго действия человекоосвящения — от жертвоприношения. Он станет отчетливее понимать, что имел в виду Рудольф Штайнер, говоря, что перед лицом божественного мира человек, желая прийти к подлинным откровениям, должен научиться развивать в себе такие силы внутренней самоотверженности, каких в повседневной жизни ему даже приблизительно не требуется.

Данным здесь указаниям можно следовать как угодно, но цель всегда одна — заполнить наше "Я" духовным огнем, не страстными всполохами, а самым чистым и горячим сущностным светом, сияние и жар которого проникают в нас из первооснов мира.

Если удастся раз от разу усиливать это настроение, то человек начнет делать всевозможные открытия. Он впервые по-настоящему откроет для себя, каким, собственно, может и должен *быть* — и каков он *не есть*. Постигнет, как далеки он и все его существо от Существа божественного. Отчетливо увидит и прочувствует дистанцию между Богом и

человеком. И тогда не по рассказу или каким-то догматическим выкладкам, но по крепнущему собственному опыту поймет, что есть грехопадение. Он почувствует, что не только его дух не в состоянии пока длительное время жить в слове, но что его плоть и жизнь противятся постоянному присутствию истины такого рода. Вполне ощутимо — всеми членами своего тела — человек может прочувствовать, что он порочен. И все же, человек никогда бы не испытал и не смог бы вынести этих переживаний, если бы не ощущал в себе некую силу совсем другого рода, которая хочет и может его преобразить. Из такого истинного слова в нас вливается сила, божественная творческая мощь, делающая нас совсем другими людьми. Нужно невероятно много времени, чтобы не только сознание, но все существо действительно стало другим. Впечатление такое, будто обрабатываешь камень не резцом, а водой. Но человеку должно смотреть не на то, что он есть, но на то, чем ему следует быть, — тогда он ощутит перемену.

Исподволь наступают и мгновения, когда человек вправду становится един со словом откровения. На один священный миг божественное слово становится самой его жизнью. Он воспримлет причастие и, подкрепленный им как чудесною пищей, возвращается в земное бытие.

Это значит, что мы *внутренне* пережили пресуществление и причастие так, как они совершаются *при алтаре* для собравшейся на богослужение общины. Теперь, рассматривая донесенные традицией слова Иоанна с точки зрения их собственного внутреннего хода, мы можем сказать: во фразе "Бог есть любовь" мы пребываем в первом действе человекоосвящения и медитации. Чем больше мы смещаем акцент на вторую половину фразы: "Бог *есть* любовь", тем больше мы вовлекаемся во второе действо, в жертвоприношение. А с фразой "и пребывающий в любви пребывает в Боге" мы можем ощутить себя в третьем действе, в пресуществлении. "И Бог в нем" — это причастие. Внешне апостол над этим не задумывался. Но подобные слова в Библии часто выстроены по некоему внутреннему закону, каковой лежит в основе правильного культа и снова и снова переживается в медитации как объективно необходимый, правильный и благотворный. Этой медитацией (или повторим: этим духовным содержанием тихих часов, которое с полным правом может присутствовать в душе как молитва) мы заложили основу для целого организма внутренних упражнений, посредством которых оживляем в себе Иоанново христианство. Автору остается только предупредить, что эти письма, несомненно, покажутся читателю скучными, если он с самого начала не станет всею внутренней своей активностью участвовать в достижении поставленной цели. Не следует никоим образом останавливаться или впадать в замешательство от трудностей и неудач. Все, что правильным образом делается для внутренней жизни, обязательно вознаграждается. Быть может, со временем сложится круг людей, занятых серьезной религиозной работой над собой. Они станут ядром обновления и будут сокровеннейшими внутренними силами противодействовать великим опасностям, грозящим современному человечеству.

2

Когда Франциск прощался с горой Альверно, где получил стигматы, он бросил последний взгляд на священную вершину, преклонил колена и произнес: "Храни тебя Бог, гора Божия, гора святая, mons coagulatus, mons pinguis, mons in quo bene placitum est Deo habitare (гора твердая, гора обильная, гора, обитать на которой Богу весьма любезно). Прощай, гора Альверно, благослови тебя Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой. Мир тебе, ибо никогда мы больше не свидимся".

Человек, ощутивший настроение подобных слов, может почувствовать, что значило для души Франциска это тихое место молитвы — и чего не хватает современному человеку. Где найдет современный человек свою гору поклонения? Впечатление от

природы на одинокой горной вершине на восходе солнца — это последняя, едва уловимая память о том, что человек минувших времен испытывал в ее горнем мире. Нам необходимо вновь обрести то, что звучит в этих словах Франциска, если мы не хотим, чтобы в человечестве исчезло самое лучшее.

Соловьев говорил о "внутреннем Афоне", которому должно быть в душе каждого человека. Его глазами дух России вновь глядел на священную гору в Греции, с которой струилось в Россию столько благодати. Но Соловьев знал: прошлое не возвращается. Современному человеку должно основать монастырь в себе самом. Причем в куда более широком смысле, чем можно предположить. Тоска многих людей по монастырю имеет глубокие корни. Но если мы вздумаем искать убежища в католических монастырях, то обнаружим совсем не тот мир, к какому стремились, — мир, где мы уже не можем чувствовать себя как дома. Даже если нам повезет, мы все равно поневоле признаем, что тосковали по чему-то совсем иному. Что же до протестантской церкви, то здесь призыв к созданию евангелических монастырей — если не считать полукатолического англиканского мира — не единожды замирал неуслышанным. Да он и был по сути своей недоразумением. Призыв к монастырской жизни рожден из внутренней потребности. Но подразумевает он нечто иное, нежели то, о чем думают сами люди. По сути он зовет к тому, что мы пытаемся сделать *в этой книге*. Ведь мы стремимся учредить некий орден. Только вот монастырь каждый должен строить в самом себе — из свободы и в уединении. Конечно, люди, принадлежащие к подобному ордену, могут собираться вместе и обсуждать друг друга. Но самое важное происходит в одиночестве. Все монастыри минувшего были предвестиями того, что должно произойти в душе.

Вернемся, однако, от католического образа к библейскому. Христос в Евангелии от Иоанна, беседуя с самарянской женщиной, говорящей о горе Гаризим и ее святыне, произнес слова, несущие в себе будущее: "Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине". "Таких поклонников Отец ищет Себе". Гора, о которой говорит здесь Христос, находится во внутреннем пространстве, и Он называет это пространство "духом". Храм, о котором Он говорит, невидим и стоит не на земле, и Он называет его "истиной". Мы взыскуем горы духа, на которой стоит храм истины. Мы хотим воздвигнуть его в себе как "внутренний Афон", как "святую гору Альверно". И когда мы идем к людям и к нашим повседневным занятиям, тогда мы "спускаемся с горы". Когда однажды Христос спустился с горы осиянный славой, в коей Он там пребывал, ученики просили Его: "Господи! Научи нас молиться" — так молиться, как Ты умеешь молиться! Если мы сумеем разбудить в человеке тоску по Храмовой горе, где мы черпаем наши силы, мы станем целителями своего времени.

Рудольф Штайнер сказал однажды, что еще несколько десятилетий такой бешеной жизни — и дело кончится тем, что даже новорожденные дети будут страдать нервным тиком. Слова эти являют нам всю серьезность нашей миссии перед нашим временем и перед самими собой и должны ярко запечатлеться в нашей душе.

Истина, о которой говорит Христос, есть великое царство, которое нам только предстоит открыть. Его можно обрести, лишь обладая соответствующим свойством, а именно "правдивостью". Внушая себе мысль, на которую не имеешь внутреннего права, вносишь в душу элемент разрушения. Потому-то так сбивает с толку медитация, которую рекомендует людям Куэ: "Изо дня в день мне становится все лучше и лучше во всех отношениях". Конечно, посредством такой медитации можно чего-то достигнуть. Равно как нередко можно достичь исцеления, просто игнорируя болезнь или же подобно сциентистам истолковывая такую болезнь как нечто вообще не существующее в человечестве. Между тем уже сам такой подход ложен и опасен. Не вполне истинная связь с действительностью так или иначе неизбежно приведет к провалу, к неудаче. Лучше уж было бы медитировать: "Я хочу, чтобы мне стало лучше". Или: "Я хочу, чтоб болезнь была преодолена". В таком случае остается только спросить, не пренебрегает ли подобная

установка на телесное самочувствие и телесное здоровье более глубокими связями реальности и не впускает ли она во внутреннюю жизнь дух эгоизма и материализма, который хоть и помогает против сиюминутного зла, но обходится дорогой ценой. Мы вправе защищаться от всякой болезни. Но истинное благоразумие сознает, что всякая болезнь несет с собою благословение для души и, как подробно показывает антропософская наука, для тела. Не следует отпускать от себя болезнь, не добившись ее благословения. Поистине здесь применимы древние слова: "Не отпущу Тебя, пока не благословишь меня".

То, к чему мы здесь стремимся, несет в себе и телесное здоровье. Но последнее распространяется по телу благодаря оздоровлению души. Это чувство оздоровления должно устанавливаться после каждой правильной медитации. "Словом Твоим душа моя будет здрава" — гласит человекоосвящение. Должен признаться, сам я толком не знал, что есть здоровье, пока не познал это в медитации. Первозданное ощущение здоровья пронизывает душу и тело. Иные могут счесть, будто это ощущение знакомо им по изрядному походу в горы или энергичным спортивным упражнениям. Изображенное здесь жизненное чувство чем-то похоже, но много духовнее. На этом пути чувствуешь себя уверенно и достигаешь много большего, нежели внушая себе отсутствие той или иной болезни.

По причине таких вот ложных рекомендаций многие люди полагают, что всякая медитация есть самовнушение. Она такова не более и не менее, чем всякое намерение человека обуздать свой гнев, или вынести боль, или быть порядочным по отношению к другому человеку. Упреком в самовнушении можно поставить под вопрос любое волевое усилие. Тогда следовало бы запретить и всякое влияние учителя и воспитателя на ребенка — ведь и это, дескать, внушение. На самом же деле суть в том, чему мы хотим отдать власть над своей душой — истине или же идеалу, который мы осознали и *вправе* сделать своей постоянной собственностью. Именно в самой сущности внушения и самовнушения заложена неправда, которую желают внушить себе и другим, или по крайней мере неправомерность с точки зрения свободы другого. Из-за такого смещения понятий люди не осмеливаются применить волю к своему существу в тот момент истории, когда самое для них важное — научиться этому, чтобы остаться людьми и стать людьми. О душевных усилиях, рекомендуемых здесь, можно только повторить, что они должны быть осуществлены лишь в стране истины и свободы. А там даже самая сильная воля не нанесет вреда, а будет благодетельным помощником.

Об одном из таких начальных упражнений стоит рассказать подробнее, чтобы заранее — выполнить эти упражнения может каждый, кто приходит из внешнего мира, — убедиться в ценности внутренних занятий с самим собой. Но прежде хорошо бы ответить на вопрос, который часто задают начинающие: какая поза лучше всего подходит для медитации?

Конечно, поза имеет некоторое значение. Ведь уже само тело как таковое — ниже мы детально остановимся на этом — является источником затруднений. Человек Востока приводит свое тело в состояние покоя, скрещивая ноги и усаживаясь на них. Но, не говоря о том, что для нас такая поза непривычна и затруднительна, она отрезает человека от определенных тонких токов, которые идут к телу из земли. Такой позой человек Востока подкрепляет стремление уйти прочь от земли, каковое является содержанием его медитации и духом его мировоззрения. Наша ситуация в некотором смысле прямо противоположна, ибо западный человек столетиями молился на коленях. В этой позе человек и внешне близок к земле, и с много большей силой принимает в себя земные токи — разумеется, совершенно ненасильственно и неосознанно. Тем более что мы вполне способны ощутить, насколько большей собственной духовностью обладают наши ступни по сравнению с коленями. Мы и чувствуем их гораздо живее. Поэтому, став на колени, мы еще непосредственнее связываем себя с тем, что исходит из земли. Земная миссия Запада

была подготовлена и продвинута также и благодаря коленапреклоненной молитве.

Итак, какова же наша поза? Для нас правильно не искать опоры в некоей таинственной природной духовности, но искать горнего мира, исходя из ясного сознания и свободной воли. Вот почему телесно действует одно-единственное правило: естественное телесное бытие, по возможности, не должно нам мешать. Лучшей будет та поза, при которой наш дух, насколько это возможно, не ощущает препятствий. И найти для себя такую позу каждый человек должен сам, эмпирическим путем. Одному необходимо побольше удобства, тогда как другого от этого клонит в сон. Для этого другого хороша строгая подтянутость, которая первого отвлекает. В общем, настолько комфортно, насколько это возможно без лени.

Медитация, о которой мы будем говорить, служит достижению спокойствия духа. Она особенно благодетельна для человека, затравленного современной жизнью, а кроме того, показывает, как от совсем простого можно подняться к наивысшему.

Обратимся к слову "покой". Выбери мы его во времена, когда тихая уединенность и без того

была делом обычным, такой выбор едва ли оказался бы удачным. Но в эпоху вечной спешки возможность наконец-то освоиться в слове "покой" становится для несчетного множества людей редкостным телесным и душевным благодеянием.

И вновь нам на помощь должно прийти все богатство наших воспоминаний. Где я в течение жизни сильнее всего ощутил, что такое покой? На ум приходит тихий вечер в лесу. Мы сидим на скамье у озера. Мирно лепечет-играет вода у наших ног. Чуть заметное покачиваясь от вечернего ветерка, шумят деревья. Сумерки разливаются окрест, окутывая все и вся. За день сделано великое множество дел. И вот теперь отдых...

Чем живее и конкретнее образ, тем лучше. Когда же он оживет в полную силу, мы погасим его, сохранив одно только ощущение — ощущение огромного, благодетельного, всеобъемлющего покоя.

Для одного человека это будет вечер в лесу, для другого — впечатление от высоких гор в шапке вечных снегов, которые он неожиданно увидел вдаль во время похода, — непостижимый зов вышнего мира. Для третьего это может быть ночное звездное небо, которое по-особенному ярко запечатлелось в памяти, — возможно, когда он покинул шумное собрание или оживленное общество. У некоторых подобное переживание остается от вечерней песни Гёте "Горные вершины" или от стихов Мёрике, Геббеля, Новалиса. Во всех случаях главное, чтобы детали воспоминания служили только подмогой для обретения чувства великого покоя.

Ощущение покоя должно быть как можно более сильным. Нехудо говорить себе в таких случаях: "Сейчас ты необычайно сильно ощущаешь этот покой, но наверняка есть люди, которые ощущают его раз в десять сильнее, чем ты". В этой медитации, которая может длиться от пяти до пятнадцати минут, необходимо не только постоянно и возможно более осознанно удерживать это ощущение покоя, как бы внутренне все время говорить ему "Да!", но и по возможности усиливать его, стараясь наполнить им все тело, как бы омыться в нем. Для сохранения внутренней активности можно также один за другим погружать в покой свои члены. Тогда-то и заметишь, сколько ненужной суеты у нас в руках, в ногах, в мозгу, в мышцах шеи, поддерживающих голову, и будешь смотреть на покой как на напиток, что разливается по всему телу.

Некоторые, наверно, скажут: "Я при этом засыпаю". А чем плохо — иметь снотворное? Пусть эта медитация сослужит добрую службу и тому, кто плохо засыпает. Он сможет в ней расслабиться. Как дозорный, он обойдет свой телесный дом, высматривая все, что не желает спать, и успокаивая. Особенно внимательно надо отнестись к той области, где голова соединяется с телом, — там не должно быть ни малейшего напряжения. "Покой" в нас должен действительно "покоиться". Если человек *хочет* этого всерьез, благодаря нашему упражнению он заснет даже в случаях на первый взгляд

совершенно отчаянных. Но только он заметит, что зачастую, собственно, вовсе этого *не хочет*, что просто кокетничает со своими возбужденными мыслями и чувствами и отнюдь не желает променять их на такой покой. Но если он и не сумеет заснуть, покой, наполняющий его, если он вправду не думает ни о чем определенном, но "покоится в покое", способен подействовать едва ли не столь же благотворно, как и настоящий сон. Коль скоро ночью человек ищет покоя сна, я бы советовал постараться вжиться в следующий образ: "Вот я покоюсь в своей постели; вокруг меня стены дома, а снаружи движутся звезды: звезды надо мною, звезды вокруг меня и подо мною; если б мог, я бы увидел их сквозь землю; стены дома и весь дом — преходящи, и сама земля преходяща, но то, что живет в звездах, пребудет вечно, этому я предаю себя, я словно распределяю всего себя между звездами, без остатка, всё там, вовне, в звездах; с ними я теперь стремлю мой путь, медленно, покойно, торжественно, вечно..." Тот, кто знаком с антропософской духовной наукой, знает, что таким способом мы при помощи нашей сознательной

воли выходим навстречу тому, чего как раз и желает от нас сон. Подобный покой — несказанно дивное благодеяние, и, зная его, мы и спать-то больше не хотим. Если же нам удастся еще и перейти от образного представления к звуковому и услышать доносящуюся со всех концов звездного неба хвалебную песнь: "Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение", а затем сохранить от этого звукового образа одно только жизненное настроение, торжествующий дух мира, поющий хвалу Отцу миров, отрадный небесный покой, покойную небесную радость как вкус на языке — тогда мы вправду окажемся среди ангелов и сможем так одухотворить и просветлить наш сон, как даже и не мечтали.

Однако ж речь идет вовсе не о возможности заснуть, а как раз о пробуждении. И коль скоро можно помыслить глаза, которые днем видят звездное небо (ведь оно окружает нас всегда), значит, может существовать и некий дух, настолько погруженный в душевный покой, что даже днем в самой глубине его жизненных ощущений над ним простирается звездное небо. Звездный дух, как можно было бы назвать это существо, сопровождает человека на жизненных путях.

Стоит упомянуть здесь еще одно образное представление, которое помогает уснуть. Его порекомендовал мне Рудольф Штайнер, когда я просил его помочь некому человеку, страдающему бессонницей. Нужно представить себе, будто сидишь на краю пропасти возле розового куста, обрываешь розы одну за другой и усталым жестом роняешь в пропасть. Если кто-нибудь возразит, что у него при этом кружится голова, то можно изменить образ, представить себя орлом, который, мощно взмахивая крыльями, снижается к темному ущелью. Взмахи крыльев можно тогда сопрячь со вдохом и выдохом.

Раз покой можно принимать подобно лекарству, точно так же можно принимать и всякое другое духовное содержание. Особенно целительно упражнение "Чистота". Его можно выстроить и оформить по примеру представленного нами упражнения "Покой". В этом нам поможет погружение в непорочный жизненный ток растений или в кристально чистое великолепие заснеженного ландшафта, или образ Сикстинской Мадонны, или опять-таки звездное небо. Все это способно оказать такое же, а то и лучшее воздействие, чем обычай средневековых монахов бросаться для внутреннего охлаждения в снег или в ледяную воду. Подобным образом человек может научиться как бы вдыхать силу воли, правдивость, добро. Он узнает, что в его распоряжении есть замечательная духовная аптека, только он еще толком не умеет ею пользоваться.

Но вернемся к упражнению "Покой". Постепенно оно становится для человека чем-то вроде санатория, построенного им самим для себя. Когда он захочет отдохнуть, ему более не понадобятся дальние и дорогостоящие поездки в горы. Он заглянет к себе в покой. Вначале я иной раз представлял себе, будто живу в этом покое, как ныряльщик, пребывающий в море под большим стеклянным колоколом. Снаружи бушует море, вокруг снуют рыбы, на них нападают морские хищники, а он, под защитой своего подводного

дома, глядит на все, что его окружает. Так и мы из своего Дома Покоя можем бросить духовный взор на тревогу и спешку, царящую снаружи, и через созерцание противоположности усилить чувство покоя.

На этом пути многие лишь исподволь начинают постигать, что такое истинный покой. Прежде они знали его только в форме бессознательного сна. Настоящий покой входит в нас, покоится в нас, бодрый и живой, питает нас, исцеляет, обожествляет. Когда я испытал его впервые, у меня было такое чувство, что лишь теперь наконец появилась возможность работать над "нервами". Здесь как с грузом, который можно поднять, ухватив его снизу, — обнаруживается область, лежащая глубже нервов, и, помыслив слово "покой", человек тотчас оказывается в своем Доме Покоя. Посреди самой яростной уличной суеты, посреди самого шумного собрания — стоит только подумать о покое, и он воздвигается, точно храм, и облакает нас своей безмятежностью.

Говоря здесь об этом, мы подобно врачу-невропатологу работаем над духовной жизнью человечества. Никакие пилюли не помогут человеку так, как эти упражнения покоя. Если человечество примет написанное нами всерьез, опасность невращения и еще худших психических заболеваний, которые возникают от изнурительной спешки, будет преодолена за несколько десятков лет.

До сих пор мы вели рассуждения таким образом, что даже абсолютно далекий от религии человек мог следить за ходом нашей мысли. В заключение, однако, следует добавить кое-что имеющее прямое касательство к миру, о котором говорит религия. Тот, кто находит соответствующую опору в своем внутреннем существе, пусть претворит этот покой в огромное доверие. Пусть устремит свой взор к духу, властвующему за всеми и над всеми звездными мирами, и пусть умиротворенность, струящаяся к нему из дальних далей, отхлынет от него великим, глубоким, совершенным сердечным доверием. Он заметит, как при этом слабеют несчетные внутренние напряжения, о существовании которых он даже не подозревал. Он "отреагирует" множество потаенных страхов и кошмаров, и ему вовсе не понадобится доводить их до своего сознания посредством методов психоанализа. Но доверие должно быть живое, не опускающееся до фаталистической невозмутимости. Ведь современному человеку нужна сила активного преодоления мира. К невозмутимости приходили многие люди минувших эпох. Рассказы о стоицизме римлян, а тем более о буддийских монахах, и прежде всего о самом Будде, вызывают благоговение перед такою вершиной человеческого самовоспитания. Однако же это еще не христианская умиротворенность.

Хорошо и тут посмотреть на Христа. Разве Он — не "Слово", не Мировое Слово? Что обращалось к нам из глубин звездного неба? Разве не Он тоже? Хвалебная песнь ангелов в святой ночи — не есть ли она в основе своей Его собственное певучее существо? В прощальной беседе Христос сказал своим ученикам: "Сие сказал Я вам, чтобы вы имели во Мне мир (Frieden). В мире (Welt) будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир". И еще "Мир оставляю вам, мир Мой даю вам: не так, как мир дает, Я даю вам". Эти последние слова Христа имеютя как в древней мессе, так и в человекоосвящении. В последнем они свободно возродились из сокровеннейшего своего духа: "В умиротворенье смотрю Я на мир; такое примирение с миром может быть и вашим, ибо Я даю его вам!" А после воскресения Христос приветствует своих учеников знаменательным "Мир вам!" Можно помыслить эти слова произнесенными в прошлом, в истории Христа. Но можно помыслить их также произнесенными в настоящем, ибо каждый вечер в звездном небе эти слова, как откровение высочайшего божественного духа, справляются о наших душах. Если мы, переживая их, будем исходить из великого вселенского целого, то можно не опасаться, что мы будем жить только в личной умиротворенности, как легко случается в религии прощения грехов, или будем пребывать в пассивной умиротворенности, к которой так легко приходят в религии упования на Бога. Напротив, суровый ход великих мировых часов сообщится и нашему сокровеннейшему чувству жизни. Они для того и существуют.

И вот мы умиротворенно обращаемся к миру, соединяясь с ним в его становлении, которое может произойти через Христа. "Мир Мой" — подчеркивает Христос в Евангелии от Иоанна. Это значит: мир, который есть Я. Оттого-то мы вправе полагать, что речь Его обращена также и к нам. "Я есмь мир! Мир, который есть Я, да будет с вами!" Если возможно пережить эту медитацию покоя так, чтобы воспринять голос Христа из всех далей, высей и глубин, то она поднимется до того величия и силы Божией, какие только достижимы для человека.

Читатели, однако, могут задаться вопросом: хорошо, но какую же медитацию нам стоит выполнить: медитацию любви, предложенную в первом письме, или медитацию мира, предложенную здесь? *И* многих недоумение еще возрастет, когда в последующих рассуждениях мы будем говорить о целом ряде других медитаций, которые, как мы надеемся, будут все более прояснять, что значит медитация и чем она стремится быть. Дело в том, что в подобных эпистолярных рекомендациях невозможно указать, какая именно медитация подходит для каждого конкретного человека. Здесь можно только развить своего рода организм внутренних упражнений, где во всей полноте будет жить Иоанново Евангелие. И тогда пусть каждый выберет то, что ему подходит. Он может выбрать и все целиком, а в таком случае ему на всю жизнь хватит работы, чтобы внутренне усвоить все это. Это верный путь. Ибо в таком организме во всей полноте живет дух Иоаннова Евангелия, столь близкий грядущему времени. Однако при этом нам следовало бы вновь и вновь возвращаться к созерцанию центрального слова, которое объемлет всё: "Я есмь любовь!" Это изречение мы разворачиваем так, что сначала в семи глаголах "Я есмь" погружаемся в переживание этого "Я". А затем в семи так называемых ступенях страстного пути рассматриваем "любовь" в ее божественном откровении. И наконец, в семи "чудесах" Евангелия от Иоанна мы взираем на "есмь" в его действительной земной жизни и восприимлем его в себя.

Слова же "Я есмь мир!", о которых мы говорили сегодня, служат при этом как бы фоном. Вполне возможно, иной решит, что для начала ему нужна, скорее, умиротворенность в смысле Иоаннова Евангелия. Но тогда пусть он медитирует так, чтобы мир в нем переходил в любовь, чтобы это была умиротворенность не эгоистичная, не пассивная, но соединяющаяся со становлением мира. Другой охотно остановился бы на слове "любовь". Тогда пусть он сперва наполнит себя звучанием "мира", чтобы любовь обрела величие, чистоту, покой той мировой основы, из которой она пришла ко Христу, и не затерялась в нездоровой суете или человеческой малости. Ведь и "становление мира через Христа", о котором говорит человекоосвящение, проистекает именно из умиротворенной обращенности к миру.

Впрочем, можно подумать еще вот о чем. Человек погружается в слова об *умиротворенности* вечером, а в слова о *любви* — утром. Слово "любовь" может взойти над ним вместе с *солнцем* и новым днем — так же, как слово "мир" звучит ему из *звездного неба* и всеукрывающей ночи. В нашу жизнь войдет великий ритм, подобный ритму дня и ночи, более того, несущий в себе самый дух этого ритма дня и ночи. Это как бы

высшее дыхание дня. Вдох — когда мы медитируем над словом "мир", и выдох — когда медитируем над словом "любовь". Этот ритм исхода от "Отца" и входа соответствует сокровенному жизненному ритму самого Христа в Его дневной и ночной жизни, изображенному в Евангелиях. Этот ритм живет в глубинной основе самого благовещения Христова, что сообщено в Евангелии от Иоанна. "Я исшел от Отца" — звучит в первой части. "Я иду к Отцу" — звучит во второй части. Первое — слово любви; второе — слово мира. Так в этих двух медитациях мы учимся принимать в свою жизнь Христа, каким изобразил Его самый близкий и доверенный Его ученик. И антропософская духовная наука рассказывает нам, что сама великая божественная жизнь содержит в себе возвышенные ритмы, ибо за миллионолетним *мировым днем* всегда наступают мировой отдых и *мировая ночь*, когда мир входит в Бога-Отца и покоится в нем — дабы затем вновь выйти из него

обновленным и еще более величественным. Посредством этих слов — любовь и мир — мы подходим к сему ритму в жизни Бога-Отца настолько близко, насколько это возможно для человека.

Не умолчим и еще об одной тайне, хотя большинство читателей вначале воспримет это лишь как рассказ. Если наше существо погрузится в *мир*, в гармонию глубочайших сил Вселенной,

то из этой Вселенной образуется для нас иное *тело* — очень нежное и сокровенное. Если через наше существо будет струиться *любовь*, божественный дух Вселенной, то наша *кровь* изнутри обновится. Таким образом, в этом двойном упражнении можно пережить высочайшее причастие и *принять от Христа*, на коего нам должно взирать в меру своего понимания, *Его тело* и *Его кровь*. Мы просто всматриваемся в Христа и входим в Него, учимся жить в Нем — вот та вершина, какой мы способны достичь в медитации. И наши размышления предназначены для того, чтобы сие стало возможно для человека во всей полноте и жизненности. Человек может чувствовать себя как бы облеченным во Христа, дышать в Нем как в некоем горнем воздухе, пробуждаться в Нем как в некоем горнем свете, воскресать в Нем как в некоем высшем теле.

3

Многие хотели бы получить ответ на вопрос: как же, собственно, соотносятся медитация и молитва? Не так давно даже вышел в свет труд марбургского богослова Фридриха Хайлера, где нас спрашивают, чему мы отдаем предпочтение — медитации или молитве. В первом случае, полагает автор, мы впадаем в буддизм, и только молитва является подлинно христианской. Пожалуй, этак придется исключить из христианства и величайших христиан средневековья. Ведь они действительно медитировали о смерти и воскресении Христовом — в том же духе, как рекомендовано здесь. И своей удивительной религиозной силой они большею частью обязаны именно мощи своей медитации.

Мы, естественно, вовсе не считаем, что всякий, кто привык утром и вечером произносить молитву, отныне должен немедленно от нее отказаться и вместо этого обратиться к медитации. Но если б можно было провести по этому поводу

опрос, то обнаружилось бы, что огромное количество людей уже вообще не молится. Они идут по жизни, и лишь изредка у них мелькают случайные, по-детски наивные и большей частью суеверные мысли о горнем мире, причем они даже не замечают, чего им недостает. В религиозных кругах обычно склонны заблуждаться касательно ужасающего запустения и одичания, царящего во внутренней жизни людей. Руководство к медитации, подобное представленному здесь, призвано вступить в беседу и с теми, кто всего ждет от молитвы. Впрочем, ныне и люди, которые еще молятся, являют собой неутешительное зрелище. Конечно, полной и исчерпывающей картины составить невозможно, а разрозненные впечатления свидетельствуют, что все-таки здесь еще сохранилось нечто большее, нежели кажется на первый взгляд. Но многие ли из молящихся творят молитву из подлинной внутренней потребности, а не просто по привычке или от суеверного страха? Многие ли молятся с радостью, не замутненной никаким страхом — скажем, по поводу пропущенной молитвы? Преобладающему большинству придется признать, что они, в общем-то, толком не знают, зачем нужна молитва. Она у них тусклая и бездейственная. Они покуда продолжают молиться по доброй воле, но порой спрашивают себя, имеет ли еще смысл молиться в нынешних обстоятельствах и не лучше ли оставить это занятие. Соприкосновение с божественным миром они ощущают очень слабо. И временами чувствуют себя едва ли не лицемерами. Один университетский профессор-богослов, вдобавок крайне ортодоксального толка, сказал мне как-то чуть не со слезами на глазах, что всегда страстно желал молиться так, как молилась его мать, но вполне отдает себе отчет, что он весьма далек от этой цели. И там, где люди еще молятся сообща, например

перед трапезой или в церкви, незачем быть тонким психологом, чтобы заметить, сколь многое происходит механически, тогда как мысли заняты совсем другим. Если б можно было исследовать молитву наших современников, мы бы увидели *стремительный упадок* умения молиться. Даже совершенно отвлекаясь от эгоизма и суеверия, закрадывающихся в молитву, приходишь к выводу, что душевные силы, которые составляют единственный источник молитвы, присутствуют здесь в пугающе малой степени.

Когда нам рассказывают о Христе Он воззрел на небо, Он посмотрел на Отца Своего, — то, наверное, чистое зеркало Его души как бы обратилось к звездному небу, которое отразилось в нем — ясное и безмятежно-могучее. Вживе это впечатление мы черпаем из Евангелий, например из молитвы первосвященника. Когда же *наши* души обращаются ввысь, в них, как в мутном, тусклом зеркале, обозначается разве что бледный отблеск, но никак не звездное небо. Тридцать лет назад мы, молодые теологи, пытались опытным путем установить, что, собственно, происходит в человеческих душах, когда произносится слово "Бог". Результат оказался достаточно тревожным. Удалось выявить лишь некое обобщенное устремление ввысь, некую смутную тоску и предчувствие. В теперешнем богословии, рассуждающем только о таинственном далеком Боге, этот факт проявляется со всею очевидностью.

В нынешнем бедственном положении, в бедственной ситуации эпохи, которая научилась смотреть наружу и вниз, но совершенно разучилась смотреть ввысь и внутрь, именно медитация способна во многом оказать действительную помощь. Посредством медитации мы сперва вновь научимся видеть духовное как таковое. И учиться мы будем очень медленно. Однако же по-настоящему. Ведь в каждом упражнении медитации мы стараемся увидеть, что в нашей душе присутствует нечто духовное, и вглядываемся в него. Разумеется, это пойдет на пользу и молитве. Да и чем плоха такая форма молитвы, когда мы просто созерцаем божественное? Вместо того чтобы просить — вот уж в чем мы, как правило, проворны, — мы учимся молчать и созерцать. И тогда мы уже на пути к поклонению, о котором род человеческий забыл. Мне всегда казалось, что на такой путь могли бы наставить нас три первые просьбы "Отче наш", побудить нас для начала хотя бы попытаться действительно узреть и понять то, о чем идет речь, — божественное имя, божественное царство, божественную волю. Эту молитву на занятиях с конфирмантами и в проповедях весьма удачно называют беседой души с Богом. Но здесь мы позволяем себе то, чего никогда бы не позволили себе ни с одним высокопоставленным человеком: мы вовсе не ждем, пока с нами заговорят, а поспешно выкладываем собственные свои пожелания и просьбы, говорим сами, и подробно, а высказавшись, торопимся прочь, даже не потрудившись спросить, не имел ли и другой что-нибудь сказать. Многие молитвы смолкнут, не начавшись, если мы хоть раз по-настоящему захотим увидеть "Бога".

Медитация ведет к много более чистому виду молитвы, нежели та, что привычна большинству. Она позволяет Богу заговорить. Она учит слушать. И ведет к "услышанию молитвы", каковое есть нечто совсем иное, чем незамедлительное исполнение наших желаний. Она воспитывает нас, чтобы мы чувствовали божественное существо и поистине черпали в нем божественную волю для нашей жизни. Это куда более достойный способ общения с Богом, нежели уверенность, будто Он должен немедля быть к нашим услугам. И способ куда более действенный. Конечно, во всякой нужде нам дается по нашей просьбе непосредственная помощь. И тот, кто умеет правильно просить, порою, наверно, прямо-таки пугается, что помощь так близка и что он, оказывается, окружен небесными слугами Христа во всякое мгновение, когда умеет их призвать. Но гораздо важнее даже не то, что мы получаем помощь, а совсем другое — что мы вырастаем в божественную волю. И для этого нам служит медитация.

Последняя же и величайшая ее помощь заключается в том, что она внутренне полностью *преображает нас* самих в прошение. Я не преувеличиваю. Чем больше мы учимся медитировать, тем более наша душа занимает просительное положение.

Высочайшее медитирование есть высочайшее прошение. Иначе на некоей высокой ступени медитация была бы вообще невозможна. Мы все более учимся распахиваться. Учимся взирать на божественный мир с горячим стремлением, какого прежде вовсе не ведали и какое само по себе есть молитва; учимся внутренне претворять самих себя в молитву — не ради исполнения каких-то отдельных желаний, а чтобы самим сделаться сосудом божественного "исполнения". Нам кажется, что Христос именно этого желал от Своих учеников. Читая Его прощальные слова, мы снова и снова замечаем, сколь твердо и настойчиво говорит Он о прощении во имя Свое. Образ учеников, какими их мыслил Он, являет нам людей, призванных совершать вонне много более мощные дела, "большие дела", чем собственные Его деяния в мире, проживать свою жизнь, исполняя могучие божественные деяния; но внутри себя, в непрерывном прощении, они еще величавее. Вся их внутренняя жизнь есть непрестанное вопрошение горних высей, прошение горних высей, приятие из горних высей. Такое впечатление, что эту внутреннюю силу приятия свыше Христос представлял себе столь великой, что масштаб ее недоступен нашему разумению. Совершать вонне деяния силы, принимать дух изнутри — таковы подлинники ученики. 3 человекоосвящения слова "просить во имя Мое", столь часто и решительно звучащие в прощальных речах Христа и в общем столь исключительно редко и поверхностно исполняемые, переведены выражением: "Да живет Христос в нашей молитве". Медитация, какую мы здесь описываем, ведет к тому, чтобы сначала в ней действительно мог явиться *Христос* и чтобы затем Христос действительно начал жить в нас. Когда же Он начнет жить в нас, Он начнет и *молиться* в нас, иначе и быть не может. Ибо это и есть Его подлинная жизнь — извне вовнутрь. И тогда мы поймем, по-новому, ясно и живо, что означает молиться во имя Христа. Высочайшее, божественное счастье для человека — постичь хоть малую толику этой молитвы Христа. По-своему ведет нас к этим высотам и человекоосвящение, наставляя нас, что после пресуществления надобно творить молитву "Отче наш". И мы исподволь понимаем, что должны предоставить Христу молиться в нас. Словами, которые Он Сам некогда произнес и которые дал Своим ученикам на их просьбу о молитве, начинает Он Свою сокровеннейшую жизнь внутри нас и так вступает в нас самих.

Но прежде мы должны ответить тем, кто жалуется, что не раз пытался медитировать, но не заметил никакого прогресса. В своем нетерпении люди всегда ждут много более скорого прогресса, нежели возможно. Нельзя взлететь на гору, можно только идти — медленно, шаг за шагом. Со мной тоже бывало, что после целого года напряженных медитаций я не ощущал почти никакого сдвига. И когда я затем пришел к Рудольфу Штайнеру, он заговорил именно об успехах. Я возразил, что у меня на сей счет другое мнение, и в ответ услышал: "Вы сделали большие успехи, только еще не осознали их". И вместо того, чтобы все время измерять свои успехи, я приучил себя размышлять о растении и постоянно напоминал о нем другим, что были недовольны собой. Нельзя все время копать в цветочном горшке, проверяя, не проросло ли семя.

Это вернейший способ убить растение. Следует позаботиться о свете, воздухе и воде и уметь ждать. Даже когда росток уже появился, зачастую кажется, будто он вовсе не развивается. И у растущего ребенка нередко подолгу не заметно никаких признаков роста, хотя его изо дня в день хорошо кормят. А потом он вдруг за какие-нибудь четыре недели резко вытягивается. Точно так же и с внутренней жизнью. Желая ее благоприятного развития, мы должны относиться к ней с тем же доверием, что и к растению и к растущему ребенку. Если мы недовольны, нужно проверять воздух, свет и воду, а не растущий побег. При надлежащем питании он наверняка вырастет сам по себе.

Первым и единственным ориентиром — зачастую на *долгое* время — будет чувство, что находишься на верном пути. Но иногда и этого нет. Впрочем, иногда все же возникает некое чувство голода, стоит нам пропустить "сеанс" внутренней работы над собой. Есть в этом душевном голоде нечто примечательное. Мало-помалу, если мы регулярно пестуем

свою внутреннюю жизнь, мы заметим, что он возникает именно в тот час, когда мы привыкли медитировать. Как будильник, он напоминает нам о нашей обязанности. Люди, вынужденные много разъезжать и потому то и дело выпадающие из жизненного распорядка, очень страдают от этого отсутствия ритма.

Возникает ощущение полного внутреннего распада. Здесь косвенно дает о себе знать то, что антропософская духовная наука называет эфирным, или жизненным, телом. Эта низшая часть нашего душевного существа интенсивно живет во времени и ритме. Вот почему ритм столь благотворен как в медитации, так и в культе. Однако помимо благотворности, в жизни такой ритм означает еще и укрепление сил, важность которого постигаешь лишь исподволь. Возвратным потоком времени жизнь всякий раз отдает нам обратно то, что мы внутренне выработали в прошлый раз, и мы можем начать как бы там, где закончили. Всякая правильная медитация, всякое интенсивное отправление человекоосвящения, всякое в полную силу произнесенное "Отче наш" всегда приносит благо, если в следующий раз мы обратимся к тому, на чем закончили. Как будто гномы в промежутке успели еще на чуточку достроить дом.

Но куда хуже, чем с людьми, не ощущающими своего продвижения вперед, обстоит с теми, кто полагает, что медитировать им вообще "не под силу". Часто слышишь горестные жалобы, что на протяжении многих лет все попытки медитировать оказывались тщетны. Для многих людей путем к медитации может стать культ. Своими образами и словами, которые можно вспоминать всегда, в том числе и за повседневной работой, именно культ способен пробудить и воспитать во многих людях настрой благоговейного, любовного созерцания. Разумеется, дело не в том, что культ как раз и предназначен для тех, кто не умеет или еще не научился медитировать. Всякое оскорбительное слово по адресу культа воспринимается знающими, что есть культ, как преступление против ликующей божественной действительности. В христианском культе Сам Христос Своим присутствием воздействует на человека. Всякая самодовольная болтовня смолкает перед возвышенным действием. Но именно для подлинного христианства весьма характерно, что культ снисходит *также* и к людям, которые сами по себе еще не способны к медитативной активности. Он помогает им, как и другим, — иными способами. Пусть каждый решит, что более всего продвигает его вперед, это и есть для него наилучшее. Тогда и спорить будет не о чем. Но можно сказать и следующее: уже сама искренняя, неустанно повторяемая попытка медитировать продвигает человека вперед, даже если он всякий раз вынужден признать свою беспомощность и неспособность. Я не побоюсь сказать, что есть упражнения, которые я тысячи раз пытался делать в течение доброго десятка лет, но всегда безуспешно. Однако именно спокойная, последовательная старательность, при том что вновь и вновь терпишь неудачу, имеет высокую духовную и моральную ценность. Хотя во многих случаях человек еще не умеет обратить внимание именно на то, что происходит в действительности. К примеру, многие жалуются, что никак не могут достичь живого чувства покоя. На самом же деле они только сейчас впервые замечают, сколь хилы и слабы вообще их чувства. Прежде, в той жизни, где одно чувство обгоняло другое и все чувства отражались во внешнем мире и оттого казались больше, они этого не осознавали. Точно так же обстоит и когда человек жалуется, что не умеет сохранить какое-либо духовное содержание. Уже прогресс, если он однажды хотя бы заметил, каким скудным и обманчивым светом мерцали мысли, которые до сих пор жили в нем. Михаэль Бауэр, которому я весьма обязан за помощь в моих занятиях медитацией, рассказывал мне об одном своем знакомом, сказавшем ему: "Как только я сажусь медитировать, ощущение такое, будто наскочил на улей и оттуда с жужжанием вылетают тучи пчел, — так разлетаются мои мысли". Улей и пчелы были всегда, но не было человека, который их видел; он пробудился лишь в медитации.

Если мы намерены продолжить содержательное построение наших медитаций, то хорошо бы закрепить в глубине обе великие основные медитации дня и ночи: "Я есмь

любовь!" и "Я есмь мир!". Те, для кого Христос еще не стал живой реальностью, могут думать о "Боге" или об идеальном человеке. Отправляясь от этих основных медитаций, мы постараемся теперь обжиться в "Я".

Очень важно уметь непосредственно ощутить это "Я", которое глаголет здесь. Это станет величайшим приобретением в нашей жизни. Можно подготовить себя к этому, попытаюсь ощутить другие "Я". К примеру, можно прочесть несколько страниц Гёте, отложить книгу и спросить себя: "Что за человек, что за "Я" открылось мне здесь?" Нам предстанет светлое существо, распахнутое миру, легкое и свободное духом. Можно вновь и вновь вкушать от такого "Я", питаться им, не думая при этом о каком-то частном знании или чувствах. Чтобы почувствовать разницу, можно затем прочесть страничку из Ницше и посмотреть в глаза этому духу, или, точнее, этому "Я". Взгляд погружается в "Я" редкого духовного благородства, тонко развитое, свободолюбивое до упрямства. Подобные попытки нынешними людьми предпринимаются редко. Но они-то и раскрывают жизненные глубины истории человеческого духа.

Невозможно выразить словами переживание, ожидающее нас, когда после таких приготовлений мы взираем на "Я", глаголющее в Евангелии от Иоанна. Его чистота — как прозрачайший свет. Оно обладает уверенною силой, в ко-

торой нет ничего от насилия, поистине лучезарной свободой, в которой нет произвола, щедрой самоотдачей, в которой нет слабости. Пробудившийся к этому чувству не ведает ничего более высокого, чем просто вглядываться в это "Я" и как бы купаться в его лучах. Более того, это очистительное крещение, вечно длящаяся вечеря. При этом можно покуда придерживаться исторического. Начинаешь хорошо понимать евангелиста Иоанна, которому, наверное, тоже хотелось всегда созерцать этот свет и который уже не мог более употреблять слово "Я" в отношении себя самого — он называет себя лишь "учеником, которого любил Господь", — после того как услышал слово "Я" из уст Христа. Но что можно узнать об этом важнейшем чуде из расхожих толкований Евангелия от Иоанна?

Очевидно, для большинства людей невозможно сразу увидеть свет этого "Я". Тогда пусть настоящее описание вызовет у них охоту погрузиться в глаголы "Я есмь", в один за другим, и взглянуть на самое сокровенное, что мы поначалу способны воспринять, — на существо Христа.

Первое изречение гласит. *"Я есмь хлеб жизни"* (Ин, 6: 35, 48).

Благодаря этому глаголу мы можем тотчас узнать, какое значение для нашего внутреннего воспитания могут иметь великие религиозные произведения прошлого. Вспомним "Вечерю"

Леонардо. На картине Христос через свою левую, в щедром жесте раскрытую ладонь продолжается в лежащем на столе хлебе, и это не только прекрасная художественная находка, но подлинное откровение. Если мы воспримем это, то в глубинах души, куда мы и сами не в состоянии проникнуть, сформируется некое существо, подобное Христу. Через эту картину Христос совершает над нами таинство. Он передает нам Свои силы и дарует причастие. Исходя из этого, можно спросить: не пользуются ли зачастую и силы супостата такими же подспудно действующими в бессознательном средствами, чтобы губить людей незаметно для них самих? На Леонардовой картине Иуда противоборствует Хрипу, он протягивает навстречу Христовой руке не открытую, но конвульсивно сжатую ладонь, и не хлеб он держит в руке, но камень, твердый металл. Это — внешние руки Иуды и Христа. Но и внутренние руки говорят друг с другом и борются тем или иным образом. Два рода духов обращаются к нам и призывают нас сделать решающий выбор.

Камень и хлеб — это знаменательное противопоставление вновь и вновь звучит в глубине Евангелия. Когда искушитель сказал Христу: "Если ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами", — тогда ответил ему Христос: "Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих". Мы сами узнаем по опыту, что выдержанным испытаниям всегда соответствуют проявления божественной милости.

Именно оттого, что Христос произнес эти слова в миг искушения и жил после этого, Он мог затем на горе насытить людей пищей более высокой, нежели хлеб. Он Сам есть "слово, исходящее из уст Божиих", которым могут жить люди. "Не хлебом одним будет жить человек", — величавым эхом звучит с небес, когда Христос идет по рядам и питает людей от Своей божественной жизни.

Таким образом мы приближаемся к пониманию того значения, какое имеют для медитации сами евангельские образы. Нужно только — именно в случае с образами Иоаннова Евангелия — сквозь внешность событий заглянуть в самую мировую историю. На горе собралось само человечество. Христос, исполненный жизненной мощи, проходит по рядам. Ученики Его здесь только помогают подавать. От Него же исходит сила, питающая людей. Величественный настрой благодарения объемлет этот образ и дивно пронизывает все вокруг. Если мы, отвлекаясь от отдельных слов и действий, о которых сообщают Евангелия, сможем воспринять Его Самого именно так, если сможем пережить Его слово так, что вместе с человекоосвящением скажем: "Словом Твоим душа моя станет здорова!", если сможем в собственном своем переживании слиться с Петровым исповеданием, которым знаменательно заканчивается пава о насыщении: "Господи! К кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни", — тогда мы окажемся на пути к тому, чтобы исполнились слова о хлебе жизни...

Так мы придем к тому, чтобы просто войти во Христа и быть в состоянии вкушать Его. Ибо Он пришел, чтобы стать пищей. Об этом говорит нам уже само первое изречение "Я есмь". Оно вводит нас в христианство более сущностное, чем обыкновено. Если мы укрепим свой опыт, наблюдая, как вскармливает и питает нас самих жизнь великих и добрых людей, как в *нас самих* обнаруживается сокровенное, *живущее только* такой пищей, то смысл жизни Христовой будет становиться для нас все более величественным. Это действительно *пища*. Самое сокровенное в нас живет *только* ею. Оно испытывает голод, если не вкушает от нее.

Теперь нам раскрывается смысл многих евангельских изречений о тех, кто голодает. Может даже возникнуть впечатление, что *то* в нас, что живет Христом, будет становиться все важнее, а то, что живет "хлебом одним", — все несущественней. Люди, постившиеся, чтобы полнее отдать себя Христу, угадывали эту тайну. Рассказывают и о святых, которые жили одной только гостией. Слова эти — пророчество.

И таинство причастия является нам новой своею стороною. Оно приготавливает нас к новому виду вкушения. Среди рая стояло дерево, о котором сказано: "В день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь". Теперь стоит другое дерево на *земле*, о котором можно сказать: "В день, в который вкусите от него, узнаете, что есть жизнь". И вся гл. 6 Евангелия от Иоанна, где мы находим слова о хлебе жизни, поистине преисполнена этими звуками, переливающимися в музыку воскресения: "Я воскрешу его в последний день". Именно этого переживания воскресения через хлеб жизни хочется пожелать людям. Когда мы сможем войти во Христа и питаться им в высшем смысле слова, тогда только мы поистине узнаем, что есть *пища* и насыщение, жизнь и воскресение. Христос есть *этот* хлеб.

Но, постигая такое внутреннее вкушение, мы вскоре заметим, что и внешнее вкушение начинает превращаться в нечто иное! Телесный процесс делается пронизан для события, приобретающего все более духовный характер. Мы ощущаем все большее таинство в том, что в пище есть нечто дарящее нам себя, отдающее нам себя, жертвующее собой ради нас. Мы все отчетливее слышим некое "Я", исходящее от хлеба на столе. И с все большим благоговением усматриваем то же в ежедневном питании — и в событии на кресте, когда Христос ради нас жертвует Собой. Одно и

то же "Я" в обоих случаях глаголет: "Я есмь хлеб". И это много больше, чем то, что сказал нам Лютер о "милом хлебе насущном". Лютер говорит от теплоты душевной. Здесь же мы заглядываем в возвышенный мир духовного откровения. Тот же Бог, который привел Христа к крестной жертве, обращается к нам из каждого куска хлеба,

совершающего свою божественную жертву на нашем столе. Застольная молитва приобретает теперь другой смысл. Мы понимаем, что для людей прошлых времен еда была культовым действием. И вскоре на собственном опыте узнаем, что наша трапеза избавляется от ужасающего варварства, в коем она погрязла, если ей сообщать хотя бы легкое дуновение такого настроения. Более того, мы заметим, что еда питает нас совершенно иначе, чем раньше, если мы именно так, "с благодарностью принимаем и вкушаем". От хлеба берет начало процесс, который захватывает и весь остальной мир. От "вкушения" еды за столом само слово "вкушать" становится каким-то иным. Мы начинаем чувствовать себя участниками божественной трапезы. Начинаем возвращаться в рай: "От всякого дерева в саду ты будешь есть"! Цветы делаются для нас не просто радостью, но поистине пищей, а равно и звезды. Хлеб жизни — в солнечном луче, идущем к нам, и в величии гор. Все это здесь дано лишь намеком. Особо укажем только на одну деталь. Искуситель некогда требовал у Христа превратить камни в хлеб. Когда мы приходим к умению духовно пережить и вкусить, как хлеб, могучие скалы горных кряжей, тогда Христос все-таки совершает в нас это чудо. Претворяет камни в хлеб — меж тем как его последователи зачастую совершали противоположное, превращая хлеб жизни в камни.

Ныне люди много говорят о "мировоззрении". Однако они не знают, что истинное мировоззрение нельзя просто *вычитать* или *выдумать*, его необходимо *выработать* из человека в его целостности. В будущем это обнаружится еще явственнее. Люди по-детски пристально глядят на мир. Но они не знают, что и обыденный взгляд нужно воспитывать и после этого мир "видится" совсем иначе. С другой стороны, эта работа над собственной духовностью заступит место давнего принятия догматов на веру. Активнее станут и мировоззрение, и вера. Христианство уже нельзя будет просто перенять как систематический организм мыслей, нужно будет сугубо индивидуально, шаг за шагом вырабатывать его во внутренней работе как новый мир, как совершенно новую духовность в Духе Святом, который приходит к нам через Христа.

Христианская "картина мира" есть великое причастие. Во всех вещах, окружающих нас, мы все более живо слышим божественное слово. И в этом божественном слове узнаем то самое Слово, которое во Христе стало плотью. Это слово не только говорит с нами, но и питает нас. Повсюду в глубине мы слышим тот же голос: "Я есмь хлеб жизни". Мы — за "трапезой Господней". Христос и Иуда — друг против друга. Все это совершенно *недостижимо* без нашей собственной работы. Христос говорит в ст. 27 гл. 6 Евангелия от Иоанна: "Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий". Как же понять, что мы должны сначала "стараться" о пище, чтобы потом ею питаться?

Посредством этой медитации надо исподволь прийти к тому, чтобы проникнуть в Христа вплоть до той точки, где Он только лишь хлеб, а в хлеб — до той точки, где он только лишь Христос. Тогда эта медитация полностью раскроет свое значение — как для нашего мировоззрения, так и для нашей повседневной жизни.

Важно, однако, как можно выше поднять поставленную перед нами задачу над узколичным и увидеть ее как часть великого мирового целого. На *Западе* человечество все более и более ориентируется на "хлеб". Люди "зарабатывают на хлеб насущный". "Борются за хлеб насущный". Но это — не "хлеб жизни". Да и внешне хлеб мало-помалу теряет свою питательную ценность из-за искусственных удобрений, призванных повышать урожайность. Он умирает. На *Востоке*, напротив, человечество ориентировано на жизнь над землею, жизнь, теряющую связь с хлебом насущным и его задачами, жизнь, достичь которой нередко стремятся и посредством поста, тогда как по земле, которую воспринимают недостаточно серьезно, распространяется голод, о каком мы часто читаем в сообщениях из Индии и других стран Дальнего Востока. Христос ведет нас к жизни, каковая есть хлеб, и к хлебу, каковой есть жизнь. Он зовет нас к "царской трапезе". Мы все живее понимаем, что истинно Христово богослужение не то, где выслушивают слова

Христа, как происходит в протестантском богослужении-проповеди, но то, где Христос есть трапеза, причем много более непосредственным образом, нежели словесно. Поскольку Христос *есть хлеб*, постольку Он *благовестуется* посредством трапезы. И человекоосвящение не должно просто слушать или просто праздновать, его должно во всех подробностях принимать как пищу души.

Если существует потребность сопрячь медитацию о хлебе жизни с неким образом, то можно представить себе Христа на Леонардовой "Вечере", как Он продолжается и претворяется в хлеб и как, с другой стороны, хлеб вновь возвращается в Него. Этот образ можно затем постоянно обогащать и оживлять другими высказанными здесь мыслями.

Если в словах "Я есмь хлеб жизни" мы смотрим вниз, то вверх мы смотрим во втором "Я семь": *Я есмь свет миру*" (Ин., 8: 12). Эти слова тоже "преобразят" наш привычный мир. Именно такая духовная работа над *миром* необходима, если *человеку* должно обновиться.

Именно эти слова Христовы о свете могут стать для нас истинным храмом, в котором мы пребудем с великой радостью. Чтобы от чересчур личного христианства вновь прийти к христианству вселенскому, можно вспомнить в духе всех тех, кто когда-либо молился в храмах света. В ходе канувших тысячелетий наши братья в человечестве молитвенно возносили свои души к свету. Вспомним древних святых риши, которые столетиями учили своих учеников молиться: "Свет великого Солнечного существа, пробуждающий любовь, дарующий жизнь, да воспримем мы в себя, чтобы он помог нашему духу двигаться вперед!" Вспомним царственного Заратустру, привившего персам благоговение перед духовластительным величием золотого Солнца. Мы слышим ликующие гимны Солнцу, звучащие в египетских храмах Фив, Мемфиса, Гелиополя.

Можно вспомнить и более поздние эпохи — как в средневековье под сияющим солнцем Италии пришел к тому же настроению Франциск:

*Слава тебе, Господи, со всеми твореньями купно,
А прежде с сестрой благородною нашей — Солнцем;
День сотворяет она, и Ты в ней нам сияешь.
Прекрасна она, лучезарна во блеске великом,
Облик явленный Твой, знаменье Твое, о Всевышний!*

В туманной Голландии тоскующий по свету Рембрандт разумел свое искусство как поиски чуда света, как жреческое служение свету. На вершине немецкой истории Гете, благоговейно вглядываясь в деяния и страсти света, увидел в цвете откровения элохимов, а в своем последнем исповедании почтил солнце вместе со Христом как самое могучее божественное откровение, какое только дано узреть земному человеку.

Пусть все это пребывает в нас. А затем можно помыслить о *первых* божественных словах Библии. - "Да будет свет". И о *последних* словах о новом, грядущем мире: "И не будут иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном, ибо Господь Бог освещает их!" (Откр., 22: 5).

Поместим меж этими двумя изречениями слова Христовы: "Я свет миру!" Новое "Да будет свет!". Только совсем изнутри, дабы просветить и все внешнее.

Ныне дается и выполняется много медитаций, обращенных к свету. В глубочайшем смысле слова целительно и спасительно вновь обрести себя в существе Христа там, где Он только лишь свет, и в свет проникнуть до той точки, где он есть

Христос. Это — главная мысль, объемлющая все частности. Если кто-либо захочет оживить ее при помощи образа, то можно предложить картины Рембрандта, на которых, и прежде всего в изображении явления в Эммаусе, Рембрандтов Христос все более претворяется в свет. Обогащать этот образ можно, руководясь семью великими чудесами, совершенными Христом на земле согласно Евангелию от Иоанна. Они суть как бы высшие действия света.

Представим себе сначала внешний свет как море струящейся жизни и погрузимся в

свет как в целительный источник. Мы ощутим, как все наше существо черпает в свете здоровье. Ощутим, как целительные силы истекают из света. И вот так же мы пытаемся затем пережить и прочувствовать Христа. Мы думаем не только о Его словах, но и о том, что от слов Его исходит исцеляющая мощь, такая же, как тогда, когда выздоровела женщина, прикоснувшаяся к Его одежде, или когда излечился на расстоянии сын царедворца (Ин., 4: 51). Затем мы пытаемся пережить, как свет дает нашей душе еще более сокровенное содержание — она должна быть чиста, чтобы жить в свете, и чистота эта струится из миров света. С неслыханной полнотой живет в Христе эта очищающая сила. "Вы уже очищены чрез слово, которое Я проповедал вам", — говорит Христос своим ученикам. Это — исцеление от грехов в свете Христовом (Ин., 5: 14). Затем мы постараемся услышать божественные гармонии света, глубокую успокоенность и умиротворение, что включают нас в божественный строй. И оттуда посмотрим на Христа, говорящего: "Мир вам". В Его словах распахиваются врата рая, и небесная гармония простирается вокруг нас. Так, наверное, было на душе у учеников, когда Он повстречался им на воде: "Это Я, не бойтесь" (Ин., 6: 20). Затем посредством этого света мы попытаемся сами целиком *претвориться* в свет. Подобно тому как мы, соединяясь с солнечным светом, все более и более просветляемся и словно бы думаем солнечными лучами, мы пытаемся наполнить свое существо вплоть до самых отдаленных уголков божественным светом, идущим от Христа. Пытаемся осветить этим светом — Христом — собственное свое существо, затем — окружение, в котором мы живем, затем — весь широкий мир. Мы с Ним — *единый* свет. Мы пытаемся познавать в этом свете — даже если пока способны лишь на догадки. Христос делает слепых зрячими (Ин., 9: 39). Но и тончайшая пища исходит от солнечного света. Словно некто убогий в нас ждал этой световой пищи, словно только и желал насытиться трапезою света. Так для нашего сокровеннейшего светового существа свет во Христе есть "хлеб... Тот, Который сходит с небес и дает жизнь миру" (Ин., 6: 33). И еще: огромная сила, преобразующая мир, живет в свете. Вместе со светом все мирозданье как бы стремится войти в нас, и мы никак не сумеем поспеть за ним, если отступимся от этой власти света. Таково и существо Христа. Всякое Его слово переплавляет нас. Во всяком Его слове есть "всемогущество", как в первоначале мира. Во всяком Его слове дремлет новый человек — образ Божий, в коем нам должно пробудиться. Так "являет" Христос "славу Свою", как на браке в Кане (Ин., 2: 11). Теперь мы подошли к последнему и величайшему. В свете свершается Пасха. Утреннее ликование всех духов. "День Господень", который стремится наступить и в нас. В словах Христовых готовится и воскресение. *Всегда* Он стоит перед нами и отваливает для нас камень от входа в гроб: "Лазарь! иди вон" (Ин., 11: 43). Настал сияющий день, и зовется он Христос!

Все это — только намеки, только предзнаменования. Они ведут нас надежным путем в мир сияющего светом "Я", где вседневный солнечный свет и высочайшее божественное откровение едины во Христе. Это и есть деятельное богослужение в храме солнца.

И вновь мы можем направить взгляд на Восток и на Запад. На *Западе* люди завоевали себе "Я". Но в этом "Я" совершенно нет света. На *Востоке* люди почитают свет. Но в свете они не обрели "Я". Мы же идем навстречу новому миру, где

вместе с Христом будем "светить, как этот свет". "Тогда праведники воссияют как солнце в Царстве Отца их". Как Христос сказал о Себе: "Я есмь свет миру!" - так требует Он и от Своих учеников: "*Вы* — свет мира!"

4

Одна юная барышня рассказывала мне, как трудно ей, находясь дома, выкроить хотя бы десять минут тишины и покоя для работы над собой. Стоит ей уединиться, как тут же раздается стук в дверь: "Чем ты там занимаешься? Тебе что, делать нечего?" "Собратья христиане" ныне порядком затрудняют "христианам" исполнение слов Христовых: "Ты же,

когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись... " Большинству людей дневная молитва, не считая общей застольной молитвы, представляется странностью, а то и блажью. Многие люди, желающие медитировать, не знают, как вообще изыскать возможность для уединения в собственном доме. Что касается внутренней жизни, мы еще пребываем в состоянии немыслимого варварства. Основное право человека — право побыть одному (именно затем, чтобы он мог еще больше отдать другим людям) — отнюдь не считается вполне естественным. Здесь поможет только упорная борьба, которую надлежит вести со всем дружелюбием и неуступчивостью, наперекор придиркам и насмешкам. Конечно, человек выбирает наиболее благоприятное время и обстановку и старается по возможности не привлекать внимания к своим сокровенным делам и не вызывать недовольства окружающих. Но он отдает себе отчет и в том, что истинным противником зачастую оказывается нечистая совесть другого. Этот другой чувствует, что его оппонент прав и что ему бы тоже следовало этим заняться. Поняв это, мы будем спокойнее идти своим путем.

Женщины иной раз говорили мне, что свободные четверть часа выпадают им, как правило, по утрам, когда муж уходит на службу, а дети в школе. Однако им следует остерегаться, чтобы в их духовный храм не вторглись хозяйственные заботы. Другие находят такую возможность по вечерам. Но и здесь есть опасность, что нас одолеет усталость или даже сон. Многим я сумел помочь таким советом: по крайней мере, не стоит начинать медитацию сразу после ужина, когда пищеварительная система чинит препятствия; сперва отдохните пять-десять минут с закрытыми глазами, может быть даже вытянув члены, но полностью бодрствуя, дабы обрести силу для внутренней деятельности. Для многих легче всего переходить к медитации утром, непосредственно после пробуждения, когда они еще лежат и, может быть, еще не открывали глаз. Возможность такого утреннего медитирования зачастую достигается только с определенным усилием. Однако очень благотворно и действенно прямо из сна вступить в свой духовный храм и побыть в нем, а потом уж начать день.

Однако личные и домашние обстоятельства столь разнообразны, что дать общие рекомендации не представляется возможным. Хотелось бы только со всею настоятельностью посоветовать тому, кто печется о своей внутренней жизни: отвоюй себе тихие четверть часа при *всех* обстоятельствах, по возможности утром *и* вечером, а если получится — позднее мы еще поговорим о том, почему это важно, — то и днем. На карту поставлен наш высший человек. Время, которое мы отнимаем у своих родных и у своей работы, с лихвой восполняется затем качеством нашего бытия. И, отрывая эти четверть часа от своего отдыха, мы тоже не должны беспокоиться. Такие свободные минуты необходимы, как ежедневная еда, и даже более чем необходимы, и подобно еде они должны стать в жизни естественной потребностью.

Опыт скоро подскажет нам, что истинного противника наших медитаций следует искать не среди домочадцев и не во внешних обстоятельствах (как бы ни мешали нам порой домашние условия), но в нас самих. Разумеется, домохозяйке очень трудно подавить в себе беспокойную хлопотливость, напоминающую ей о всевозможных делах, которые нужно переделать именно сейчас, а мужчина не может не думать о профессиональных заботах, хотя рассудок мог бы сказать им, что все это прекрасно подождет четверть часика. Но когда вечером мы поневоле говорим себе, что сегодня опять не добрались до медитации, и уже готовы оправдать себя: на этот раз вправду ничего нельзя было сделать! — то в большинстве случаев по строгом размышлении мы обнаружим, что по сути сами этого не желали! Сами снова и снова прикрывались якобы непреодолимым препятствием, а на самом деле нами же выдуманном предлогом! Тогда-то мы и начинаем понимать, с какой рафинированной изворотливостью мы способны увилывать от своих высочайших обязанностей и сколько в человеке сопротивления собственной воле, едва лишь в ней шевельнется толика воли божественной. Человек не желает прилагать усилия, он

предпочитает все получать "из жалости". Тогда только видишь, сколь многие возражения против "самоспасения" посредством медитации, возражения, исходящие якобы из глубокой "веры в божественную милость", на самом деле суть не что иное, как нежелание людей сделать хотя бы шаг навстречу предлагаемой милости или просто подставить ладонь дару, который сам дается им в руки. Ибо все, что мы здесь описываем, есть именно подставление ладони, — с тем чтобы действительно принять предлагаемый божественный дар. За благочестивейшим взором может скрываться злая воля, не желающая впускать Бога живого. Если мы откроем в себе волевое устремление, которое намерено лишить нас медитации, а равно и всякого серьезного внутреннего волевого усилия, и начнем зорко следить за ним и ничего ему не спустим, то мы сделаем значительный шаг вперед во внутренней жизни. Поистине противник медитации находится *внутри* нас, и, в сущности, больше нигде.

В особенности отчетливо мы заметим это, если попытаемся в те часы, когда мысли наши и чувства обычно просто порхали, более пристально следить за собой, проверять и очищать содержание нашей души. Мы бы не дерзнули предлагать в этих письмах так много материала для внутренней работы над самим собой, если бы не полагали, что, пожалуй, некоторые вещи проходят через душу лишь время от времени — в регулярные спокойные минуты утром и вечером, но куда чаще — в свободные минуты днем. У женщины, посвятившей жизнь домашнему хозяйству, особенно много возможностей "слагать в сердце своем" то и это. При этом формируется подлинное *существо*. У мужчины подобные возможности возникают, когда его работа в основном механического свойства, когда он идет на службу или возвращается домой, когда делает перерыв или сидит на скучных деловых встречах. Чрезвычайно важно мало-помалу овладеть тем временем, когда мы обычно расслаблялись и предавались мечтаниям. Однако мы увидим — это особенно заметно при засыпании, — с каким удовольствием мысли стремятся идти своим чередом и противятся всякой опеке. Если в этот миг мы оглянемся на предмет, который занимал нас, быть может, в течение целой четверти часа, то выяснится, что он вовсе не стоит гостеприимства, оказанного ему в нашей душе. Упорно, будто речь идет о жизни и смерти, наша душа стремится следовать своим собственным влечениям — будь то мелкие радости и капризы, какими мы себя тешим, или всевозможные недовольства и обиды, какими мы тешим себя ничуть не меньше, ведь мы не можем от них избавиться. Речь идет действительно о смерти, а именно о смерти ветхого человека в нас. Чем больше нам удастся облагородить, одухотворить, насытить Христом нашу *бессознательную* и произвольную жизнь, тем выше мы окажемся в нашей *сознательной* и свободной жизни. В нужный миг все самое лучшее поднимется из души, чье содержание даже и в самой свободной игре мыслей и чувств отмечено величием и добром, способным питать нас и формировать.

Изречения "Я есмь" помогают создать новое мировоззрение, над которым должно работать не только в уединенных размышлениях, но и в повседневной жизни. В словах "Я есмь хлеб жизни" мы смотрим вниз, обнаруживая в них дарующее, жертвенное, что есть в мире под нами. Так мы заглядываем в лицо Бога-Отца, говорящее через Христа. Хлеб — посол и представитель этой державы. Но его слова имеют касательство до всего, что под нами, — и до камня, и до зверя.

В словах "Я есмь свет миру" мы обращаем взгляд вверх. Свет — представитель горних царств. Подобно тому как мир под нами имеет свойство питать, так мир над нами имеет свойство просветлять. Свет — провозвестник всего, что происходит с нашим духом, когда мы приближаемся к горним мирам. Духовный свет наполняет нас сверху. И сквозь свет вновь глядит на нас лик Отца, говорящего во Христе.

Третье изречение "Я есмь" — "*Я [есмы] дверь*" (Ин., 10: 7) направляет наш взор наружу, на людей, нас окружающих. А четвертое "Я есмь" — "Я есмь пастырь добрый" — обратит наш взор внутрь, на внутреннее водительство.

Христианству свойственно как нечто естественное — моление за другого. Христос молился за Своих и особенно в молитве первосвященника (Ин., 17) позволил нам глубже заглянуть в то, как Он молился за Своих учеников. Не перестаешь удивляться, с какою непредвзятостью и одновременно с каким душевным участием Он ходатайствует перед Отцом за Своих учеников. Проникаешься все большей благодарностью, что существует эта молитва, о благодати которой люди пока не имеют даже отдаленного представления. Апостол Павел тоже молился за свою паству. Все, что он говорит в своих посланиях и как он это говорит, было бы невозможно, если бы душой его апостольской деятельности не была такая неутомимо истовая молитва за свою паству. Взаимоотношения людей будут проникнуты совсем иным духом, духом много более высокого мира, если мы научимся правильно принимать спутников своей жизни в божественный свет. В этом божественном свете мы прежде всего сами излечимся от близорукого эгоизма по отношению к ним. И это, пожалуй, первое действие такой новой молитвы.

И к такой новой молитве нас может подвести третий глагол — "Я дверь". В нем, пожалуй, сам собою разрешается вопрос, который так часто слышишь, когда речь заходит о "молитве за ближнего": "Разве она помогает? Разве Бог Сам не знает лучше меня, что есть благо для другого? Разве в ответ на мои жалкие просьбы Он сделает то, чего иначе бы не сделал, или воздержится от того, что иначе сделал бы?"

В ответ на эти вопросы хотелось бы привести один весьма убедительный факт. В жизни порой невозможно отделаться от впечатления, что, если бы за такого человека правильно и серьезно молились, он бы не дошел до того, до чего дошел. Так и кажется, что ангелы глядят вниз и вопрошают: "Есть ли сейчас люди, которые молятся за него? Ведь только в этом случае мы, ангелы, можем делать что-то в иной ситуации невозможное". Молитвы возносятся в божественный мир как духовные силы. Они меняют всю внутреннюю обстановку, творят новые духовные возможности для божественных водительных сил. Не говоря уже о том, что они воздействуют на человека, за которого молятся, особенно когда он об этом знает, но и когда не знает, ибо наполняют всю духовную атмосферу вокруг него добрыми мыслями и побуждениями, которые могут его инспирировать, даже если для него инспирация есть всего лишь неожиданная фантазия. Иные люди, особенно больные и умирающие, очень явственно чувствовали, что за них молились. Но и помимо того, в горнем мире такие молитвы, образно выражаясь, становятся как бы новыми, живыми нитями, которые ангелы могут вплести в ткань судьбы и появления которых они часто ждут. Таким образом, человек становится сотворцом судьбы своих ближних. Разумеется, в скромных пределах. Да на первых порах и нельзя требовать большего. Но и отвлекаясь от того, что благодаря молитвам снизу духовный мир обогащается силами и возможностями, не следует забывать, сколь свободно и живо человек общается с божественным миром. Ведь в горнем мире его *выслушивают*. Его уважают и принимают всерьез. Конечно, молитвы его исполняются нечасто, ибо этим ему был бы нанесен вред, а горний мир живет в свете мудрости, недоступной человеческому взгляду. Но достаточно прочесть прощальную речь Христа, где вновь и вновь повторяется просьба молиться "во имя Мое", и делается ясно: Христос *желает* общаться с человеком, "как бы говорил кто с другом своим", если воспользоваться чудесными словами из беседы Иеговы с Моисеем. Он ожидает, что человек поймет, с кем говорит. Но Он готов и пойти навстречу человеку, который с Ним связан, и разделить его судьбу. Всякий, кто имеет хоть приблизительное представление о том, что разумел под молитвою Христос, знает, что небесные помощники Христовы являются на призыв столь быстро, что едва ли не повергают в испуг, — поостережешься призывать их по пустякам. Человек знает, что окружен ими как священным воинством и что они совершают все, что вообще может совершиться.

Значение Христовых слов о двери я узнал несколько десятков лет назад, когда еще не обращал на них особого внимания. Как религиозный наставник, я всего лишь искал какую-

нибудь вспомогательную мысль, которая по дороге в школу настраивала бы меня на правильный лад. Тогда-то я и обнаружил эти слова Христа из молитвы первосвященника: "Они были Твои, и Ты дал их Мне..." И "Я открыл имя Твое человекам". Мне представилось, что слова эти — истинная дверь, через которую я только и вправе входить к моим детям. Про внешнюю дверь я и думать забыл. Через эти слова: "они были Твои, и Ты дал их Мне" и "Я открыл имя Твое человекам" — как через незримую духовную дверь пролегает путь к детям. Так эти слова сослужили мне великую службу и сослужили бы еще большую, если б я имел силу и мужество воспринять их с еще большей серьезностью.

Конечно, подобные слова можно рассматривать как дверь, ведущую к больным, к заключенным, к бедным. Тогда мы совершенно по-другому отнесемся к содержанию таких слов Христовых, как: "Я... был... болен... и не посетили Меня". Невидимым облаком света будут эти слова витать над нашими посещениями.

В этих рассуждениях мы хотели бы вжиться не только в различные изречения Христа, но и в различные способы их усвоения. Конечно, слова о двери относятся прежде всего к тем, кто руководит другими людьми, и имеют много таких

сторон, обсуждение коих здесь не обязательно. Но человек действительно поступает в духе Христа и всякой горней жизни, если воздвигает Христа как дверь, через которую он в мыслях своих всегда идет к другому человеку. Он словно бы помещает между собою и ближним сферу чистой самоотверженности и просто позволяет себе идти через нее к ближнему, говорить с ним и даже лишь думать о нем. В самом деле, нам следует привыкать к тому, чтобы думать о другом человеке не сугубо поверхностно, а только глядя на него через эту чистую сферу. Вскоре к нам придет и глубокое понимание тех слов, что произносит Христос в этом же месте: "кто не дверью входит... тот вор и разбойник". Мы вправду начинаем чувствовать себя взломщиками, когда думаем о другом человеке исходя из своих эгоистических желаний и интересов.

Ныне общение людей между собой еще довольно примитивно и душевно скудно. И хорошие манеры не спасают положения. Но, принимая всерьез глагол "Я дверь", мы *как нельзя лучше* способствуем облагораживанию человеческих отношений. Правда, если мы станем раздумывать над этим изречением от случая к случаю, то большого проку в наших отношениях с другим человеком от них не будет. Этот глагол начнет дарить нас своей неисчерпаемой благодатью, только когда мы регулярно в спокойные часы с его помощью будем медитировать о своих братьях, в том числе о самых близких. Нам должно представить их себе в духе и не позволять своей душе идти к ним через другую дверь, кроме этой, Христовой. Тогда мы не только угадываем вершины общения, о каких до сих пор даже не подозревали, но и вообще впервые начинаем видеть своих "ближних". Мы не вторгаемся в них нашим эгоизмом, но позволяем им жить такими, каковы они есть, сначала — внутри нас самих. В нас пробуждается радость за них — за все доброе в их существе, невзирая на все их ошибки. Мы испытываем благодарность за то, что они есть. И эта благодарность ближнему за то, что он есть, — вот атмосфера, в которой другой человек процветает, прекрасно себя чувствует и очень быстро продвигается вперед. Мы глубоко чувствуем лучшую сущность другого, божественную мысль, витающую над ним, "славу", какую он имеет "в Боге", и можем связать себя с его истинным "Я". Общение с людьми приобретает глубокий блеск, о котором мы прежде ничего не знали.

Известно, что в таинстве бракосочетания Общины христиан говорится о "вратах жизненной общности" и что в культовом действе кольца проходят свой путь от одного к другому над изображением Христа. Перед нами высокий идеал брака — супруги идут друг к другу сквозь Христа, как сквозь дверь, всякой своею мыслью и всяким чувством. Это тоже надо возвращать в себе в тихие часы. Тем самым изречение "они были Твои" все больше наполняется жизнью.

Но оказывается, этот образ сферы чистой самоотверженности можно еще дополнить. «Самоотвержение» есть нечто совершенно иное, нежели "отвержение "Я"».

Самоотверженным может быть лишь *тот*, кто *имеет* "Я". Чем сильнее наше "Я", тем сильнее в нем отклик на "Я" другого человека, при условии, что наше "Я" самоотверженно. Чем чище наше "Я", тем больше другое "Я" будет гармонировать с ним, звучать вместе с ним, сливаясь в некое высшее общее "Я". В общении людей происходит много таинственных процессов, и этот — один из самых чудесных. Над каждым таким часом, когда наши "Я" перекликаются в этой сфере самоотверженности, звучат слова: "все едино во Мне!" Здесь людям предстоят величайшие и прекраснейшие переживания. Подлинное созвучие во Христе, по сравнению с которым самые дивные музыкальные аккорды и гармонии принадлежат более низкой сфере. "Я есмь" — это дверь. Надо только, чтобы "Я" в нас зазвучало подобно тому, как оно зазвучало во Христе.

Итак, мы предлагаем следующую медитацию. Между собою и своим ближним мы создаем некую сферу, в которой возжигаем самоотверженность как чистейший свет. И этот свет мы превращаем в Христово "Я есмь". Через эту дверь мы идем к людям, которых любим, — но и к тем, которых не любим. Мы рассматриваем их такими, какими они нам являются, когда мы входим в эту дверь. Происходящее в нас при этом приведет нас и к новой "молитве за ближнего". Мы узнаем, как иные люди "открываются" нам, а другие, напротив, "закрываются", ибо мы думаем о них ошибочно, опрометчиво, под влиянием одного лишь любопытства. Мы обретем совершенно иные критерии оценки и не будем, как раньше, говорить о симпатии и антипатии, о чужом и враждебном, но увидим разные "Я" в их непостижимости и взаимосвязи. Мы начнем понимать изречения вроде такого, принадлежащего Майстеру Экхарту: "Пока ты желаешь добра для себя более, чем для человека, которого ты никогда не видал, ты поистине ни на один миг не заглянул в глубину Божию!" Или слова Христовы: "Люби ближнего твоего, как самого себя", которые можно сказать и чуть иначе: "Люби ближнего твоего, как если бы он был ты сам!" Мы станем воспринимать каждого человека, как Алкивиад воспринимал Сократа: невзрачная оболочка, но внутри живет божество. Мы узнаем на опыте, что нам "отворяет придверник", который иначе бы не отворил. Мы приблизимся к цели человечества, как она дана в Иоанновом Евангелии: "Я в них, и они во Мне, и все они да будут во Мне едино". Мало-помалу для нас все желаннее будет входить к людям через эту дверь, и мы не захотим более идти к людям с другими мыслями — только через эту дверь.

Чтобы ощутить величественное дыхание и этого откровения в мировой истории, бросим взгляд на Восток и на Запад. Мы видим, что на *Востоке* у человека была дверь к ближнему. "Tat twam asi" — "Ты еси то". Но примечательно, что здесь не хватает "Я". "Это Я!" — говорит Христос, как бы подразумевая: "Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне". Вот почему на Востоке приходят к чувству единства, но к такому, что ищет души там, где они изначально и бессознательно *еще* едины в Боге. Общность, на которую указывает Евангелие от Иоанна, совершенно иного рода. Если в будущем люди будут едины, то это будут уже не души, но различные "Я". И это будет уже не единство, но единение, достижимое только через Христа. На *Западе* обстоит совершенно иначе. Подобно тому как люди Запада живут в своих домах по возможности отдельно друг от друга, они и в жизни стоят рядом друг с другом обособленно. И даже если там восхищаются демократией, то не как подлинной общностью, но, скорее, как господством большинства единичностей. "Я" по-прежнему склонно утверждать лишь себя самое и только соглашается, что для достижения безраздельного господства ему необходимо убедить других в своих воззрениях. В сущности, здесь нет никакой двери к другому человеку. Она заперта и открывается лишь по звонку, в особых случаях.

Итак, мы видим, что нам предстоит завоевать ради всего человечества, когда Христос говорит, обратаясь к Востоку: "Эта дверь есть Мое Я". И к Западу: "Мое Я есть дверь".

Лишь теперь, когда мы поглядели вниз, вверх и наружу, мы подошли к тому, чтобы посмотреть и вовнутрь. "*Я есмь пастырь добрый*" (Ин., 10: 11). Это изречение доставляет

современному человеку особенные затруднения. Первым делом, пробуя его на вкус, он вспоминает, как звучит оно в расхожих сентиментальных проповедях. "Ибо я овечка Христова". Да и от профессии пастыря он уже очень и очень далек. И агнец в его ощущениях представляется скорее символом беспомощного неразумия и безответности, нежели символом чистоты и покорности. Очень непросто — полностью преодолеть подобные ощущения и вжиться в то чувство, какое пастырь тысячелетиями испытывал к своему стаду, а животные — к пастырю как некому высшему существу. И пастырь трудится ради овец своих, иногда не жалея жизни. Именно это последнее и возвышает Христа в свет. Самая сущность Его ясно выражается в том, что после слов "Я есмь пастырь добрый" и речи нет о каком-либо водительстве и следовании, но сказано: "пастырь добрый полагает жизнь свою за овец". Профессия, на протяжении неисчислимых веков имевшая огромное значение для человечества и в противоположность воинской профессии воплощавшая мир и благоденствие, возводится здесь в высшую сферу и пребудет там во веки веков.

Попытаемся теперь по следам этого события подняться в миры тех переживаний, где возвещается тайна внутреннего водительства. Первое переживание обозначено словами: "Овцы Мои слушаются голоса Моего", "Я... знаю Моих и Мои знают меня". В других новозаветных писаниях тоже встречается это переживание глубокого "познания". "А тогда познаю, подобно как я познан". Платон говорит, что всякое истинное познание основано на узнавании того, что душа пережила в горнем мире еще до рождения. Познание, о котором здесь идет речь, находится *еще одной* ступенью выше. Та единственная в своем роде любовь, что просыпается в нас ко Христу, если нам хоть раз удалось *увидеть* Его таким, каков Он есть, возникает оттого, что мы понимаем: "Вот истинная наша сущность, какой она должна быть! Вот наше божественное "Я"!". Человек испытывает это переживание во *всякое* мгновение, когда видит Христа таким, каков Он *есть* в действительности. Но хорошо бы довести все это до своего сознания, для чего служит следующая медитация. Ее можно начать с попытки представить самих себя в свете Христовом, такими, какими мы, собственно, задуманы. Тогда "*познание*", глубже которого ничего нет, низойдет на нашу душу. И вспыхивает божественная идея нашего существа. Высвечивается наше истинное "Я". Словно на алмаз, лежавший в темноте под землей и камнями, упал солнечный свет — так приветствуют друг друга Христос и наше истинное "Я". Они сияют *единым светом*, как алмаз и солнце. Посредством этого образа можно медитировать над истиной: "Я... знаю Моих, и Мои знают Меня". Это впечатление может усилиться до переживания: никто не знает меня по имени, кроме Христа; я был сокрыт даже от самого себя, пока Он не позвал меня по имени. Но теперь я знаю себя или, во всяком случае, имею догадку о себе и знаю, что я познан. Когда я думаю о Христе, я думаю и о своей лучшей сущности; а когда я думаю о своем истинном "Я", то во мне одновременно вспыхивает Христос, в котором оно сокрыто. "Ему придверник отворяет" — и в нас действительно есть придверник, который отворяет *только* Христу. Мы остаемся "заперты", пока Он не придет. Всегда, когда мы делаем действительно правильное для нас, это происходит на основании подобного глубокого "познания".

На испытавшего это нисходит неопишное чувство *защищенности*. Словно до сих пор ты был на чужбине, и теперь пастырь, о котором говорится в притче из Евангелия от Луки, нашел пропавшую овцу и взял ее на плеча. Ты и не знал, как прежде заблуждался и каким защищенным можно чувствовать себя в мире. "И не погибнут вовек, и никто не похитит их из руки Моей". Но так будет, лишь когда ты услышишь водительный голос. Иначе тут же вновь возникнет чувство полной потерянности. А ты и не догадывался, что все время жил в этой потерянности.

Следующим после защищенности будет чувство надежного *водительства*. Оно целиком исходит изнутри. Нам не стоит ждать какого-либо внешнего водительства, выраженного в знаменях и знаках. А там, где они как будто бы имеют место, надобно

проверить их самым тщательным образом. Водитель живет *внутри* нас. И мы уже ни на мгновение не лишимся твердого указания, едва только расслышим в хаосе внутренних голосов голос водительства. В будущем люди научатся совершенно по-другому слушать этот звучащий в душе голос. Христос сказал, что будет жить в нас. Тогда всякий пожелает всегда идти под этим водительством. Но идти трудно. И все-таки бодрственное, чистое вслушивание вовнутрь вскоре выведет нас на удивительно надежные жизненные пути.

В конце концов к нам приходит чувство величайшего *богатства*. Мы вступаем в благодатный мир, где начинается уверенное развитие. "Я даю им жизнь вечную". И мы знаем: здесь цветут истинные пажити души. И все сады горних миров отворяются.

Если в предыдущей медитации мы слышали "Я есмь" Христа *перед* собой, так что оно становилось дверью, в которую мы проходим, то теперь мы слышим его как бы *позади* нас и *над* нами. Когда мы обращаемся к этому "Я есмь" с каким-нибудь важным для нас частным вопросом, нам иной раз кажется — коль скоро у нас хватит терпения подождать, пока это "Я есмь" станет достаточно сильным, — будто из этого "Я есмь" доносится голос, который нас ведет, взывая к нашей истинной сущности, любовно оберегаемой им и лелеемой. В том, что мы не слышим этого голоса, большей частью виновата нехватка мужества. Мы боимся, что голос скажет нам что-нибудь такое, чего мы все-таки не хотим делать. Этот страх заглушает в нас голос Христа.

В *восточных* мирах искали "учителя". Но он находился *вне* человека. В *западных* мирах человек имел водительство внутри себя. Но водительство осуществляло не *высшее* "Я", не божественный учитель. И вновь в возвещении Христа Иоаннова Евангелия мы видим соединение распадающихся миров и возвышение их через дар Христова "Я".

Но главное в этой медитации — удерживать в сознании, что именно там, где Христос говорит о водительстве, Он утверждает, что Своим водительным чином обязан лишь силе Своего самопожертвования; с одной стороны, Он указывает на Отца: "Я и Отец — одно", а с другой стороны, именно здесь говорит о людях: "вы боги" (Ин., 10: 34). Мы не можем останавливаться тут на всех подробностях. Но мы должны знать о настрое, составляющем основу этого глагола Христова, и быть способны оживлять его в себе.

Самое важное здесь то, что с каждым разом нам будет все яснее, как благодаря этому меняется весь наш мир. Куда бы мы ни посмотрели, отовсюду сияет нам навстречу божественное "Я". Когда мы смотрим *вниз* (*хлеб есть* представитель этого царства), на нас взирает "Я", отдающее нам свою жизнь. Когда мы смотрим *вверх* (*свет есть* пророк этого мира), на нас смотрит "Я", допускающее нас к участию в своей жизни. Когда мы смотрим *наружу*, мы открываем для себя божественный луч в *ближних*, приглушенное "Я в Отце". А когда мы смотрим *вовнутрь*, позади нас во всем своем величии вновь встает *божественное "Я"*. Повсюду возносятся миры света.

Но и слово "свет" здесь слишком блекло и безжизненно. Из света отовсюду смотрит на нас

"Я", как из немецкого слова Licht (свет) выглядывает некое "я" (ich). Чтобы не останавливаться на первых смутных догадках, мы должны сначала завоевать эти миры под и над нами, вне и внутри нас. И тогда из-за старого мира воздвигнется новый мир, преисполненный духовного величия и щедрого добра. Куда бы мы ни посмотрели, всюду наш взгляд зрит лик Отца, чьим Я-голосом является Христос, и мы угадываем грядущее величие центрального глагола Евангелия от Иоанна: "Я в Отце".

5

Каким, наверное, чудом было, когда Христос, шествуя по земле, познавал Самого Себя. Он смотрел на свет и в сокровеннейшей сущности света вновь обретал Самого Себя: "Я есмь свет миру!" Он смотрел вниз, на землю, поднимал хлеб и вновь говорил: "Это Я!" Никогда прежде не происходило в человеческом духе ничего более великого, чем это

познание.

То, что Христос ощущал в Себе как самое Свое сокровенное, Он высказал в притче о добром пастыре. Там Он говорит о самопожертвовании вплоть до смерти, но слова "любовь" не употребляет. Этому соответствует и изречение о двери к другому человеку, которую можно найти только в самоотверженной любви.

По Его же собственным словам, Христос говорил не "от Себя", но возвещал то, что "сказал Ему Отец". Так Он открыл людям "имя Божие". В Ветхом Завете описано великое мгновение, когда Иегова встретился Моисею в уединении пустыни и на вопрос о Своем имени отвечал: "Я есмь"

Сущий... Вот имя Мое на веки, и памятование о Мне из рода в род". Это "Я есмь" воспринимается Христом и наполняется всем богатством содержания. Имя Божие "открыто".

Все вышесказанное в основе своей есть не что иное, как особое переживание первого моления "Отче наш": "Да святится имя Твое!" Христос вычитывает божественное имя "Я есмь" в свете и хлебе и освящает его так, что оно целиком превращается в содержание собственного Его существа. Чем чаще произносилась молитва "Отче наш", тем менее живым и конкретным было для человека именно это первое моление, — все ограничивалось совершенно общими ощущениями святости и благоговения. Здесь указан путь, чтоб сделать жизнь исполнением этого моления и повсюду, вверху и внизу, вовне и внутри вычитывать имя Божие и совершать Его освящение.

Но тем самым человек возвышается к последнему и высшему *познанию*, какое только возможно. Всякое познание есть в конечном счете Богопознание. Но Богопознание — в духе Иоаннова Евангелия - и есть подлинная "жизнь". "Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа". Таким образом, всякое человеческое познание тем глубже и истиннее, чем более оно уподобляется тому самопознанию, какое мы описали в связи с Христом.

В наше время, когда жизнь склонна к познанию даже ценой самоотрицания, людей не спасешь, призывая их обратиться от познания к тому, что в высокопарных выражениях и темных рассуждениях именуется "верой". Спасение будет обретено, лишь когда человек сам пройдет весь путь познания до Иоанновых высот, превыше которых ныне ничего нет, ибо эти отдаленные высоты лежат *над* всем нашим теперешним познанием. Ибо всякое физическое и химическое, всякое биологическое и математико-астрономическое познание ведет лишь к все большему обогащению и углублению откровения "Я есмь", живущего за всяким явлением. Итак посредством таких упражнений "Я есмь" мы развиваемся к освящению мыслительной жизни, познавательного порыва нашего времени, в полной гармонии с Евангелием.

До сих пор мы заглядывали в новое пространство с его четырьмя направлениями. Последние три глагола "Я есмь" помогут нам теперь подобным же образом выстроить для себя новое время*. В нашу эпоху люди, несомненно, явственно чувствуют драгоценность,

* Некоторые говорят, что существует не семь, а восемь глаголов "Я есмь", присовокупляя сюда следующие слова: "Ты говоришь, что Я Царь" (Ин, 18: 37). Но эти слова, вернее этот ответ, относятся к высказываниям иного рода и сопоставимы с ответом "Это Я, который говорю с тобою" (Ин., 4: 26) и "[Ты Сын Божий?..] вы говорите, что Я" (Лк, 22: 70). - *Прим. ФР.*

времени, его "денежное выражение". Но едва ли чувствуют святость времени. Они не знают, к примеру, что означает — сидеть у священного потока времени и омываться в нем, как индусы омываются в Ганге. Только в Древней Персии люди ясно осознавали пространство и время. Меж тем как для индусов бесконечность пространства и времени была источником восторга и ужаса, у Заратустры мы находим возвышенные слова о Боге,

который являет себя как нечто определенное во времени и пространстве. Все это мы можем пережить по-новому. "Витая в шири пространства и в даях времени", — гласит человекоосвящение.

Во-первых, мы Можем получить в дар новое будущее. "*Я есмь воскресение и жизнь*" (Ин., 11: 25). В эти слова мы можем отныне и навсегда погрузить все наше будущее, как бы *окрестив его в них*. Будущее имеет ценность везде, где "Я" Христа воскресает и живет новой жизнью. Все, что мы видим вокруг себя, есть гроб, из коего жаждет восстать Христос.

Сегодня люди лишены подлинного будущего. Размышляя о будущем Земли, они представляют себе некое "бесконечное развитие", которому все-таки суждено закончиться, ибо неудержимо близится "тепловая смерть". А о себе самих люди думают, что все, наверное, кончится со смертью и что вполне отважно, искренне и скромно — не жаждать никакой дальнейшей жизни. Если же она тем не менее продолжится, то у них есть надежда очутиться в лучшей половине огромной кучи, если они будут мало-мальски прилично вести себя здесь, на земле.

После того как рухнула вера в давнюю Пасху, люди смогут обрести новую веру в Пасху только с помощью слов: "Я есмь воскресение и жизнь!" Конечно, здесь можно впасть во всевозможные спиритические домыслы. Но вера в потустороннюю жизнь, прочная и в полном смысле слова животворящая, должна строиться ныне изнутри, из "Я" в человеке, которое благодаря Христу воскресает из мертвых.

Очень важно именно здесь правильно работать над собою. Во всех глаголах "Я есмь" нужно представлять себе, что нас облекает величайшее "Я" Христа. Его "Я" окружает нас подобно лучистой оболочке, исполненной чистоты и добра. И наша медитация состоит в непрерывном приятии этого "Я". Принимать Христа — значит "верить" в библейском смысле. И наша медитация есть активное свершение этой "веры". Нам вовсе незачем думать о Христе в подробностях. Конечно, *и это* возможно — если только мы тем самым не отвлекаемся от центральной темы. Но мы можем и в нашей душе совершать такое постоянное активное приятие Христа — обретая Его здесь и сейчас. Возможно, поначалу мы сумеем думать лишь об "историческом Иисусе" или о божественном вообще. И пребудем в этих мыслях, пока нам не откроется *большее*.

Однако опыт показывает, что вовсе не достаточно *просто* принимать это высшее "Я". Это легко коснеет и утомляет. Но можно постараться и говорить "Да!" *с все большей силой*, все живее и полнее, всем своим человеческим существом ощущая это "Я" и проникаясь им. Постепенно начинаешь понимать, что есть ступени проникнутости этим "Я", о которых ты даже не догадывался. Столь бодрым, надежным, непреходящим, столь духовным и живым может быть это присутствие высшего "Я" в душе, как будто и впрямь некий Бог наполняет собою свой храм. Сила медитации, или, иначе говоря, сила благоговения, неслыханно возрастает, *когда ее упражняют*. Благодаря одному этому факту в совершенно особом свете предстают заявления о том, что в религиозной сфере нельзя "упражняться" — из благоговения перед Богом. Говорят так по меньшей мере от невежества. Но есть тут и неосознанное преступление против человечества.

Если мы стараемся изо всех сил, нам незачем тревожиться о том, что поначалу словно бы совершенно не удается удержать медитативное настроение и в будничной обстановке. Рудольф Штайнер, наиболее опытный в этой области, советовал даже и не пытаться сохранять медитативный настрой в повседневной жизни. Правда, в первую очередь это касается упражнений, практикуемых на пути духовнонаучного познания. Ясный, трезвый взгляд на повседневные вещи не следует терять ни в коем случае, если человек собирается стать "высокоразвитым". Иначе он станет просто недотепой-мечтателем. И для рекомендуемых нами религиозных упражнений было бы ошибкой воображать, будто можно на протяжении целого дня сохранять возвышенный настрой медитативных минут, чувствовать себя несчастным, если это не удастся, и лишь мечтать об их повторении.

Главное, чтобы медитация была интенсивной, максимально интенсивной, но затем, после того как все еще раз суммировано, подытожено и итог медитации снесен домой, следует оставить ее и решительно отдаться повседневности — вместе с тем "Я", которое отныне живет в нас. Медитацию предают смерти — но и переживают ее воскресение.

Не следует думать, что в течение дня нельзя снова и снова вспоминать о том, что жило в нас как высочайшее. Напротив, можно намеренно, сознательно, хотя бы на исходе каждого часа вновь переживать то высокое, что присутствовало в медитации. Но осуществить это трудно. Правильней перед началом всякой новой работы возвращаться в храм и вновь выходить оттуда. Но и это не всегда получается. Мы еще не настолько укрепились и дисциплинировались душой, чтобы свершить то, что для людей более поздних времен будет вполне естественно. Наша внутренняя жизнь постоянно уступает напору извне. Лишь постепенно мы научимся сознательно жить, руководствуясь высшим "Я", которое формируется в медитации.

Но мы не вправе досадовать, даже если нам помешали во время самой медитации, хотя бы и в лучшее ее мгновение. Так испытывается наша внутренняя воспитанность: способны ли мы в любое время спокойно и умиротворенно выйти из высочайшей медитации, откликнувшись на зов внешнего мира. Если нам это не удастся, значит, что-то в наших медитациях не в порядке. Вскоре даже возникает ощущение, что мы губим лучшее, что случилось или могло случиться с нами, если не остаемся в этот миг спокойны и дружелюбны. Пусть мы стоим прямо у врат возвышенного переживания, покой духа, который достигнут в медитации и который из медитации должно взять в повседневность, непременно будет для нас важнее и сильнее любой мелочи, какой мы собирались добиться. Если нам это удастся, тогда нашим ближним будет от нашей медитации одно лишь добро.

Здесь уместно ответить и на такой вопрос можно ли медитировать *слишком много?* Да, конечно. Когда медитации отводится столько времени, что человек отлынивает от своих жизненных обязанностей, когда медитация отчуждает человека от жизни или повергает в "дремоту", в смутные, сумеречные мечтания, тогда она приносит не пользу, а только вред — и нам, и другим. Тут каждый обязан зорко наблюдать за собой. Можно только сказать: проверяй, возрастет ли твоя жизненная активность; проверяй, становится ли твой дух яснее и сильнее, — сама жизнь точно скажет тебе, на правильном ли ты пути. Никому из людей в их телесной жизни нельзя сказать, сколько ему можно и должно есть, — можно лишь посоветовать развить чутье к своему телу, чтобы оно само это говорило, и оно непременно скажет. Так же обстоит и с душевной жизнью.

Введя это ограничение, продолжим наш рассказ о медитировании. Мы полагаем, что, пока тысячи людей находят время решать кроссворды, и более того, "медитировать" над ними, будут и сотни таких, кто изберет предметом медитации глагол "Я есмь". И пока сотни тысяч желают услышать, что нового ежедневно происходит в мире, найдутся тысячи, желающие услышать, как обновиться им самим.

Медитируя над глаголом воскресения, мы вновь оказываемся в счастливом положении, поскольку в воскрешении Лазаря Евангелие предлагает нам совершенно точную медитацию. Мы сами покоимся в гробе земли. Можно прямо-таки осязать свою собственную костную систему как гроб, в коем мы погребены. Мы суть человек, который болен, но и тот, что "любим Господом". Марфа и Мария присутствуют в нашей собственной душе. Сомнение и скорбь — действительно, именно из этих душевных сил возникли пред лицом смерти все земные философии — скептицизм и пессимизм. Но и более привычное для нас — плач, поднимаемый в скорбные мгновения теми, кто не ощущает их по-настоящему, — присутствует здесь в причитающих иудеях. Можно ощущать слова Христовы "Я есмь воскресение" утром при пробуждении. И наверное, появятся люди, для которых непреложным жизненным законом станет ежеутреннее пробуждение от этих слов Христовых, как пробудился в своем вифанском гробе Лазарь. Христос проходит мимо нас, зовет нас и пробуждает. Это переживание дарует

несказанную святость пробуждения. Слова, сказанные первоначально Марфе, — "Я есмь воскресение и жизнь", — выстраиваются вокруг Лазаря в некий новый мир, когда Лазарь еще лежит в гробе — до того, как прозвучал избавительный зов. Так и в медитации Христово "Я" облекает нас еще до того, как произносится само слово пробуждения.

Совершенно реально мы переживаем затем, как из этого "Я" струятся воскресение и жизнь. И самое главное — научиться ощущать, как из этого "Я" рождается новый мир, отличный от мира смерти, в коем мы живем. Мир этот намного светлее, живее, духовнее и куда больше пронизан лучами этого "Я", чем наш.

Стремясь испытать происшедшее с Лазарем — пусть даже на первых порах как начинающие, — мы не совершаем дерзости, но поистине усваиваем этот глагол Христов, Христово чудо. Ведь не только у гроба Лазаря Христос говорит: "Я есмь воскресение и жизнь". Он всегда так говорит, из Него всегда говорится так, если мы позволяем Ему живые облечь нас. Это *Он* сам, а не только Его глагол!

Ощувив это, мы узнаем и в чем наше будущее. *Он* есть будущее человечества и будущее мира. Только теперь мы отчетливо осознаем, что люди думают о будущем совершенно превратно. Они *надеются* на будущее или *боятся* его. Мы же должны *созидать* будущее! История Лазаря способна помочь нам в размышлениях о будущем. Повсюду мы видим гроб и болезнь, ведущую к смерти: в народах и в мире физическом, в судьбе отдельного человека и в воззрениях времени. И повсюду перед гробом стоит Христос. Нам необходимо лишь вслушаться, вчувствоваться — и тогда из Него выступит новый мир. Мир этот не придет сам собою, он придет из "Я есмь" Христа. Но это "Я есмь" прорвется и может прорваться в старый мир только через наше "Я есмь". Тем самым наше отношение к будущему изменится, станет необычайно активным и героическим.

Отныне мы видим, как нам нужно работать, чтобы обрести правильный взгляд на будущее — во всех его деталях и в великой целостности. Само собой это не придет. Наши самые сильные внутренние впечатления не столь сильны, чтобы из них все создалось само собой. Мы должны задействовать нашу волю. Можно, конечно, и отказаться от этого, но тогда мы неизбежно остановимся в самом начале. Одна женщина мне так и сказала: "Когда христианство требует от меня любви к моим врагам, оно для меня сразу кончается". И тем не менее приобретается все более тонкое ощущение, что "христианину" никогда и нигде не позволено думать о будущем "подобно язычникам", что христианство должно присутствовать во взгляде, каким мы смотрим на мир. Причем мы не сыплем походя библейскими изречениями и не просто "вверяем будущее Богу" — это магометанство, но еще не христианство. *В нас присутствует воля Христова, что присутствовала при гробе Лазаря.* И сама земля повсюду есть именно *тот гроб*. Высокое и праздничное чувство охватывает нас, когда внутри нашего существа, стоит только свету Христову озарить тьму нашего будущего, обретает избавление еще какая-нибудь частица мира. Мы непосредственно ощущаем, как шаг за шагом происходит "охристовление". Надо лишь все время следить, как из "Я" Христа, из Его сокровеннейшего жизненного центра струится — нет более подходящего выражения — могучий новый мир, и тогда мы конкретно узнаем, что такое "Новый Иерусалим" и как он *возникает*. Подобно тому как в атоме заключена целая солнечная система, так и в нас, в нашем заново становящемся "Я", присутствует этот "Новый Иерусалим".

В таком христианстве уже не может быть раздвоенности, оно не может более уповать на великие мировые катастрофы, меж тем как в сокровенности, в "Я", происходит великая катастрофа, великий переворот, и точно так же оно не может ожидать потустороннего, меж тем как это потустороннее настанет посреди посюсторонности.

Если мы вновь посмотрим на Восток и на Запад, невозможным становится и мировоззрение, желающее избавить человека от мира смерти (*на Востоке*), тогда как Христос есть *воскресение* в "Я"; и точно так же невозможно мировоззрение, согласно которому жизнь кончается тепловой смертью (*на Западе*), тогда как Христос есть *жизнь*,

исходящая из "Я". Порой во время медитации у нас будет возникать ощущение, будто в нас живет чистая радость воскресения. Все наполнится музыкой воскресения, словно в нас самих ликуют ангелы над разверстым гробом. Тогда только мы начинаем догадываться, что есть в действительности Пасха и в сколь малой степени человечество пока воплотило в жизнь христианство воскресения, о котором ведет речь Евангелие от Иоанна.

Перейдя к следующему изречению Христа: "*Я есмь путь и истина и жизнь*" (Ин., 14: 6), мы вновь видим перед собою один из самых могущественных Его глаголов, над которым можно медитировать всю жизнь. Особенно знаменательны обстоятельства, в каких были произнесены эти слова. Фома говорит Христу: "Не знаем, куда идешь; и как можем знать путь?" Примечательно, что этот Фома, о котором позднейшая легенда рассказывает, что он стал апостолом Индии, всем складом своего характера сродни индусам. Он очень сильно чувствует обреченность смерти (Ин., 11: 16). Он — меланхолический мечтатель и скептик, жаждущий видеть (Ин., 20: 25). И здесь он вместо нас вопрошает о "пути", подобно тому как индусы на протяжении тысячелетий вопрошали о "пути", подобно тому как в наше время, каждый по-своему, вопрошали о пути Сундар Сингх и Ганди. Слова, какими Христос ответил на вопрос Фомы, содержат многозначительные указания на "миссию" в Индии, которые, пожалуй, не поняты по сей день. Будда указал путь. Но слова "не знаем, куда идешь" справедливы и для него. Когда его спросили, что есть нирвана, он промолчал. "Об этом Просветленный ничего не открыл" — гласят индийские тексты.

Индусы были народом, который не стремился в земной, чувственный мир. Эту черту их характера постоянно подчеркивал Рудольф Штайнер. Индус страшится внешней действительности. В самом медитативном слове "АУМ (ОМ)" это выступает со всей отчетливостью. В звуке "А" взгляд открывается действительности. В звуке "У" возникает ужас перед нею, а в "М" человек входит в медитацию, во внутренний напев и размышления.

В сущности, индус искал обратный путь в рай. Стремился познать, что лежит в основе всех вещей, что им *предшествует*. Стремился слиться с Единосущим, которое присутствует прежде множественности явлений. Так, на свой лад, он искал древа познания и древа жизни. И вот Христос говорит, — если мы изложим Его слова так, как они были бы сказаны такого рода людям: "Вы ищете путь обратно в рай? Ищете древо познания? Древо жизни? Обратный путь вам закрыт. Но рай распахнут и посещает своих потерянных детей на земле. Я есмь путь! В моем "Я" вы вновь обретете рай! Я есмь истина! В моем "Я" вы обретете плоды от древа познания! Я есмь жизнь! В моем "Я" вы обретете и плоды от древа жизни! Оба древа более не разделены, но воссоединены в моем "Я"!"

Если мы рассмотрим это изречение с такой всемирно-исторической стороны, то с легкостью выведем из него то, что освящает *прошлое* и для нас, как наше собственное, так и прошлое всего человечества. Под прошлым мы здесь разумеем не преходящее, но пребывающее. "В вечном покое пребывает прошлое". Мы имеем в виду то, что составляет божественную опору, основу бытия нашего существа и жизни. Если мы сумеем возвыситься до такого взгляда, прошлое будет избавлено от "преходящности", от которой люди всегда так жестоко страдали.

Обратив именно такой взгляд на прошлое, мы отчетливо осознаем, что оно распадается надвое. Первая часть достается преходящности, и вернуть ее невозможно. Именно она и причиняет нам "боль брэнности". Но из скопища переживаний возносятся истины, приобретенные нами, жизненные завоевания, совершенные нами. Это вечная часть нашего прошлого. Ее необходимо извлечь из "недр прошлого" на свет и заставить плодоносить. В этом нам поможет Христос, позволяя правильно посмотреть. Он есть "путь" — к Отцу. Ибо в истинах, которые мы познали, в наших жизненных завоеваниях глядит на нас божественный Отец.

Итак, это слово Христово подходит для вечера, как слово о воскресении — для утра.

Под водительством этого изречения мы можем плодотворнейшим образом подвести итоги дня. Конечно, оно имеет и некоторые другие смыслы и допускает иные толкования. Но мы настоятельно нуждаемся во внутренней работе над своим прошлым, по возможности ежедневной. Прошлое лежит перед нами как огромная мусорная куча, из которой нужно извлечь золотые зерна. Если в нас Христос, если у нас есть воля к более великому "Я", живущему в безмятежности и действующему в любви, тогда наше прошлое начнет претворяться в золото. Мы видим власть Отца и вновь обретаем путь в рай, где пребываем "с Богом".

Итак, мы предлагаем под водительством высшего "Я" Христа вечером возвращаться к минувшему дню и искать тех истин и жизненных приобретений, которые открылись нам за этот минувший день, и сносить все это домой. "И услышали Бога, ходящего в раю во время прохлады дня" (Быт., 3: 8). Можно исполнять эту медитацию при помощи образа: со Христом мы, преображаясь, ходим по райскому саду и вкушаем от древа познания и жизни. Этого указания вполне достаточно, чтобы затем каждый оформил медитацию применительно к себе лично.

Мы увидим, как невероятно возвышает жизнь такой вечерний обход прошедшего дня вместе с Христом — даже когда ничего определенного мы не узнаём и ничего нового не испытываем. Нам приходят на ум все новые догадки о том, что человек может и должен извлечь из своей жизни и какой будет "ретроспектива" после смерти. Именно *все темное и тяжкое* в нашей жизни вспыхивает сияющим золотом, если будет поднято в наполненное светом царство "истины" и "жизни".

Мы очень продвинемся вперед, если этим же способом научимся ходить по саду исторического прошлого человечества ("Я есмь путь"), и видеть там божественные истины ("Я есмь истина"), и обретать божественную жизнь ("Я есмь жизнь"). Это последняя летопись человечества, поскольку человечеству откроется, что вся его история — путь ко Христу, а тем самым, в высочайшем смысле, также и путь *со Христом*. Он по Своей воле открылся людям как истина и принес им Себя в дар как жизнь. Евангелия и все, что Христос открывает в них как истину и жизнь, — это как бы светильник, назначенный освещать путь сквозь историю человечества.

Земля есть место — так говорит антропософская духовная наука, — где "Я" развивается к свободе, чтобы завершиться в любви. "Я есмь путь" — говорит Христос об этом "развитии". "И истина" — отсюда произрастает "свобода". "И жизнь" — в этом состоит "любовь".

Этим опять-таки упраздняется раздвоенность христианства. Не может быть такого христианства, которое смотрит на личностное прошлое лишь как на что-то такое, что должно прощать, — ведь из этого прошлого следует извлечь истину и жизнь. И не может быть такого христианства, которое смотрит лишь на прошлое "Священной истории" в Палестине, ведь Христос есть путь, каким должно идти к истине и жизни *теперь*. Точно так же преодолевается воззрение, преобладавшее на *Востоке*, где в мире видели исключительно одну "преходящность", но никак не становление и пребывание, и воззрение, к которому склоняется *Запад*, где "прошлое" исследуют и почитают, как будто оно само по себе есть непреходящая драгоценность для человечества, а не путь к истине и жизни.

Теперь нам недостает только *настоящего*.

Люди порой говорят: "Благословенно настоящее!" Говорят во всех возможных тональностях. Но редко когда указывается подходящий путь к внутреннему освящению настоящего. В этом смысле мы не найдем ничего более плодотворного и жизненного, чем последнее "Я есмь" Евангелия от Иоанна: *"Я есмь истинная виноградная Лоза, а Отец Мой — Виноградарь... а вы ветви"*

(Ин., 15: 1, 5).

Эти слова предполагают взгляд на мир, в корне отличный от нашего обыденного

взгляда. История человечества не протекает таким образом, что от начала до конца имеет место одно только поступательное развитие. Это главное заблуждение язычников нашего времени в их попытках осознать мир. Земля была предуготованной пашней. "Мой Отец — земледелец", именно так сказано в греческом тексте этой великой притчи мировой истории. И однажды в обработанную пашню упало сверху зерно света. С тех пор земле назначено помогать развитию этого светового семени. Когда же оно разовьется, тогда старая, черная земля может отпасть от него. Цель ее существования будет достигнута. В этой имажинации мы видим мировую историю *в ее истине*. Христос и есть то зерно света, что желает превратиться в древо жизни на земной пашне.

Так мы понимаем слова: "без Меня не можете делать ничего" (Ин., 15: 5). Приобретаем чутье к тому, что все, что мы делаем вне Христа и без Него, в глубочайшей сути своей есть "ничто": для истинного развития человечества оно не в счет.

Мы приобретаем чутье к тому, что развитие человечества приносит верные плоды там, где течет *Его* животворящая кровь: "Тем прославится Отец Мой, если вы принесете много плода, и будете Моими учениками" (Ин., 15: 8).

Мы приобретаем ощущение, что всякая лоза должна быть очищена, чтобы стать более плодоносной (так мы постигаем смысл всякой нашей боли), и что всякая лоза, не приносящая плода, когда-нибудь должна быть как бы отсечена от истинного развития мира (Ин., 15: 2).

Мы приобретаем чутье и к тому, что сам ток жизни в лозе, ток жизни Христовой, есть *радость* (Ин., 15: 11). В этой радости есть сила, приносящая истинные плоды. Нищие прав: люди слишком мало радовались, — если понимать слова Заратустры в *этой связи*. Воистину из самой глубины единения с Христом струится истинная сила и радость в каждое мгновение настоящего. А с другой стороны, там, где есть эта радость и сила, непременно появятся драгоценные плоды. Ветви надобно лишь стать проницаемой для сока лозы. Этот сок сам собой под воздействием солнца жизни вызреет в плод. Ветвь — самое невзрачное, что только может быть. Но в то же время и превосходная мастерская, где сок лозы обращается в плод. Плод может быть намного больше и намного лучше, чем ветвь, если создан целиком и полностью самою лозой. Все зависит от лозы и от плода. Давайте как следует вживемся в это *христианское чувство жизни*. И тогда станет ясно, сколько в нем здоровья, свежести и бодрости. То, что получено от лозы в виде плода, однажды станет истинным плодом земного развития.

Если бы человек почаще в течение дня вспоминал о своем существовании ветви, если бы видел свою частную работу в мировой взаимосвязи — как зерно света, которое вырастет в древо жизни, — если бы нашел для своей работы

место в этой великой мировой взаимосвязи, если бы везде и всюду стремился делать свое дело и приносить плоды исходя из этого жизненного единения, если бы думал о живом Христе именно в этом духе, если бы открылся жизненному соку, который втекает в него благодаря Христу, если бы позволил Христову "Я есмь" действительно влиться в себя подобно новому соку жизни, — тогда он смог бы в каждое мгновение жить правильно и его *настоящее освятилось* бы. И все более он будет постигать, что Христово "Я" есть чудеснейший и лучший сок жизни, сок жизни нового мира.

Так человек приобретет и совершенно иной взгляд на *настоящее состояние мира* вокруг. Он не будет думать, что плоды Христовы лишь там, где поминают Его Имя, но там, где струится Его жизненный сок. И он обретет правильное чутье к этому жизненному соку. И тогда распознает многое из того, о чем люди не знают, что оно связано с Христом. С другой же стороны, он будет все более остро ощущать, где возрастают плоды, которые безвозвратно обречены тлену.

Нам представляется, что человек не только время от времени имеет подобные мысли, но что он исполняет эту медитацию, по крайней мере иногда, в самом прямом смысле: возле новой лозы, посаженной земледельцем, чувствует себя невзрачной ветвью, пьет от.

лозы и думает о плодах, в которых, собственно, согласно этой притче, и заключен смысл его пребывания *здесь*.

Ложное христианство осуждает настоящее и живет либо в прошлом, либо в будущем. Мы свободны от обеих крайностей. Как от восточного образа жизни, для которого настоящее есть *ничто*, так и от западного, для которого оно — *все*.

Будущее — это воскрешение из гроба! Прошлое — прогулка в райском саду! Настоящее — питье от побегов лозы! Такими образами мы освящаем время, как прежде освятили пространство. Темная река времени станет священным потоком, если мы засветим над нею эти огни. Мы можем духовно совершить то, что индус совершал во внешнем культовом действе, омываясь в священном Ганге и тем самым очищаясь. Мы постигнем на опыте, что *таким образом приносим времени избавление*.

Хорошо бы не просто исполнять отдельные медитации о "Я есмь" сообразно своему характеру и потребностям, но выбрать себе день, скажем раннее воскресное утро, чтобы пройти *все* эти медитации. Именно потому, что отдельные медитации уже выполнены заранее, не понадобится подолгу задерживаться на каждой из них. Тогда обнаружится, какой совершенно новый мир воздвигается вокруг нас. Мы узнаем, что отныне находимся на пути к *"христианскому мировоззрению"* во много более высоком смысле,

нежели раньше. Мы почувствуем, что повсюду обнаруживаются приметы высочайшего познания, путь, ведущий к развитию познавательной жизни в духе Иоаннова Евангелия ("Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа"), к освящению духовного существа в духе первой мольбы "Отче наш": "Да святится имя Твое!" Отныне мы будем нести в себе это моление совсем иначе, просветленное всем содержанием провозвестия Христова: *"Я открыл имя Твое"*.

И одновременно мы узнаем, что только сейчас впервые обретаем собственное "Я". Пройдя через откровение "Я" Христова, мы в полном смысле слова увидим, что есть *священное "Я"*. Нынешнее время сплошь заражено болезнями "Я". Мы не можем вернуться во времена, *предшествующие* становлению самостоятельного "Я", и не можем обойтись одной лишь бранью по поводу себялюбия нашего рода. Мы можем лишь двигаться вперед к истинному "Я". Современному человечеству должно принести то, что "исцеляет "Я" в глубинах души", как сказано в человекоосвящении. Каждое изречение "Я есмь" содержит снадобье от какой-нибудь болезни "Я". Изречение "Я есмь хлеб" — помощь от себялюбия, "свет" — помощь от страхов, "добрый пастырь" — помощь от слабости, "дверь" — против судороги, "воскресение" — исцеление от оцепенения, "путь и истина и жизнь" — исцеление от оскудения "Я", "лоза" — исцеление от самолюбивого, эгоистичного очерствения. Но не говоря обо всех этих болезнях "Я", о которых можно было бы написать целую книгу, следует знать: если мы будем положительно жить в этих семи глаголах, то обретем свое высшее "Я". Оно целиком частица Христа и в то же время целиком мы сами, какими, собственно, должны быть. Это и есть чудо.

Проходя воскресным утром через эти семь "Я есмь", можно с полным правом представить себе, что духовно участвуешь во всех семи таинствах. "Я есмь путь и истина и жизнь" — это крещение. "Я есмь Лоза, а вы ветви" — конфирмация. "Я есмь пастырь добрый" — исповедь. "Я дверь" — брак. "Я есмь хлеб" — причастие. "Я есмь свет миру" — рукоположение. "Я есмь воскресение и жизнь" — соборование. Если задуматься о том, что первое "Я есмь" гласит о *хлебе*, а последнее о *вине*, мы начнем понимать, что в этих "Я есмь" присутствуют причастие, путь посвящения и Священнодействие Божие, которое еще должно обрести и о котором пока сказано лишь очень немногое.

"Я в Отце, и Отец во Мне" — вот центральное провозвестие Евангелия от Иоанна. Оно продолжается в нас, когда Христос в молитве первосвященника говорит: "Я в них!" (Ин., 17: 21-26). "Я в Тебе" воспитывается в нас четырьмя первыми глаголами "Я есмь", где мы учимся жить в "Я" Отца как в новом пространстве. "Отец во мне, в Я" — формируется в

нас посредством трех последних "Я есмь", когда мы с этим новым "Я" вступаем в новое время.

Человек погружается в сокровенные глубины мира — "Бога не видел никто никогда: едиnorodный Сын, сущий в недрах Отца, Он явил" (Ин., 1: 18), когда повсюду, во всех четырех духовных направлениях встречает лик Отца "Я", который повсюду есть "любовь". И человек, как сказано в человекоосвящении, "сливается воедино со становлением мира", когда претворяет в действительность три последних глагола "Я есмь" и так принимает то, что поистине можно назвать "миром" (Friede). Так эти семь глаголов связаны с нашей основной медитацией о мире и любви.

Говоря выше об индусах, мы видели, что их совокупное отношение к миру выражается и в медитативном слове АУМ (ОМ). Совершенно другое отношение к миру заложено в древнееврейском слове *ани*, "Я". Здесь тоже ощущается действительность: "а". Затем ему навстречу выступает "н", в котором присутствует также и отрицание этой изначально данной действительности. Но отрицание это противоположно индуистскому. Не отход, но прорыв. В "и", световом звуке сокровенности "Я", является новая действительность. Тем самым еврей как бы говорит действительности, которая его окружает, — и в этом его отличие от окружающих "язычников": "Ты не то, что я ищу! Я должен от тебя оттолкнуться! Я должен тебя отвергнуть!" Изнутри в "Я" грядет новая действительность. Иудейство прежде сформировало в человечестве "Я". Еще мучительнее, темнее и упорнее вырабатывается "Я" в другом древнееврейском слове для "Я" — *аноки*.

Опять-таки совершенно иной мир сияет в немецком слове "ich". Здесь достигнуто "i". Звук "и" *начинает* слово. Но это "и" вновь обращается к миру и приносит себя ему в дар. В "ch" оно жертвенно простирается над миром. Так мы можем в немецком слове "ich", в обоих его звуках, обрести выражение для нашей основной медитации и связать это слово в его живом звучании с нашей основной медитацией. В "i" присутствует чистота божественного мира (Friede). В "ch" — жертвенная воля божественной любви.

Добрый знак действительности наших медитаций, если мы начнем теперь учиться выговаривать слово "Я" с совершенно другим ощущением даже в повседневной жизни. Евангелист Иоанн не желал употреблять слово "Я" применительно к себе, после того как услышал его из уст Христовых. Он именуется только описательно: "ученик, которого любил Иисус". Мы живем во времена эгоизма. И этому времени мы обязаны принести избавление — сначала в нас самих. Так

случится, когда мы по-новому произнесем слово "Я" в нашем собственном чувстве жизни, а главное, в нашем собственном существе. Всякий раз, когда мы говорим "Я" или бываем "Я", в нем может жить Христос с миром и любовью.

6

Вечером непременно возьми с собою в постель какое-нибудь памятное место из Священного Писания. И как чистое животное, пережевывая его, усни тихонько. Пусть отрывок будет невелик, скорее даже мал, но хорошо продуман и понятен. И когда ты встанешь утром, ты обретешь его как наследие вчерашнего дня".

Многие из читателей, наверное, узнали рассуждения Лютера о медитации. Так он писал, обращаясь к священникам в своем "Ratio vivendi sacerdotum" ("Как подобает жить священникам"). В этом рассуждении, как часто у Лютера, встречаются два времени. От своего католического прошлого он еще сохранял связь с медитацией, какую с величайшей серьезностью культивировали в монастыре. Но из стилистики уже выглядывает и побюргерски уютное христианство, каким оно стало позднее, когда возникла опасность протестантизма. От героического усилия, которым отмечена всякая медитация, здесь ощущается немного. Хотя Лютеру было хорошо знакомо это героическое усилие, особенно в молитве. Но все же нужно обратить внимание на то, как здесь прорывается

иное настроение.

Примечателен, однако, сам образ пережевывания — сколь ни низменна сфера, из коей он заимствован. В медитации слово или образ действительно проникается субстанцией нашей собственной человеческой сущности — и пронизает нас субстанцией *своей* сущности. Чем интенсивнее мы способны медитировать, тем больше выступает второе. Идет процесс духовного усвоения. Тот же процесс, что и в образе Лютера, но на более высокой ступени. Поэтому некоторым подобный образ непосредственно поможет усвоить правильный способ медитирования. А с добавлением "хорошо продуман и понятен" обязательно произойдет и включение в настоящую медитацию.

Здесь мы остановимся на вопросе, который ставит молодой, успешно медитирующий читатель этих писем: не опасно ли медитировать непосредственно после сна, ведь человек в горизонтальном положении совсем не таков, как в положении вертикальном. В этом положении, будучи преимущественно человеком обмена веществ, он может, конечно, без затруднений погрузиться в духовные переживания, но эти переживания поднимаются в виде грез из его *нижней* жизненной системы. Опасность действительно существует, и полезно обратить на нее внимание. В древней Индии это ощущали, наверное, еще отчетливей. Однако результат европейского развития в том и состоит, что человек способен во многом не зависеть от внешних обстоятельств, в том числе и от положения тела. Вопрос в том, в состоянии ли мы лежа медитировать духовно и интенсивно. Опыт говорит, что это возможно. В большинстве случаев, конечно, не без упражнения и не без усилия. Человек сам заметит, что поможет себе, положив голову чуть повыше и при этом не нарушая духовного настроения ночи. В особенности, если желаешь глубоко пережить ночь в своем сознании, полезно не слишком менять ночное спокойное положение тела. Каждый может сам проверить, что для него приемлемо. В любом случае правильно будет исполнять медитацию в сознании не менее, а более интенсивном, бодрственном и светлом, чем дневное, и входить через медитацию именно в такое сознание. До какой степени может быть просветлено и одухотворено человеческое сознание, поначалу не имеют ни малейшего представления.

Это касается прежде всего медитаций, о которых у нас теперь пойдет речь. Если семь глаголов "Я есмь" служили освящению мыслей, то теперь мы обращаемся в особенности к освящению чувств. Что делается сегодня для того, чтобы облагородить человеческое чувство? Подсознательно многое совершается через искусство. И, наверное, можно при помощи великих произведений искусства построить систему самовоспитания, подобную той, какую мы строим на основе Евангелия от Иоанна. Тот, кто ежедневно в течение пяти минут будет находиться под воздействием Сикстинской Мадонны, за три года полностью преобразится. Он всем своим существом впитает единственную в своем роде, прекрасную богочеловечность этой картины.

Но коль скоро образы оказывают сильнейшее воздействие на эмоциональную жизнь, то самыми сильными и действенными являются образы событий из жизни Христовой, представленные в Евангелиях, если мы сами выстроим их в себе. Ни один художник в мире не сумел нарисовать их как должно. Это мы ясно осознаем в конце наших рассуждений. Но, быть может, и хорошо, что мы должны сами сформировать эти образы в своей душе. Благодаря этому они будут свободнее, подвижнее, личностнее и таинственнее, нежели в том случае, когда некий художник проведет нас к ним через свою душу.

Ничто не очистит, не преобразует и не обожествит жизнь наших чувств так, как издревле проверенный путь через семь ступеней страстей Христовых. Но мы проходим этот путь совершенно иначе, нежели средневековые монахи. В монастырях, прежде чем погрузиться в переживание страстей Христовых и воскресения, монахи двенадцать недель подвергали себя воздействию двенадцати предыдущих глав Иоаннова Евангелия. В них же содержатся и первые пять глаголов "Я есмь". Но совершенно другое дело, когда сперва целенаправленно обретается "Я", как пытались это сделать мы. Тогда человек больше

защищен от сугубо эмоционального и глубже входит в духовное. В средние века, именно потому, что свободная мысль была еще затемнена, христианское чувство развилось до поразительных высот величия и чистоты. В этом и состояла задача эпохи. Коль скоро мы хотим не утратить, но, напротив, вновь обрести такое чувство, то достижимо это ныне лишь через бодрственное, сознательное, сильное "Я", какое возможно благодаря новому времени. Тем самым эмоциональная жизнь приобретает другой характер — большую одухотворенность и всемирность.

Рассматривая жизнь своих чувств, мы скоро поймем, как сильно она нуждается в очищении и самовоспитании. Ведь именно из чувств нередко как бы само собой возникает воление. Хоть и кажется, будто эмоциональная жизнь как полная наша собственность целиком заключена в нас, она-то и есть почва, из которой произрастает наша внешняя жизнь. Душа, преисполненная высоких ощущений, — если ощущения эти здоровы и сильны — без особых усилий будет придерживаться возвышенного образа жизни.

Можно заняться воспитанием своей внутренней жизни следующим образом: брать *одно* чувство за другим и, так сказать, делать каждому прививку. Но куда полезнее и надежнее направить в душу новые, могучие чувства и промыть ими все содержание души, вымыв из нее все лишнее. Даже тот, для кого Христос еще не значит столько, сколько значит для нас, ощутит перед страстями Христовыми благоговение, которое в какой-то мере позволит ему стать нашим спутником.

Новое чувство, пришедшее в мир благодаря христианству, называется *любовью*. Почитайте писания дохристианских времен и обратите внимание на то, что солнце любви еще просто не взошло. Даже в буддизме с его доброй мягкостью ко всем существам только разгорается заря.

Но, войдя в человеческие души, любовь смешалась со всем, что там было прежде. Так она сама замутилась до неузнаваемости. Это касается весьма многого из именуемого "христианской любовью". Ныне зачастую складывается впечатление, что не христианская любовь преобразила сердца, но сердца преобразили христианскую любовь. Часто она — фальшивый миссионерский пыл, который совершенно не считается со свободой другого человека и потому не видит и

не достигает его истинного "Я". Часто она — слезливая сентиментальность, способная внушить лишь отвращение к слову "любовь". Иногда — новые хлопоты, в которые человек, по сути, бежит от самого себя, а иногда — дурное любопытство, всюду сующее свой нос. Не редкость и раблепное самозабвение, именуемое "беззаветной преданностью", как и иная форма самоутверждения, когда христианством прикрывают стремление уподобить всех людей своей персоне. Грустно наблюдать, как под маской христианской любви распространяется самый скверный эгоизм, даже и не помышляющий действительно участвовать в судьбе ближних, а тем более жертвовать ради них жизнью. Ничто так не нуждается ныне в очищении, как сама христианская любовь.

Высокий, чистый дух любви Христовой ощущают еще очень и очень немногие. И все-таки Христос позаботился именно о воспитании любви со всею осмотрительностью и отчетливостью, как бы предвидя опасности, о которых мы говорим. Достаточно припомнить, как редко Он вообще произносит слово "любовь", а если и произносит, то в какой связи. Например, едва только речь заходит о любви, как Он тотчас рассказывает притчу о добром самарянине, содержащую целый катехизис любви, но не в форме поучения, а в форме образа, деяния. Или как Он Сам в конце жизни, прежде чем говорить о любви, наставляет Своих учеников поступком — *омовением ног*.

Все это способно помочь нам с должным благоговением приблизиться к первой остановке на пути Христовом. И вновь мы, как раньше, будем строить медитацию, не слишком вдаваясь в подробности, а ограничиваясь лишь общими указаниями. Тогда каждый самостоятельно решит, как ему оформить свою медитацию. Он приобретет собственный опыт и найдет собственный путь. Если бы мы, как желают некоторые,

изложили свои предложения во всех подробностях, читателю было бы трудно отрешиться от них. Его образы подверглись бы определенному окаменению, и ему было бы нелегко отыскать свое собственное, чтобы затем развивать его и наполнять жизнью. Читателю необходимо приложить усилия, чтобы самому сделать последний шаг.

Но позволительно дать совет: хорошо бы сначала во всех подробностях, живо представить себе историю с омовением ног (Ин., 13: 1 — 35) и принять ее в себя. Для того она нам и дана. Во всех деталях запечатлелась она и в душе рассказчика: Иисус встал, снял с Себя, верхнюю одежду, взял полотенце и препоясался. Так Учитель облекся в одежду раба. Все эти детали с течением времени наполнялись для евангелиста все большим смыслом и становились все прозрачнее.

Но детали должны лишь подводить к величественному главному предмету, к *чудесному духу служения*, явленному здесь Христом. Если человек вживе преисполнится этого духа, он может представить себе, что вдыхает этот дух, как воздух при глубоком вдохе. Согласно исследованиям духовной науки, чувство теснейшим образом связано с так называемым "средним человеком", который обитает прежде всего в "ритмической системе" легких и сердца. И действительно, именно медитации чувства могут быть пропущены через все пять органов чувств, поднимая их на более высокую ступень. В упражнениях иезуитов, в "Exercitia spiritualia" ("Духовных упражнениях") Игнатия Лойолы, преисподняя последовательно переживается всеми органами чувств: сначала имажинативно видят мучения проклятых, затем слышат их вопли, обоняют дым и т. д. Здесь же, в медитации, подобной омовению ног, можно как бы более высокими органами чувств вправду воспринять *небо*. И не нужно думать, будто для того, чтобы стать вполне восприимчивым к небу, следует сначала отдельно пройти через преисподнюю. Вместе с небом человек одновременно ощущает и преисподнюю — коль скоро он несет ее в себе, — находящуюся вне неба: насквозь проникнутое злом существо, которое как раз и не есть небо.

Если удастся отчетливо увидеть духовным взором картину омовения ног, можно попытаться затем воспринять существо Христа духовным слухом как некий дивный музыкальный тон, затем вдохнуть аромат жертвы, затем — подобно библейскому "Вкусите и увидите, как благ Господь!" — как бы распробовать жизненный вкус такого деяния и, наконец, духовно ощутить это деяние как совершенно конкретный предмет и войти в него своим ощущением жизненного тепла. Все это требует упражнений. Но затем в человеке возникает живое впечатление горнего мира, где преображаются и его органы чувств. Это касается *всех* образных медитаций. Теперь же давайте вернемся к образу, который сейчас перед нами.

Подписью под картиной омовения ног могли бы служить следующие слова Библии: "Князья народов господствуют", но "Сын Человеческий не для того пришел, чтобы ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих" (Мф., 20: 25, 28), — с тем лишь отличием, что вместо "Сына Человеческого" Евангелия от Матфея лучше, в духе Иоаннова Евангелия, поставить "Я": "Я не для того пришел, чтобы Мне служили, но чтобы Я послужил".

В этих словах Христос противостоит кесарю, который объявился в тот же момент истории человечества, чтобы властвовать миром. Если вдуматься в это временное совпадение, нам станет ясно, что "Я", которому должно развиваться в мире, имеет перед собою два пути: либо путь через борьбу к власти, либо путь через свободу к любви. Христос и кесарь противостоят друг другу до скончания дней и сражаются за "Я" человека. Эта борьба в мировой истории ведется и за нас. Приведенные выше слова Христа содержат последнее решение судеб мира: отказ от роли кесаря, который высказан яснее ясного. В противоположности этих решений мы прекрасно видим то, что — возможно, под влиянием мистерий — изображали как противоположность любви небесной и земной. И нигде не предстает эта борьба более впечатляюще, чем в истории самого Рима. Христос свергнул

кесаря с римского престола. Но, невзирая на это, кесарь вновь и вновь нападал на Христа в Риме и теснил Его. Папство есть борьба между кесарем и Христом. И нам надобно преследовать своего кесаря повсюду — как домашнего деспота и грозу подчиненных, карьериста и мстителя.

Взойдя на трон, князья издают манифесты к народам. Также и по восхождении Христа на престол воспоследовало послание ко всем, кто хочет принадлежать Ему. "Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас". "По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою" (Ин., 13: 34, 35).

Если в душе живо представить себя перед таким решением, можно пережить то же, что иезуиты переживают как волевое решение, противопоставляя царя Люцифера в Вавилоне и царя Христа в Иерусалиме. В связи с нашим Евангелием это еще глубже и содержательней.

Мы никоим образом не собираемся толковать Библию, мы хотим лишь создать настроение, служащее основой для медитации омовения ног. Хорошо бы как можно сильнее ощутить царственность этой любви. Тогда только любовь избавится от всего мелкого, мелочного и рабского, что пока присуще ей в христианстве. Сам Христос придавал большое значение тому, чтобы эта царственность была полностью прочувствована. "Вы называете Меня Учителем и Господом, и правильно говорите, ибо Я точно то. Итак, если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу". Лишь тот, кто сам ощущает это царственное, божественное *в любви*, совершенно освободится от тайной жажды признания и благодарности. Он знает, что такая любовь есть единственно возможное, божественное отношение ко всем существам. Ибо Всевышний Бог не имеет ничего над собой, но все — под собой. Его жизнь может состоять лишь в обращении к тем, кто ниже Его. Человек еще не имеет в себе ничего от подлинной божественной жизни, если не чувствует, что и в нас самих Бог навещает тех, кто нуждается в помощи. Лишь в царстве любви мы переживаем подлинное присутствие в нас Бога.

Если же от всего этого в человеке возникнет еще более отвратительная гордыня (а это ему свойственно), Христос смиряет ее, подходя с этой царственной любовью к самому низкому делу, более того, Он совершает это дело прежде всякого слова. И Он не говорит: "вы должны любить друг друга", но: "вы должны умывать ноги друг другу". Как бы затем, чтобы раз и навсегда уберечь от всякой гордыни, Он приводит Своим ученикам Себя в пример: "чтоб и вы делали то же, что Я сделал вам". Во всех этих чертах ощущается истинный дух Христов.

"Что Я сделал вам" — сколь многозначительны эти слова! Может быть, и все, что сделал Христос для человечества, можно понять благодаря образу омовения ног? Лучше всего это удастся, если привлечь на помощь некоторые сведения из духовной науки. Из-за грехопадения человек нисшел на землю; прежде он был менее развит, но жил много более духовной жизнью. Земля, по которой он теперь странствует, — место греха. Снизу, от земли, ставшей обителью его жизни, человек как существо духовное постоянно оскверняется, хотя зло не может пристать к нему, если не содержится в нем самом. Вдобавок волевое существо человека выражает себя прежде всего посредством ног и рук. Когда человек сердится, он сжимает кулаки и топает ногой. Кстати, волевой тип человека сильнее, чем мы думаем, обнаруживает себя в походке. Бывает, к примеру, короткий властный шаг или мягкое небрежное шарканье. Недаром говорят о "неверной походке". Христос, однако, пришел на землю, чтобы помочь человеку с самого низу. Он заново освящает почву, по которой ходит человек. Освящает и ноги, которыми человек ходит. Следуй за мной! Я есмь путь!

Как бы в знак того, что здесь сокрыты глубокие тайны, в рассказе об омовении ног противопоставлены два разных типа ног: "Ядуший со Мною хлеб поднял на Меня пяту свою". Эти слова следует понимать не только в прямом смысле древнееврейского оригинала. Это еще и образ — образ кесаря. Он сидит гостем за божественной трапезой,

как и все остальные, но в гордыне своей попирает землю, на которой живет, и тем самым оскорбляет духа земли.

Отныне нам становится понятен примечательный факт, который Рудольф Штайнер упоминает в своих лекциях о Евангелии от Иоанна: средневековые мистики, вживаясь в "омовение ног", действительно ощущали, как вода омывает их ноги. Современный психолог тут же заговорит о "суггестии", которая, мол, действовала в таких случаях. На самом деле в основе этого явления зачастую лежит совершенно другой процесс, в высшей степени святой. Когда человек целиком связывает себя с Христом, он перестает эгоистически отталкиваться от материнской почвы, на которой стоит. Он погружается — в том числе и ногами — в некую властную духовность. Ведь только сугубо поверхностному наблюдателю ноги представляются бездуховными и чисто телесными, как их принято рассматривать сегодня. Через ноги человек связан с мощными силами земли, и именно через них он способен ощущать эти силы.

С тех пор как в земном существе присутствует Христос, эти силы земли получили возможность насквозь проникнуться Христом, целиком подчиниться духу Христову. Образ этого события дан Откровением Иоанна в видении Христа (Откр., 1: 15). Сам Христос является здесь с ногами, как раскаленными в печи, — мощнейшая сила земли, раскаленная пламенем любви. Начальную ступень этого состояния и переживали упомянутые мистики. Современные люди также могут это испытать. Тогда приходит переживание очищения "от самого основания".

Иной поначалу сумеет лишь слушать такие рассуждения. Но с их помощью он, наверное, станет догадываться, что эти библейские образы не содержат ни одной случайной детали. Когда человек предается им, он не только испытывает религиозно-моральные переживания в *сердце*, но идет навстречу совершенно новому *миру*.

В первую же очередь всякий может расслышать в нашей истории голос Самого Христа: любить — значит омывать ноги, принимать человека в его земной данности, делом помогать ему — снизу! Ребячество — подражать Христу внешне, как поступал в свое время баварский король: в Чистый четверг он собирал в замке несколько стариков (до того основательно помытых) и лил воду им на ноги. Несколько лучше поступали иные средневековые общины, исполняя омовение ног как таинство. А лучше всего, чтобы в те мгновения, когда нам представляется возможность любить, в нашей душе всплывал этот образ, великое деяние самого Христа — омовение ног. Его божественный пример. Тогда мы придем к совершенно иным мыслям, нежели в том случае, когда желаем ощутить в сердце любовь как некое осчастливливающее чувство. Снизу, от почвы освящать человека служением — вот христианская любовь. Во многих монашеских орденах прошлого существовали упражнения для развития смирения. Но чудесное слово "смирение" сегодня порядком затерто. Мы должны обрести его вновь как царственное мужество смиренного служения.

Если в нас живет эта воля, надобно снова и снова оживлять ее и усиливать через этот образ

Христа, через пример, поданный в омовении ног. Затем, после того как рассмотрение деталей настроит нас на верный лад, надобно целиком и полностью отдаться рассмотрению главного: *Христа*, который в этой божественной воле к служению омывает ноги *людям*. Эту волю, это настроение, мы впитываем в себя, пока не преисполнимся ими совершенно — по возможности с такой силой, чтобы нам казалось, что отныне и навек в нас ничто другое больше жить не может.

Во время этого и во время следующих упражнений этой второй группы мы можем в конце концов ощутить свое "Я", обретенное при исполнении первой группы упражнений, чем-то вроде чаши Грааля, которая наполняется сверху благороднейшим содержанием — самой кровью жизни Христовой. Не то чтобы мы вступали в общества Грааля и играли мыслями по поводу Грааля. Нет, мы внутренне обретаем переживание Грааля — вот что

главное. "Я", как перевернутая чаша, может быть закрыто сверху и наподобие крышки накрыть других, находящихся внизу. Тогда это будет кесарь. Великий или ничтожный — зависит от одаренности. "Я" может открываться вверх и щедро расплескиваться вниз — тогда это будет ученик Христов. Иоанн Креститель стоял у врат нового: "Я" ощущало себя пустым, одиноким и жаждало жизненного содержания, и тогда пришел Христос и сказал: "Я есмь". И теперь мы принимаем в себя сущностное содержание этого "Я есмь". Это и есть переживание Грааля.

Совершенно ясно, что здесь и речи нет о "мистических" чувствах — в теперешнем смысле слова; мы говорим об основополагающем воспитании человека, столь необходимым ныне человечеству.

Первое, на чем следует остановиться, это сама основа божественного настроения, приведшая Христа на землю. Ибо только с Христом стоит жить на этой земле. Вместе с Христом мы ежедневно по собственной воле возвращаемся на землю, хотя порой она совсем нам не нравится. Деяние Христа есть отражение высочайшей воли самого Отца, стоящего за каждым земным событием. Божественной необходимостью было то, что Отец мира однажды позволил возникнуть миру, в котором мог выразить свою божественную волю и умение, помочь всей глубиной своей любви так, как это произошло на земле.

Но тот, кто хочет жить на земле, должен взять на себя ее судьбу. Так мы подходим к второй ступени внутреннего единения со Христом. Сначала мы направили свой взор на человека и пробудили в себе определенный мысленный настрой именно относительно человека. Ибо земля существует ради человека. Теперь же наш взгляд устремлен к миру, окружающему человека. Мы вступаем в земную историю. И слово, которое введет нас в этот мир, — мир (Friede). Как любовь вела и ведет нас к людям, так же и в мире нас облекает мир.

Однако христианский мир (согласие, лад) так же искажен, как и христианская "любовь", а значит, нуждается в очищении. То, как в нынешнем христианстве живут слова "любовь" и "мир", могло бы только оттолкнуть таких людей, как Ницше. Что есть истинный мир в духе Христовом, мы лучше всего можем постичь через образ *бичевания*. Это не средневековый монастырский "мир", уединяющийся от мира, но именно стояние в самом средоточии мирового зла. Не протестантский душевный мир, радеющий об искуплении собственных грехов, но восприятие судеб мира силою, даруемой свыше. А если смотреть шире на мировую историю, то за христианством виднеется и другое: и героическая бесчувственность стоиков, и сугубо духовное буддийское отсутствие желаний — все это далеко уступает образу героического христианства, живущего в бичевании.

При этом мы опять-таки понимаем бичевание как суммарный образ того, что происходило с Христом всегда и повсюду. Невыносимо страшно — вживе представить себе Христа у пыточного столба, святую божественность, до крови избиваемую солдатней. Иной и усомнится, пожалуй, в состоянии ли его "нервы" выдержать серьезную медитацию над этим образом. И все-таки мы только вступаем в истинную судьбу божественного в мире, когда в нас оживает этот образ. Иначе с божественным не бывает. Кто не желает этого, тот исповедует в этом мире мелкие житейские радости, но не божественное. И наоборот, подлинно божественное сохраняется в мире именно потому, что дает человеку силы и мужество разделить с ним эту судьбу. Полезно вновь и вновь отчетливо представлять себе этот образ Христа. Ибо, как сказал Гёте, против многочисленных отречений, которые требуются от нас, лучше всего помогает единственное средство: "однажды навсегда отринуть сразу все". Так и после подобной медитации о Христе чувствуешь, что возвращаешься в жизнь много более сильным и мужественным. Знаешь, что тебе предстоит, вновь укрепляешься в своей решимости, и *тогда* сам удивляешься, как много доброго, оказывается, выпадает в этом мире нам на долю. Мы начинаем постигать новый смысл "избавления через Христа". Ныне думают — если вообще хоть сколько-нибудь думают об этих словах, — об однократном событии смерти Христа на Голгофе. Но

и от отдельных событий жизни Христовой постоянно приходит избавление. Кому вправду удалось исполнить медитацию "бичевание Христа", тот "избавляется" от всякого нытья, от всяких жизненных иллюзий, от всяких ложных надежд и желаний. Лишь теперь он замечает, что бессознательно носит все это в себе, и воспринимает свою жизнь совершенно иначе, отдавая себе отчет в том, что может жить и распоряжаться ею как помощник божественности в мире. Христос взял на себя наши страдания — это древнее воззрение приобретает новый смысл. От образа Христа действительно исходит сила, которая отводит от нас предстоящие страдания именно как страдания, а взамен дарует нам свои радости. Такое конкретное переживание "избавления" через Христа, какое мы показываем здесь на частном примере, гораздо важнее и ведет гораздо дальше, чем когда человек забивает себе голову древнецерковными учениями и "верит" в них, в том пресном смысле, который вкладывается сегодня в слово "верить" и не имеет почти ничего общего со смыслом библейским.

Но теперь целесообразно взглянуть на всю жизнь Христову в свете бичевания. Тот, кто после медитации бичевания прочтет в Евангелии от Иоанна прощальную беседу Христа, обнаружит, что всякое слово, вставленное учениками в Христовы откровения, звучит как удар бича. Не как укол шипа, но как удар бича. Тогда нужно прочесть выше в Иоанновом Евангелии, как иудеи — не следует при этом думать об иудеях как об этносе — воспринимают каждое слово и каждое дело Христа, и нам станет ясно, что Христос всю Свою жизнь стоял у пыточного столба и все, почти все исходившее от людей было бичеванием. Мы не замечаем этого лишь оттого, что Христос, например в прощальных беседах, сносит все это с таким величием, вновь и вновь обращая все во благо. Таким образом, читая прощальные наставления (Ин., 13—16) и особенно обращая внимание на "внутренний настрой" Христа к возражениям учеников, можно оживить и включить в образ бичевания этот внутренний настрой, это неприкосновенное величие святости. Только тогда мы постепенно поймем, что можно "удостоиться страстей Христовых". Ведь величайшее благо и спасение для человечества — отвечать на удары человеческой злобы этим возвышенным настроением, чистой принадлежностью Богу. Давние мистики говорили о "невозмутимости Божией". Однако пока "невозмутимость Божия" пребывает в монастыре и там укрепляется за счет "божественной жизни", она не достигает высоты Христовой. Она должна находиться среди самой страшной враждебности мира сего, должна быть активным "единением со становлением мира, которое возможно лишь через Христа", должна быть свободным приятием судьбы божественного в истории человечества. Человек должен чувствовать, что эта невозмутимость, этот лад как раз и отличает людей сильных и пылких. Оказывается, греки потому так высоко и ценили благоразумие, что давалось оно с большим трудом. Подобным же образом и христианский лад тем величественнее, что достигается в победе сильной воли *над самую собой*.

Все, что люди переняли у Христа, они сначала губили. Так, было сентиментальное сострадание Христу, тщеславно-эгоистическое и даже в лучшем случае совершенно лишенное величия. Была и рабская покорность всему во имя Христа и многое другое. От всего этого нас может освободить медитация бичевания, если мы совершим ее не только чувством, но и бодрственным, способным к выбору "Я". Мы не станем в подражание древним монахам надевать власяницу и заниматься самобичеванием. Но мы смотрим на Христа у мирового древа, по собственной Его свободной воле связанного и истерзанного людьми; Он не дает внешнего отпора мучениям, противопоставляя им лишь божественное величие. Мысленно мы помещаем себя в Его положение, по свободной воле принимаем на себя Его судьбу и даем обет в этом духе выстоять перед всем, что бы ни случилось.

В уже упомянутых лекциях об Иоанновом Евангелии Рудольф Штайнер говорит, что средневековые мистики, усердно предававшиеся созерцанию бичевания Христа, действительно чувствовали себя так, будто подверглись избиению. Подобные истории рассказывают и в наше время — большей частью это сновидения, наступавшие после

рассмотрения бичевания. Здесь вновь имеет место процесс, который никоим образом не есть суггестия. Когда человек преисполняется Христом, когда возносится над узколичностной жизнью и любовно открывает для себя мир, тогда его тонкий, невидимый человек вправду разрывает оболочку, в которой до сих пор жил. То, что называется эфирным человеком — еще не сам Духочеловек, но уже нежный орган Духочеловека, — начинает участвовать в большой жизни. Первое, с чем человек тогда сталкивается, — это противодействия, идущие со всех сторон, враждебные силы, не желающие терпеть божественное. И это тем более ощутимо, что именно теперь он живет в ощущении, что хочет нести лишь добро, и в неосознанной убежденности, что другие люди, разумеется, должны признать великим и божественным все, что является таковым для него самого. Вот почему люди, которые от великой убежденности хотели помочь ближним, были вынуждены сперва бороться с обостренной чувствительностью, когда человечество отвечало на их помощь совсем иначе, чем они ожидали. Переживание, известное нам как "укол шипа", принимает вселенский размах. Эти ощущения могут возникать не только когда человек сознательно переживает чужую враждебность, но и когда он чувствует себя в мире просто учеником Христа. Они могут быть почти неосознанными — или в высшей степени осознанными. Они живут в высокой духовности, которую нетрудно отличить от повседневного сознания.

Так свободное и любовное участие в мире необходимо связано с бичеванием. Оно и есть знак того, что человек перерастает себя и вступает в жизнь более высокого порядка. Поэтому и Христос в Апокалипсисе явлен облеченным в подир, опоясанный по персям золотым поясом. Этот образ открывается нам как противоположность бичевания. Лишь тот, кому ведома упомянутая выше чувствительность, столь беззащитная в мире, способен, связав свою судьбу, свою волю, свое "Я" с Христом, побиваемым у мирового древа за Свое божественное служение, обрести уверенность, силу и покой, чтобы пережить то, что ему в том или ином виде все-таки предстоит пережить. Очень важно, что мы учимся "миру Христову" от *того* Христа, которого мы видим у пыточного столба. В конце медитации, отпустив этот образ, можно вновь пить этот "мир" как благороднейший сок жизни из горнего мира. Так мы оградим себя от "мира" люциферического-эгоистического. И сумеем заранее обрести "мир" в истинном смысле — как в отношении личных судеб, так и в отношении судьбы, которую мы, желая предстать за божественное, принимаем на себя и в отношении мелких будничных переживаний, и в отношении последнего крушения нашего внешнего бытия.

В этих рассуждениях мы пытаемся очистить христианские свойства, точнее основные христианские настроения, с помощью Самого Христа. Мы видели, что христианская любовь — совсем не то, что обычно понимают под этим люди. То же относится и к христианскому миру. Теперь мы обратимся к христианской *святости*.

Как показывает Рудольф Штайнер, в средние века люди переживали *терновый венец* так, что в них пробуждалось воление: Я не склонюсь перед всеми издевательствами и насмешками мира! Я буду заступником святости, которая мне доверена! Даже если останусь совершенно один, я не побоюсь постоять за самое святое, что у меня есть! Подлинная христианская святость индивидуальнее и активнее, чем полагают католики, когда они думают о "безгрешности"; она глубже и сокровеннее, чем представляется протестантам, когда они говорят о "выполнении долга". У каждого человека есть собственное высшее "Я", которому еще только предстоит низойти на землю. В этом высшем "Я" дремлют божественные откровения, которые это "Я" уже несет в себе, а над ним реют божественные откровения, которые оно еще может воспринять. С каждым человеческим "Я" в мир вступают особая божественная мысль, особая божественная миссия, особый божественный дар. Вот это и есть *подлинная святость в духе Христовом* — соблюдать верность высшему "Я" и жертвовать этим высшим "Я" ради земного развития. Не выдумывать себе какое-то "призвание", но найти ту божественную миссию,

которая нам дана как божественная мысль, заложенная в высшем "Я". Не навязываться людям, но приносить себя в дар человечеству. Ясно, что речь идет не об исполнении заповедей и не об избегании грехов. Эта новая святость задушевнее и приватнее, но также героичнее и наступательнее. Та святость, какую мы видим у Христа. Он не говорил о ней словами, но воплощал в дела. Для Него существовала одна-единственная заповедь: "Сын Человеческий должен". Ничего не делать от Себя, но выполнять миссию, "данную Отцом".

Здесь мы погружаемся в глубины, где святость и мудрость — одно. Ведь в нашем высшем "Я" не внешнее знание, но божественная мудрость. Мысль Божия, каковою нам должно быть, — правильно понятая, она и есть наша последняя мудрость. Жизненное деяние, в какое желает претвориться эта Божия мысль, — вот наша подлинная святость.

И вновь, чтобы избавиться от всякой гордыни, могущей возникнуть от сознания себя Божиим посланником, мы смотрим на Христа, как Он стоит в терновом венце. Мы видим не только ужасные истязания, но и возвышенные слова Божий, обращенные к нам.

"Терние и волчцы произрастит она тебе", — прозвучало некогда в пророчестве о земле. Терние — символ земли с ее страданием и борьбой. Но из горящего тернового куста, из этого поля земного, полного борьбы и страданий, Иегова явил себя человеку. И в акте увенчания терновым венцом Христос подбирает терн с земли и сплетает его в новый царский венец. Земная мудрость рождается из земного страдания. Познать — значит выстрадать. Этот венец — символ человеческой царственности.

В древности видели над головою мудрецов небесное сияние, своими лучами достигающее звезд. Отсюда возник в незапамятные времена царский венец. Но человек утерял этот венец. Новый венец он должен сплести себе сам из земных терниев. Земная боль должна стать мудростью. Каждая отдельная боль обретет свое избавление, только когда целиком превратится в мудрость.

Я буду твердо стоять за все то, что дано мне в мире как святыня! Я не стану ждать в награду за это ничего, кроме терниев, но из терниев я сделаю венец! Я претворю всякую земную боль в человеческо-божественную мудрость! Новая наша святость выбирает не сияние, но терновый венец. Мы запечатлеваем в своей душе образ Христа, каким Он там стоит, и наше "Я" уподобляется Ему. Так высочайшая верность Богу соединяется с величайшей ясностью касательно земли.

Ныне медитация тернового венца особенно благотворна, ибо наше время обнаруживает особую склонность к земле и в ней ищет знаний. *Эта* человеческая, земная мудрость — в терновом венце. Наше отношение к жизни не видит на земле одни только страдания и не стремится к небу — напротив, оно претворяет земные страдания в венец. Наше мировоззрение не ищет одной только небесной мудрости и не пренебрегает землею — напротив, наша воля направлена в мир, она ищет и собирает божественную мудрость в страданиях земли. Такое христианство прочно стоит между Востоком и Западом — *Востоком*, который взыскует мудрости, избегая терниев земли, и *Западом*, который переживает земные тернии, не извлекая из них мудрости. Здесь опять-таки можно пить эту мудрость своим "Я" как некий напиток Грааля. Но при этом хорошо бы никогда в душе своей не терять из виду образ увенчанного тернием Христа.

В лекциях Рудольфа Штайнера рассказывается о том, что в средние века люди, переживая увенчание терновым венцом, действительно ощущали колющую боль в голове. Дело в том, что в древности откровения зодиака представлялись

человеку как обруч вокруг его головы, о чем свидетельствует такой головной убор, как митра. Ведь в персидской религии слово "mithras", от которого происходит название "митра", означает "опояска" и по сей день толкуется учеными как "свет зодиака". И вот, если человек испытывает головные боли, особенно посреди лба, но не только там, а также и в затылке, будто вот-вот треснет некий обруч, это может быть знак, что он вновь прорывается к божественной мудрости. Поэтому Христос в Апокалипсисе явлен уже не в терновом венце, но с солнечным сиянием вокруг головы. Как через ноги волевое существо

человека может соединиться с силами — властителями земли, как через "среднего" человека жизнь его чувств соединяется с жизненным содержанием Солнечной системы, так и в голове его дух сочетается браком с мудростью, духовная родина которой в царстве неподвижных звезд.

"Се, Человек!" — говорит Пилат, выводя Христа в терновом венце на обозрение толпы. И в самом деле, у нас исчезают все сомнения в значительности этих слов, когда мы узнаём, что посвящаемый в персидские мистерии должен был пройти через бичевание, а затем получал царский плащ и скипетр, но также и колючий венец из аканфа. Здесь то же слово "аканф", что и в библейском повествовании. Терновый венец имел шип посередине лба — в напоминание о том, что земное "Я" здесь, на земле, должно завоевать мудрость, достижимую лишь через боль. Этому обряду посвящения, как и повсюду в мистериях, вероятно, предшествовали упражнения в самоотречении, вроде того, какое мы видим в омовении ног.

Существует даже прямая связь между этими мистериями и сценой в Иерусалиме. Ведь в римской армии культ Митры был едва ли не самой популярной религией. Услышав, что Христос — царь без царства, солдаты разыграли эту сцену, смешав в ней воспоминания о мистериях с издевательскими насмешками. Терновый венец говорит более чем ясно. Правда, в это время персидский праздник Сакеи уже порядком выродился и слился с шутовством римских сатурналий.

Слова Пилата "се, Человек!", вероятно, тоже были мистериальным глаголом, который действительно произносился в том случае, когда посвящение доводилось до конца. Пилат, вероятно, знал это и употребил эти слова в циничном смысле. Если так, то Пилатово изречение становится еще яснее. В нем не сострадание, но скрытое глумление над иудеями. Понятнее становится и почему именно в этот миг иудеи пришли в ярость и, согласно Иоаннову Евангелию, первый раз закричали: "Распни Его!" Видимо, они догадывались или что-то знали о мистериальной подоплеке, без которой в тогдашние времена было немыслимо почти ничего, и, естественно, все это отвергали. По-новому и гораздо глубже можно теперь понять и упомянутые мистические переживания средневековых монахов, которые вслед за Христом как бы участвовали в страстях Господних. Они связаны со священными жизненными законами.

Перед нами, таким образом, открывается следующий путь развития. В древних мистериях, остатки которых дошли до нас в персидском празднике Сакеи [ср., напр.: Вундт "Психология народов" (Wundt, Völkerpsychologie, II. Teil, 3. Band, S. 707 ff.)], человека вели к посвящению по изначальной мудрости и сокровенному знанию о законах вселенной, но без Христа. И все же люди интуитивно прорывались к истинной человечности. В средние века Христа переживали в глубоком сочувствии, но не ведая о загадках вселенной. И все же, познавая, человек прорывался к этим тайнам. Здесь, в наших упражнениях, соединяются оба пути. Если упражнения будут выполняться не только эмоционально, в сочувствии Христу, но и в созерцании их мирового значения, тогда они возродятся ныне на более высокой жизненной ступени.

Опять-таки Рудольф Штайнер четко указал на связь первой ступени страстного пути и обряда посвящения персидских мистерий. На основе его сообщений мы идем дальше. Кое-что, возможно, потребует уточнения, дополнения, а то и исправления. Несомненно, однако, что в трех этих образах перед нами развитие к высшей человечности. Глядя на предмет наших рассуждений, можно даже сказать: до пришествия Христа собственно человеческие свойства в человеке еще совершенно отсутствовали. Или существовали, но, как в мистериях, лишь в качестве прообраза. Мир, в котором находится человек, тройствен. Человек живет среди своих братьев по человечеству: для этого мира Христос дарует ему любовь. Он живет своей судьбой: для этого мира Христос дарует ему мир, лад. Он живет перед Богом: для этого мира Христос дарует ему святость. "Се, Человек!"

Не удивительно, если у иного читателя возникает ощущение, что от сплошных

разговоров о медитации он уже не знает, что составляет ее предмет. Пусть он примет во внимание, что мы предлагаем здесь помощь на всю жизнь. Если читатель сначала задержится на упражнениях "Я", а все дальнейшее прочтет сперва просто как пособие для понимания Библии, это уже хорошо. Даже в таком случае дальнейшие рассуждения окажутся для него ценны, причем как раз с точки зрения медитаций "Я", о которых говорилось выше. Он увидит направление, в каком развивается целое, и поймет важность некоторых деталей для основной медитации, например способ, которым только что были изображены любовь и мир.

В заключение мы предложим, как лучше всего поступить, чтобы оптимальным образом включить в совокупную жизнь весь организм из двадцати одного упражнения. Для начала полезно так или иначе закрепить основные медитации любви и мира, далее, исходя из этого, перейти к медитациям "Я", попутно вновь и вновь перечитывая начинающиеся здесь упражнения по воспитанию чувств. Но читать надо не все залпом, как журнал, а задерживаясь на каждом образе и испытывая его воздействие. Таким способом можно научиться и лучше читать Библию. Но просто ли перечитывая и медитируя вновь и вновь или, если это под силу, памятуя о предшествующих медитациях и включая в них интенсивное медитирование об этих образах, — в любом случае полезно живо ощущать не только серьезность, но *всечеловечность* этих образов. Ведь, "следуя Христу", мы вырастаем в истинного человека. Этот человек должен быть готов принять на себя страдания. Иначе он не станет человеком на земле. Хотя главное здесь не страдания. Важнее глубоко проникнуться представлением, сколь великолепен замысел Божий о человеке, ибо человек этот несет в себе царственную любовь к всему, что ниже его, и небесный мир и лад — к всему, что вокруг него, и божественную святость — к всему, что над ним. Трем этим качествам должно очиститься так, как это возможно посредством образа Христа.

По любви человек решает сойти на землю. С миром ходит он по земле. С мудростью, рожденной из святости, возвращается он с земли к небесам. *Се, Человек!*

7

Когда Пилат произнес слова: "Се, Человек!" — первосвященники и их слуги закричали в ответ: "Распни Его!" Такая сцена не просто способна взволновать до глубины души, она насыщена и мировой историей.

В те времена существовало два пути посвящения — северный и южный. Следуя северным путем, человека — согласно народным религиям, в которые входила данная эзотерика, — направляли главным образом во внешний мир, и он переживал смысл вселенной. Южный путь посвящения вел в глубины его собственного сокровенного существа и как бы проникал внутрь, к сущности мира. О северном пути посвящения мы имеем некоторое представление благодаря тому, что нам рассказано о Персии. Сатурнального царя римского народного праздника, связанного с персидским праздником Сакеи, уже в более поздние времена снабдили двумя прислужниками. К тому, что рассказано об аканфовом венце, добавляются еще и такие, казалось бы, совершенно случайные детали, как, например, что Христос был распят вместе с двумя разбойниками. Южный путь посвящения приобрел классическую завершенность прежде всего в Египте и вел человека через смерть к воскресению. Посвящаемого нередко даже привязывали на три дня к кресту. Здесь мы основываемся на результатах духовного исследования Рудольфа Штайнера, которые кажутся нам весьма правдоподобными. Право проверить на сей предмет исторические свидетельства — коль скоро такие существуют — мы предоставим другим.

Если так, то в сцене судилища перед домом Пилата юг в душе иудеев — естественно, совершенно или почти бессознательно — отвечал северу. Можно сказать, человечество

бессознательно говорит с самим собой: только что Он символически прошел северный путь посвящения и должен теперь пройти другой путь тоже. Ведь ритуалы посвящения отнюдь не были произвольными обычаями, но соответствовали глубинным законам мира. Если северный путь завершался агавами Пилата "Се, Человек!", то южный путь, собственно говоря, должен бы завершиться словами "Се, Бог!", ибо тот, кто идет через смерть к воскресению, вступает из человечества в сонм сверхлюдей, или богов, как говорили в древности. Так, в Египте посвященного называли просто Осирисом.

После смерти Христовой мы впервые слышим из уст сотника той когорты, которая Его распяла, признание: "Истинно Человек Сей был Сын Божий" (Мк., 15: 39). А после воскресения Фома говорит: "Господь мой и Бог мой!" (Ин., 20: 28).

Сегодня нам необходимо по-новому обрести крест Христов. И поможет этому наше рассуждение.

Но прежде чем мы внутренне приблизимся к самому серьезному образу мировой истории, к "Христу на кресте", нужно ответить на некоторые практические вопросы, возникающие при медитации.

Снова и снова слышишь жалобы, что при интенсивной медитации люди чувствуют, что собственное *дыхание* им мешает. Нередко так происходит оттого, что дыхание человека, если он интенсивно предается духовному созерцанию, становится другим — более глубоким, медленным, здоровым, чистым. И делать для этого ничего не надо, все приходит само собой. Тогда человек непосредственно ощущает, как "болезнь греха" воздействовала в глубь его тела и из-за нее дыхание тоже стало поверхностнее, мертвее. У людей, способных к высокому благоговению, дыхание протяженнее, чем у других. Это отчетливо заметно, к примеру, в ритмах брукнеровской музыки. И неудачи, часто постигающие даже крупных дирижеров, когда они берутся дирижировать произведениями Брукнера, связаны, вероятно, с тем, что они не владеют протяженным благоговейным дыханием, живущим в музыке этого композитора.

Современному человеку не стоит начинать восхождение к духовной жизни с дыхательных упражнений. Рудольф Штайнер весьма убедительно показал, что индус как "человек ритмической системы" был по-особенному способен переживать божественное в дыхании, тогда как нынешний европеец как "человек нервно-чувственной системы" должен идти другим путем. Западный человек никогда не догонит индуса на его пути. Хотя можно сказать, что при выполнении оккультных упражнений высокой степени осознанное и управляемое дыхание бывает хорошим подспорьем. Да и само по себе дыхание преисполнено тайн. Ибо оно намного больше живет духом, чем ведомо нам, современникам материализма. Для наших целей вполне достаточно знать следующие факты. Медитация может выполняться и в форме сознательной, свободной грезы. Бодрственно и интенсивно, направляемое волей и просветленное сознанием человека, свершается обычно происходящее во сне: мы покидаем телесное и живем лишь в духе. Однако в этом случае человек способен легко погрузиться в настоящий сон и потерять над собою контроль. Дыхание же — об этом здесь можно говорить только образно — может стать тем посохом, опираясь на который человек будет шаг за шагом продвигаться вперед. С каждым вздохом человек тогда вновь включает свое полное сознание. А чтобы из свободного и сознательного медитирования не впасть в смутные сновидения, можно поступить даже так: при каждом выдохе снова вживе представлять себе образ, подлежащий рассмотрению, а при каждом вдохе как бы втягивать этот образ в себя, позволяя ему воздействовать на наше существо с такою силой, будто мы желаем запечатлеть его в себе, будто *он сам* желает запечатлеться в нас. Так человек обретает ритм внутреннего переживания, который помогает ему оставаться в бодрственном состоянии. Пусть каждый, кому мешает дыхание, попробует так сделать. Постепенно он будет нуждаться в этой помощи все меньше. Отпадет всякая необходимость беспокоиться о дыхании. Но он не утратит его, как нередко случается на первых порах. После медитации,

однако, он заметит, что дышал благотворно. И ему откроется — здраво, как и положено современному человеку, — отчего люди минувших времен переживали в дыхании божественное. Причем иудеи совсем не так, как индусы. В Новом Завете Святой Дух тоже тесно связан с дуновением, с дыханием — *pneuma*. Христос дохнул на Своих учеников, как однажды Иегова вдунул в Адама дыхание жизни, и сказал: "Примите Духа Святого!"

Однако исследование всех этих истин увело бы нас слишком далеко от нашей непосредственной цели. Можно действительно прийти к тому, что дышишь во Святом Духе, что возникает впечатление, будто каждый вдох насыщен Святым Духом. Это тоже можно выполнять как медитацию, но без насильственной интенсификации дыхания. В медитации каждый сам чувствует, когда у него открывается такое святое дыхание.

Другие полагают, что усиленное медитирование вызывает у них неполадки в пищеварительной системе. В подобных случаях следует сохранять спокойствие и — если позволено употребить возвышенное слово — мудрость. Мелкие нарушения не вредят и пройдут сами собой. Если же кажется, что неприятности серьезные, то в первую очередь надо слегка уменьшить интенсивность медитации — пока не станет лучше. Однако я знаю от иных людей, которые, медитируя с такой интенсивностью, какую вообще способно выдержать тело, не претерпели от этого никакого вреда. Когда в начале моих интенсивных занятий медитацией у меня возникло впечатление, что так называемый "нижний человек" из всех сил сопротивляется и потому в области желудка возникает ощущение холода, Рудольф Штайнер совершенно спокойно ответил: "В таком случае направьте к желудку тепло". Я это сделал, и все прошло. Для медитации необходимо состояние духа, соединяющее покой, здравый смысл и мужество.

Многие тысячелетия греховного существования привели наш организм в беспорядок. Напряженное медитирование постепенно выправляет положение. Большинство людей почти не замечает этого. Если же кто-нибудь все же заметит нарушения, пусть он спросит себя, нельзя ли усмотреть в этом смысле и целительные *последствия* нарушений. Может статься, после медитации он *потому* и чувствует себя бодрее, *что* медитация причинила телу боль.

В результате напряженного медитирования кое-кто придет к выводу, что ему требуется меньше еды. Что в связи с едой многое изменяется, мы уже говорили по поводу изречения "Я есмь хлеб". Но вот люди спрашивают, не повышает ли вегетарианство медитативные способности. Можно только сказать, что здесь обстоит, скорее, наоборот: благодаря правильной медитации человек постепенно склоняется к вегетарианству. Хотя некоторые люди никогда не станут и не могут стать вегетарианцами, потому что унаследованная ими телесная организация не позволяет им этого. В случае принуждения начнутся обмороки. Ведь данному организму не останется сил, необходимых, чтобы добыть из растительной пищи то, что он добывает из мясной. И здесь нужно сохранять спокойное, разумное мужество. Когда мы через медитацию научимся тоньше ощущать свой организм, он сам подскажет, что делать. Если он сам отвергнет мясную пищу — значит, пора с полной уверенностью переходить к вегетарианству. Тогда не будет и никаких потаенных желаний или потребностей. Тогда будет незачем заботиться и о медицинских теориях, что, дескать, "нынешний человек" без мясной пищи долго не протянет. Здесь, как и в случае с дыханием, современный человек должен исходя из духа выработать правильное телесное поведение, тогда как человек минувших тысячелетий скорее через правильное телесное поведение приближался к духу. Глядя на некоторые духовные течения современности, Рудольф Штайнер сказал бы, что есть люди, которые стремятся вкушать от неба. Но для нас будет уже ценно, если мы опытным путем хотя бы приблизимся к тому, что медитация сама по себе может питать человека. Как в дыхании человек может приблизиться к Духу Святому, так в еде — к Сыну Божию. Не случайно причастие — главное действие богослужения Христова.

В третьей области, которой здесь мы можем коснуться лишь намеком, человек

приближается к *Отцу*. То, что образ верховного Бога — "Отец" — взят из жизненной сферы человека, преисполнено глубокого смысла. Относительно сексуальной жизни в данном контексте скажем только, что и ее следует по мере возможности воспитывать исходя из духа. Наши рассуждения о медитации не сослужили бы важной службы, если бы не говорили молодым людям, что духовно напряженные, душевно мощные медитации лучше всего способны помочь и в той области, которая пребывает у современных людей в прескверном состоянии. Правильная медитация и здесь обеспечит порядок, чистоту, спокойствие, одухотворенность. Она наставит человека на путь духостановления, хотя это потребует немало времени. Там, где присутствуют соблазны, спокойное устремление к духу лучше и надежнее, нежели насилие. Наш путь — не насильственный аскетизм. Но мы вовсе не имеем в виду, что следует пренебречь всеми обычными рекомендациями — щадящей диетой, укреплением тела, умеренным сном. Нет-нет, мы имеем в виду другое. Жена не должна отказывать мужу, как часто бывает с женщинами, которые эгоистично хотят достичь "более высокого развития", вызывая тем в своих мужьях ожесточение против духа или толкая их на другие пути. Не впадая в подобные заблуждения, земная, человеческая способность любить может постепенно возвыситься до причастности самой божественной творческой воле. Эта творческая воля есть воля божественного самопожертвования.

Чем естественнее все это произойдет из самого духа и чем меньше жесткости потребуется против нас самих и против других, тем лучше. Если уж бороться, то лишь за чистый божественный дух — и в борьбе этой не может быть предела усилиям и серьезности.

Вернемся, однако, к содержанию нашей медитации. *Христос на кресте* — самый сильный медитативный образ из всех существующих на земле. Если сегодня мы хотим пережить его по-новому, полезно для начала взглянуть на историю христианства.

Здесь обнаруживаются два противоположных заблуждения, которые постоянно где-нибудь да повторяются. Одно заблуждение состояло в том, что в страдания Христовы вдумывались, скорее, лично и чувственно. Другое — в том, что люди хотя и смотрели на объективное событие, но помещали его только в прошедшем. Первая ошибка достигла своей высшей точки в средневековой мистике. Вторая живет в протестантской религиозности. В первом случае, выражаясь языком духовной науки, перед нами уклонение в сторону люциферизма, в сторону себялюбия. Во втором случае — уклонение в сторону арианизма, в сторону помрачения духа.

Следует хотя бы *раз* представить себе историческое распятие Христа во всех его ужасных подробностях, хотя бы ради того, чтобы понять,

как все было на самом деле. Как Его повалили на землю, растянули и пронзили гвоздями руки и ноги, с какою болью Он воздвиг крест, как мучительно висел на воспаленных ранах и вывихнутых суставах, на солнцепеке, в туче насекомых, какая изнурительная жажда терзала Его, как пытка парализовала тело страхом, вызывая застой кровообращения. Впечатление такое, что христиане не осознавали до конца ужасающего воздействия этого образа и что рядом с такой реальностью почти все без исключения их распятия с тонкой резьбой на перекладинах и крестные песнопения (*Kreuzeslieder*) с сентиментальными душевными излияниями отнюдь не являют потрясенного благоговения, какого заслуживает это событие.

Тот, кто испытает на себе воздействие распятия в его исторической реальности, не сможет в будущем жить так, как раньше. В его жизни как бы произойдет решающее событие, которое вытолкнет его из прежней жизни. Им овладеет чувство, которое можно выразить таю "На этой земле, где с Христом случилось *такое*, я не могу более искать наивной радости! К человечеству, которое уготовило Христу *эту* судьбу, у меня может быть только одно отношение стать на Его сторону против человечества! В мире, где возможно столь противное божественности, я могу лишь *всеми* моими силами трудиться

ради *нового* мира!" Это живое чувство — если мы однажды воистину увидим крестную смерть Христа — будет оживать в нас всякий раз, когда мы подумаем о кресте. Сын Божий, до смерти замученный людьми, — *с того* дня, когда мы *это увидим*, мир станет другим!

Иной полагает, что в этом переживании содержится все необходимое и воздействия этого образа уже будет вполне достаточно. Но тогда переживание останется в душевной области, а полного духовного усвоения и прорыва к тому, что некогда случилось, не произойдет. Вот почему такое переживание будет обращено к ощущению нетленной души, что, конечно, сродни христианству, но мало что прибавляет к духовному пониманию мира, и в конечном счете мы окажемся *недостаточно* крепки перед лицом сил, действующих в наше время. Образ распятого Христа не должен ныне оставаться просто душевным впечатлением, пусть даже и очень глубоким, он должен стать всеохватным мировым переживанием, последним просветлением мира. Лишь это по-настоящему опровергнет и гётевскую эстетическую неприязнь к распятию.

Здесь важно указать, что крест был не просто случайным орудием пытки; в мистериальных воззрениях он был символом материального бытия вообще. Мы поймем это, если вспомним известное место из платоновского "Тимея", где еще проглядывают остатки таких мистериальных представлений. Там говорится о космической душе, крестом облекающей тело космоса. До начала всего современного земного развития, пока существовал один лишь духовный мир, дело обстояло иначе: божественное могло непосредственно присутствовать всюду — как и поныне оно присутствует *в духе*. Когда же мир был распростерт в четырех пространственных направлениях, для божества это одновременно означало решение распростереться во всем чувственном мире. Мы нарочито говорим здесь о четырех пространственных направлениях, т. е. о двумерном мире, и пока не рассматриваем третье измерение — направление вверх, ибо материя сама по себе склонна срываться с вертикали всякий раз, когда есть возможность растечься по плоскости.

Все это звучит холодно и абстрактно, когда мы говорим об этом нашим рассудочным языком. Но может стать и живейшим мироощущением. Тогда действительно ощущаешь материальный мир в форме креста, на котором растянут Бог. В древние времена подобное образное переживание истин было очень сильно. Так, в ведах говорится, что, если достичь сердцевины мира, там обнаруживается образ человека, пригвожденного к кресту, и по одну его сторону солнце, по другую — луна. *Если Богу человек угоден таким, каким он может стать на земле, то Он должен по собственному решению дать пригвоздить Себя к кресту*. Общепринятым ныне христианским рассуждениям свойственно слишком много "случайных исторических событий", как сказал однажды Лессинг и как по сей день говорят индийские критики. Отец мира некогда принял решение — представляется это примерно так — спасти мир и предать Своего Сына смерти. Тем Он показал Свою великую любовь. Если проследить историю церкви, мы будем постоянно обнаруживать людей, чувства которых вдохновлялись изображенным деянием Отца мира. Таким людям можно помочь, только если они увидят, как Христос сделал явью самую глубочайшую мировую реальность. В нашем земном мире на кресте живет Отец. Он принял немислимое решение — простереть Свою жизнь над раздробленным бытием. На этом жертвенном факте основана вся наша жизнь. Христос же воздвиг крест на земле как божественное откровение для всех людей. Он его действительно воздвиг. Придал ему направление ввысь. У Платона мировой крест распростерт. Во Христе он стоит. Здесь образно выражено, что материальное бытие вновь обретает свой путь наверх. Со времен Христа крест мира стоит на земле вертикально!

Исходя из этого посмотрим на человека. Фигура его имеет форму креста. Разумеется, эта телесная форма внешним образом возникла исторически, поскольку человек начал действовать руками на расстоянии и потому мог стоять на земле только ногами. Закон

материальной формы в нем присутствует, но направлен он уже вверх. Так мы с особым благоговением рассматриваем выпрямленное положение человеческого тела. Оно как бы предполагает, что человеку назначено вновь вознести земное чувственное существование к духу. Выпрямляющая сила, переведшая человека из горизонтального положения в вертикальное, есть та самая божественная власть, которая, когда исполнилось время, воздвигла крест, чтобы вновь повести вверх.

Здесь также необходимо перейти от смутной мысли к полнокровному жизнеощущению. Если мы выполним основную медитацию "Я есмь любовь!" со Христом, предельно напрягая все силы, а затем оглянемся на новое тело, в особенности на костную его систему, то мало-помалу у нас возникнет вполне конкретное впечатление, что и *в нас* Христос пригвожден к кресту. Слово "крестец", применяемое к форме наших поясничных костей, приобретает новый смысл. Нас поистине охватывает живое ощущение, что в нас распят Христос. Наше высшее "Я", в котором живет Христос, несет в нас крест, пока мы живем на земле.

Разумеется, каждый из нас "несет свой крест" *также* и в том смысле, что должен сносить удары судьбы. Но это еще не Христов крест. Опять-таки почти каждый должен "нести свой крест", если намерен следовать Христу, в том смысле, что, выступая за Христа, за свою Христову совесть, за свое Христово "Я", напрашивается на страдания, каких мог бы избежать. Это уже ближе к кресту Христову. Но в полном смысле слова мы "сораспята Христу", только когда Христос живет в нас так интенсивно, что каждое утро, когда мы возвращаемся в свое тело и в свою земную жизнь, означает новое решение "нести свой крест", позволить распять себя вместе с Христом. В этом главном решении заключены все частности, какие может принести нам судьба. Оно всеохватно. Наша личная судьба становится второстепенной.

Просто не верится, с какой живостью может преисполнить человека чувство "сораспятия Христу". Он вплоть до мелочей осознает, что с каждым погружением в мысли и ощущения, направленные лишь на чувственное бытие, еще крепче привязывается к крестному существованию, к жизни в крестном облике — и Христос в нем еще крепче пригвождается к кресту. Но осознает он и другое: чем сильнее связь с Христом, тем свободнее человек становится от своего плотского бытия, которое выражается в кресте. Тогда Христос в нем не столько пригвожден к кресту, сколько несет его свободно. Собственно, именно в таких переживаниях человек по-настоящему срастается с Христом и подобно Ему несет свой крест. "Если кто хочет идти за Мною, отвергись себя и возьми крест свой и следуй за Мною".

Да, крест станет для нас живым знаком *всех* повседневных переживаний. В давние времена люди осеняли крестом то, что хотели посвятить Христу. Здесь есть глубокий смысл — надо лишь возвысить это от детского понимания до духовного. Мы уже говорили о том, что всякое надлежащее исполнение профессии, всякий настоящий разговор, всякая истовая молитва — это прохождение через смерть к воскресению ("Die Christengemeinschaft", Mdrzheft 1927). Но бывает и так, что "ложиться костью" в профессиональной деятельности вправду означает "простираться на ней", "приковывать себя к ней", целиком и полностью, а стало быть, становится поистине распятым. Профессиональная деятельность будет тем успешней, чем шире мы как бы раскинем над нею крест Христов и предадимся ему. Решение пригвоздиться к кресту — в большом и малом — должно принимать постоянно. Только так жизнь действительно будет отмечена печатью Христовой. Мы здесь пока что начинающие. Но мы узнаем: горний мир терпелив к нам и помогает нашему продвижению вперед. Нужно вновь и вновь говорить "да!" царскому знаку Христа на земле — кресту. Эту волю простереться и пригвоздиться необходимо постоянно обновлять. *Это и есть любовь. Сам Отец мира и есть крест.* Так Он изображается иногда на древних распятиях — позади Христа. Это Его деяние по высочайшей воле Отца мира может проникнуть и в нашу повседневную жизнь. Чем

дольше мы так живем, тем глубже понимаем христианство. Все предыдущее — лишь приготовление. Можно сказать, что в подобных мыслях возвещается еще более великое христианство. Оно будет более великим в двойном смысле. Крест Христов будет увиден в его сокровеннейшей глубине и проникнет повсюду, в каждый поступок. В этом — зародыш как новой "догматики", так и новой "этики".

Если Будда заповедал своим ученикам преодолеть привязанность к земному, то в Христе происходит *свободное самопризвождение к кресту мира*.

Мы просим не единожды перечитать эти мысли, но еще и постепенно оживить их в себе. Стоит ли оставлять их невысказанными потому только, что сегодня они пока чужды многим? Глубочайшая мудрость выражена в кресте. Именно поэтому он — величайшая сила в повседневности. Чудо даровало нам крест. Древний божественный символ материи Христос сделал символом любви. Всегда и всюду наша задача — воздвигать крест так, чтобы он указывал вверх, т. е. направлять чувственно-земное по вертикали к небесному. Крест обладает магической силой, и в древности это смутно ощущали. В нем живет воля к спасению мира. "Сим победиши!"

И собственным телом человек научится управлять совсем иначе, если будет нести его как крест. Он почувствует себя крестоносцем, со знаком креста на спине. То, что средневековые крестоносцы представляли себе как образ, было смутным предощущением христианского человека вообще.

Следует исполнить медитацию креста вот таким образом. Мы представляем себе Христа, распятого на кресте, во всей исторической реальности, насколько мы способны ее выдержать. Затем стараемся духовно увеличить эту картину, пока она не станет для нас образом последней тайны мира, пока мы не постигнем, что это — откровение самого Отца мира, на коем основано все наше бытие. Затем пусть этот образ запечатлевается в нас до тех пор, пока мы не отождествимся с ним. Мы говорим "да" судьбе, которая сораспяла нас Христу. Делаем это нашей собственной волей, нашим собственным деянием. Мы чувствуем, что это и есть дух любви Христовой, которую мы теперь призваны вносить во все. Будь у нас только одно направление, направление вширь, мы бы потеряли себя в мире, как зачастую происходит с *западным* человеком.

Будь у нас другое направление, только ввысь, мы бы потеряли сам мир, как это случилось на *Востоке*. Именно в обоих направлениях, соединенных в кресте, мы исповедуем "Я" в любви, которое тем более жертвует собой, чем прямее стоит, и тем прямее стоит, чем более жертвует собой. Необходимо изо всех сил растянуть "Я" в этих двух направлениях и наполнить его любовью. Эти два направления живут и в словах, в которых Христос объединяет Закон и пророков: "Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим" и "возлюби ближнего твоего, как самого себя". "Я" ощущает себя как сияющий мировой крест, устремленный из прочного центра в двух направлениях. Материя в нем теперь преобразилась.

Такие медитации могут выполнять и люди, для которых не все изложенные здесь идеи о мире суть безусловные истины. Если же мы в заключение подобной медитации и внешне осеним себя крестным знаменем, то увидим, что движение это способно привести нас к полному единению со Христом.

Медитация креста во многом усилится, если мы решимся дополнить ее медитацией, которая в средневековье была известна под названием "*мистическая смерть*", или "*сошествие во ад*". По этому поводу Рудольф Штайнер в цикле лекций о Евангелии от Иоанна говорит: "Чувства, которые ученику дано испытать на этой ступени, приводят его в такое состояние, когда ему представляется, будто в один миг на все физически видимое падает черная завеса, будто все исчезает. Это мгновение важно и другим, что также необходимо пережить, если вправду стремишься к христианскому посвящению в подлинном смысле слова. Тогда возникает ощущение, будто вот-вот погрузишься в бездны зла, боли, страданий и горя. А все, что есть злого на дне человеческой души, можно

изведать, сойдя во ад. Таково "сошествие во ад". Если пережить это, то черная завеса как бы раздвигается — и становится зрим духовный мир".

Перед нами историческое описание средневекового переживания. Ныне лишь немногие способны испытать его в этой форме. Но ни в нашу задачу, ни в намерения Рудольфа Штайнера вовсе не входит вводить людей в эти переживания, сохранив ту форму, какую они некогда имели. То, что достигалось тогда на пути чувства, нам должно обрести через сознание. Но "сошествие во ад" во все времена есть высокое переживание души, высокое воспитание человеческого "Я". Такие "сошествия во ад" мы находим еще в дохристианских мистериях. В сказаниях о Геракле и Одиссее, где в популярной форме изображены внутренние переживания посвящаемого, мы обнаруживаем "сошествие в подземное царство". Однако особенно поучительно проследить метаморфозу этого первоначального переживания человечества в новое время. В словах Лютера "И если б миром черт владел и тщился б поглотить нас" брезжит что-то от "сошествия во ад", теперь уже, скорее, как переживание земного сознания. Нечто подобное рассказывает о себе Карлейль под именем профессора Тойфельсдрёка: "А чего ты, собственно, боишься? Почему тебе нравится вечно жаловаться, и скулить, и трусливо, с опаской шнырять вокруг? Ничтожное двуногое! Каков итог худшего, что предстоит тебе? Смерть? Ну хорошо, пусть смерть. Скажи еще — мучения Тофета и все то, что человек или черт желают или могут тебе причинить. Духу не хватает? И ты не можешь претерпеть что бы то ни было и как дитя свободы, хоть и отверженное, попираешь ногами и сам Тофет, пока он тебя пожирает? Так пусть приходит! Я встречу его и дам отпор! И когда я думал об этом, словно огненный поток с шумом пронесся по всей моей душе, и я навсегда стряхнул с себя низменный страх. Я был силен небывалою силой — чистый дух, почти божество. С тех пор природа моих бедствий стала иной — уже не страх и не скулящая боль, но возмущение и яростное, пламенное упорство. Так громовой глас вечного "нет" властно грянул во всех уголках моего бытия, моей личности, и вот мое "Я" восстало в его прирожденном, созданном Богом величии и энергично выразило свой протест. Ибо с психологической точки зрения такое возмущение и упорство можно по праву назвать протестом — важнейшим актом в жизни. Вечное "нет" сказала: "Смотри, ты лишен Отца, изгнан, и вся вселенная принадлежит мне (черту)", на что все мое "Я" отвечало: "Я не принадлежу тебе. Я свободен и ненавижу тебя вовеки!" Этим часом склонен я датировать мое духовное возрождение, или огненное крещение Бафометом, — возможно, именно с того часа я и начал превращаться в человека".

Подобные описания — свидетельство тому, как основные переживания души повторяются с внутренней необходимостью и как они преображаются. Можно привести много сходных примеров.

Но разве "сошествие Христа во ад" не легендарный образ, ничего общего не имеющий с Евангелиями? Нет нужды вступать здесь в борьбу с подобными представлениями. Мы возразим на них словами Самого Христа: "Уже немного Мне говорить с вами, ибо идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего" (Ин., 14: 30). Такова основа крестной молитвы Христа: "Отче! прости им, ибо не знают, что делают". Вполне достаточно опереться в нашей медитации на этот главный настрой.

Чрезвычайно важно воочию видеть, что за злом в мире стоят могучие духовные силы, которые поднялись на борьбу против того, что предуготовлял земле Христос. Именно теперь мы поневоле часто с этим сталкиваемся. Так переживал это и апостол Павел: "наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей и мироправителей тьмы века сего" (Еф., 6: 12). Подобное воззрение внушает милосердие к людям. Мы понимаем, что они лишь орудия на службе мироправителей, которые им неведомы, и учимся отличать их от того, что в них действует. Лишь теперь мы впервые обретаем истинную волю к спасению, желание "спасти", о котором так много говорится в Библии.

И когда, осознав все это, мы начинаем мыслить как истинные помощники людей, то

одновременно постигаем всю серьезность мировой ситуации. За землю действительно сражаются духовные воинства, как вослед древним видениям изображалось это в картинах битвы на Каталаунских полях. Случается иной раз "чертовщина", которой мы не поймем, если не будем знать, что здесь через людей действует нечто превосходящее человеческое разумение и человеческую волю.

Нашей собственной силы никогда не станет на то, чтобы одержать победу. Однако, хотя победа, как можно почувствовать, и одержана Христом, битва еще в разгаре. "Он хочет одолеть нас". Сражаться вместе с Христом против ада — преж-

де всего означает: бодрствовать во время мировой битвы. Но для этого надо видеть ад. Ведь земля и есть арена страшной битвы света и тьмы.

Помощь в этой медитации может оказать картина Дюрера — "Христианский рыцарь", скачущий на коне меж смертью и чертом. Еще лучшим подспорьем будет статуя Христа, изваянная Рудольфом Штайнером. Под воздетой в благом приветствии левой рукой Христа проваливается в бездну Люцифер, сила эгоизма; под правой, духовно мощной поднимающейся рукой погружается в бездну Ариман, сила земной чувственности. Фауст увидел Мефистофеля и попытался подчинить его себе. Нам необходимо сделать нечто большее: мы принесем избавление самой силе зла, если в своем служении миру не уступим ей.

Если для этого нам нужно внутреннее упражнение, можно присовокупить сюда "Крест на Голгофе". Солнце меркнет. Наступает тьма. Непроглядная тьма окружает крест. И это не только внешняя тьма. Могущественные силы угрожают кресту со всех сторон. Но крест стоит спокойный, светлый, крепкий. Как мощное знамение Божие высится он во мраке, указывая прямо ввысь. В нем несокрушимо возвещает о себе сила, противостоящая всякому притяжению к земле, — сила движения ввысь. Тот, кто блюдет в мире это направление, одолеет Аримана. Перекладина креста указывает в ширь пространства. Неустрашимо простирается она во тьму. В ней возвещает о себе сила, противостоящая устремлению прочь от земли, — сила благословения. Несущий в себе это направление преодолет Люцифера. Мы видим, как сияет Христос на кресте. Он есть новый солнечный свет, разгоняющий всякую тьму. Если наш дух и не может проникнуть тьму вокруг — наше "Я" во Христе все равно сильнее тьмы. Мы даем обет: "Будь что будет, пусть несметные полчища враждебных сил выступят против меня и попытаются меня уничтожить, но я соединяю мое "Я" со Христом, сияющим на кресте. В нем я одержу победу!" Непокосимый Божий покой наполняет душу перед лицом грозных опасностей.

На высокой, надличностной, "космической" ступени мы, таким образом, снова обретаем то, чего достигли в медитации "бичевания", — мир, покой. Так в медитации креста на более высокой, надличностно-космической ступени мы снова обретаем и то, что дала нам медитация "омовения ног". "Любовь" стала теперь огромной, как мир, "покой" — глубоким, как мир. Больше величия невозможно. За этим переживанием следует воскресение. На более высокой, надличностно-космической ступени оно приносит то же, что и медитация "тернового венца", — превосходящую мир святость.

Если мы свяжем решимость любви с медитацией креста, а победительную силу мира, покоя — с медитацией "сошествия во ад", если посмотрим на крест как на небесное знамение, воздвигнутое Богом в земной тьме, если в этом смысле по-новому и свободно осознаем нашу земную задачу, мы сможем завершить эту двойную медитацию словами человекоосвящения о том, что тело на кресте несет новое исповедание и в крови стекает с креста новая вера.

Наше исповедание Христа есть сила, направляющая нашу жизнь вверх. Наша вера в Христа вновь указывает нам направление в мир. Ученик Христов возвышен над миром, но и посвящен миру. Крест — знак Христа, как колесо — знак Будды. Колесо знаменует учение о самоспасении человека. Крест говорит о самоотвержении ради избавления мира.

В конце концов наша медитация перейдет в причастие. Это может произойти при

всякой медитации, но здесь — с особой силой. Тело, в котором жил Христос, уже само по себе было вознесением земли к небу. В нем жили и действовали все те силы, которые направляют чувственное бытие ввысь. Если мы соединимся с этой возносящей силой Христа, то и в наше тело войдут силы, которые уподобят его Христу. Мы примем от сил Христовых новое тело, которое само в полном смысле слова есть "новое исповедание"

и победа над Ариманом. И если в этом новом теле мы ощутим ток любви, силу самоотречения, стремящуюся излиться вдаль, то мы будем и *одной* крови со Христом. Это и есть в последнем, божественном смысле "новая вера" и победа над Люцифером. Можно вправду ощутить себя крестом, сияющим во тьме, и все силы Божий будут собраны в нас. Только если Христос присутствует в нас, это может произойти на самом деле. Он поддерживает нас так же, как на старинных картинах Его Самого поддерживает Отец. Огромная сила исходит от такой медитации.

В конечном счете речь идет не о том, чтобы мы "верили в крест", но чтобы мы стали этим крестом. В земном бытии наша жизнь не может иметь иного характера. Совершенно сознательно мы воздвигаем себя в мире как крест, на котором сияет и побеждает Христос.

Кто побывал вместе с Христом на кресте — пусть даже без того ясного осознания, какое мы пытаемся пробудить нашими медитациями, — тот может надеяться воскреснуть с Ним. "Следуй за Мною!" — сказал Христос, имея в виду не только "жизнь в бедности" и не "исход в мир", но именно крест. За крестом, и только там, ждет воскресение.

Завершим наши рассуждения словами поэта, чтобы сильные чувства пронизали все наши мысли.

Кристиан Моргенштерн говорит так:

Познал я ЛЮДЕЙ до самой их глубины, до самого дна, Мне мира основа, последняя связь видна.

Я понял, их корень — любовь, любовь — их суть, Любить всегда — лишь это мой в жизни путь.

Объятьем Он руки раскрыл, к кресту пригвожден, Мир целый и мне бы обнять, как Он*.

* Перевод В. Бакусева.

8

Когда мы были студентами, почти забытый ныне философ Клас снабдил нас несложным руководством для рассмотрения произведений искусства. Сначала произведение искусства некоторое время должно воздействовать на нас как целое. Затем его следует рассмотреть во всех деталях и, наконец, вновь воспринять как целое, но уже насытив всеми ранее полученными впечатлениями.

Этот совет, пожалуй, бесполезен и для медитации. Ведь во время медитации человек уединяется в каком-либо слове или образе. Он впускает в себя слово или образ и позволяет им действовать на него со всею их силой. Закрыв глаза, можно прямо-таки заполнить предметом медитации пространство, в котором живешь, — так, что не остается места ни для чего другого. Тогда только замечаешь, как медитация проникает до глубинных оснований, на которых формируется тело, как она преобразует наше сокровенное силовое тело сообразно своему содержанию. Собственно, каждая новая медитация формирует в нас иное силовое тело. Как сказал бы об этом Рудольф Штайнер, всякое лекарство словно отливается в форме человека, так что, к примеру, если человек регулярно принимает ртуть, то духовное восприятие может усмотреть в нем тончайшего ртутного человека, который становится все сильнее и сильнее, — вот так же обстоит и с духовным лекарством, с медитацией. Здесь действие тоже усиливается с каждой медитацией, и чем больше медитаций, тем благотворнее они дополняют друг друга. Медитация, исполненная с

напряжением всех сил, может вызвать сильные физические боли, поскольку то новое, что хочет возникнуть в нас, как бы наталкивается на старое. Но эти боли не похожи на другие. Это скорее боли исцеления, а не болезни, и по прошествии они оставляют — а уж это-то всегда в наших руках — чувство выздоровления.

Однако стоит обращать внимание не на боль, а только на образ, слово, дух. Если первый этап созерцания пройден с напряжением всех сил, какие имеются у человека поначалу, можно затем отдаться воздействию деталей образа или слова. Внутри такого слова чувствуешь себя как в храме, разглядываешь его во всех подробностях, но ни в коем случае не покидаешь. Так, в медитации креста можно сначала рассматривать одно направление, затем другое, сначала сам крест, а затем - Христа на кресте. Усилие, однако, всегда нацелено на то, чтобы это воздействие было возможно более долгим и сильным. Если кто-то еще способен произвольно задерживаться на каком-либо впечатлении, можно несколько раз подряд повторить это прохождение по частностям. Тогда на третьем этапе созерцание целостной медитации, оживая в душе, станет интенсивнее, богаче, яснее.

Подобные советы не носят принудительного характера. Они лишь сообщают опытные данные — в помощь или для ободрения. Так или иначе было бы хорошо в конце медитации всегда ясно осознать ее результат и ждать, пока она не отзвучит полностью.

Однако многим людям поначалу никак не удастся неподвижно пребывать и одновременно жить в каком-нибудь слове или образе. Для них особенно полезно повторять простейшее упражнение на сосредоточенность в той форме, которую предложил Рудольф Штайнер. Выбирается какой-нибудь незначительный предмет — карандаш, булавка, кольцо. И в течение 5-10 минут выстраиваются мысли, относящиеся только к этому предмету. Можно последовательно думать о форме карандаша, о цвете, об изготовлении, о применении. Мысль — совершенно непритязательная — доводится до максимальной прозрачности и силы, в полном сознании удерживается на мгновение, а затем совершается свободный переход к следующей мысли. Главное не в том, чтобы мысли были важные. Напротив, чем незначительней предмет, чем обыденней мысли, тем большую силу должен приложить человек, чтобы свободно выстроить их и удержать по собственной воле. И для воспитания духа это куда лучше, нежели когда человека влечет интерес, вызываемый самим предметом. "Этот карандаш имеет 12 см в длину, 3/4 см в ширину, 3/4 см в высоту. Он восьмиугольной формы... он мог бы быть и круглым, тогда он выглядел бы так-то... он состоит из двух склеенных половинок... внутри у него графит... он коричневый... он мог бы быть и синим... он изготовлен..." Можно пройти одни и те же мысли несколько раз, и даже в обратном порядке.

Исключительно благодетельное чувство разливается в мозг, когда это простенькое упражнение выполняется достаточно энергично, — ты словно только теперь становишься хозяином в собственном доме. Приходит ощущение царственности свободного мышления. Начинаешь гораздо лучше контролировать себя, гораздо чаще замечаешь и в других видах духовной деятельности тот миг, когда теряешь духовный контроль, и с много более здравым чувством относишься к жизни. Я знавал людей, которым после

такого упражнения ночью снилось, будто они стали великолепными наездниками. А на самом деле сны, связанные с лошадьми, нередко указывают на переживания в мыслительной сфере к примеру, мы видим во сне галопирующих жеребцов, поскольку у нас возбуждены нервы. Простое упражнение для беглости пальцев позволяет артисту совсем иначе овладеть инструментом, на котором он потом будет исполнять сонату, — точно так же обстоит и с этими короткими упражнениями для духа. Мне самому, хоть я и до этого имел все основания полагать, что умею сосредоточенно работать, это простое упражнение помогло вдвое сократить время на подготовку к лекции, — и не только потому, что мысль становится светлее и бодрее, но прежде всего потому, что гораздо отчетливее замечаешь мгновения неполной сосредоточенности на предмете.

Ребенок, когда встает на ноги, сначала учится свободно ходить и только потом —

свободно стоять. Так что и с органической точки зрения будет правильно выучиться сначала ходить в мыслях, а уже потом стоять в них. Даже для высочайших мыслителей это простое упражнение сосредоточенности может иметь большую жизненную ценность. Иной университетский профессор, с усмешкой глядящий на подобные карандашные упражнения как на ребячество, спустя каких-нибудь четыре недели перестал бы смеяться, заметив, что пять минут, которые он ежедневно употребляет на это занятие, сберегают ему очень много труда и времени. Наше упражнение полезно для любого рода деятельности, а уж для нервов оно исконно целительно.

В самом усилии, которое мы упоминаем здесь только как упражнение, предваряющее медитации, уже содержится исключительная выпрямляющая сила. И вовсе не случайно мы вспоминаем о нем сейчас, намереваясь начать разговор о воскресении Христовом. Об этом предмете можно говорить самым возвышенным образом и все-таки ясно осознавать связь, существующую между воскресением и подобным простым упражнением, которое исполняется в духе из свободного "Я". Именно способность видеть то и другое в совокупности указывает на совершенно естественное пребывание в жизни.

Правда, ныне среди тех, кто чувствует ответственность за жизнь человечества и хочет влиять — в смысле внутреннего воспитания — на широкие круги, немало таких, что отнюдь не советуют заниматься возвращением внутренней жизни теми способами, какие здесь рекомендованы. Возражения настолько характерны и часты, что мы остановимся на них подробнее.

Полагают, к примеру, что тихие часы не следует выискивать вне работы, но в *самой* работе следует примечать мгновения ясного самосознания. И тогда не надо выбирать какие-то слова из какой-то книги, а достаточно вникать в мысли, на которые наводит сама работа. Все это в известной мере тоже во благо, и философ или писатель, наверное, могут этим удовлетвориться. Но рабочему или домохозяйке этого недостаточно. По логике вещей из этого совета следует, что надо отказаться также и от всякой регулярной утренней молитвы и ждать в течение дня момента, когда что-нибудь побудит нас к ней. Кажется, нечто в этом роде говорил Иоганнес Мюллер: мол, молитва может быть настоящей, только когда она — естественный ответ на сообщенное нам божественное откровение. Продолжая данное рассуждение, можно прийти и к выводу, что более нет нужды в особом месте или особом времени для богослужения, ведь можно совершать его в любом месте и в любое время, и вообще все "должно совершенно естественно" вырастать из самой жизни.

В сущности, здесь обнаруживает себя все та же переоценка жизни внешней в противовес внутренней и все та же переоценка идущих извне возбуждений в противовес изнутри действующей воле, которую мы расцениваем как *главную* опасность нашего времени, которую и намерены побороть нашими рассуждениями о медитации, ибо мы полагаем, что именно от нее человечеству грозит гибель. Если мы станем принимать в расчет лишь те мысли, которые сами собой приходят за работой, в повседневной жизни, то у большинства людей мысли эти окажутся весьма скудными. Было бы огромной потерей и редкостной глупостью отказаться от всего, что добыто человечеством на протяжении его великой духовной истории. Но мы можем и по своей свободной воле поставить эти достижения великой человеческой истории в средоточие нашего духа, усваивая их таким образом гораздо основательней, нежели при беглом прочтении, прослушивании или размышлении. Сколь однобоко — руководиться в жизни только внешним, совершенно не заботясь о том, что может вести нас изнутри. Однако же к внутренним способностям принадлежит и наша способность познавать духовные законы, с которыми мы можем соотносываться (как, например, закон утреннего часа, ритма, повторения), и то, что нам дано постичь силу особых часов для литургии, и то, что в нас есть воля, благодаря которой мы в состоянии свободно, по собственному почину, обращаться к горнему миру. Да и молитва, хоть она прежде всего есть ответ на откровение, может все-таки возноситься из внутреннего мира как свободное деяние, не имеющее какого-либо внешнего повода. Все

это, разумеется, может происходить неестественно, деланно, насильственно. И существование этой опасности неизменно придает упомянутым предостережениям известную силу, благодаря которой они внедряются в души людей. Но в основе их лежит недостаток опыта в сфере сокровенных духовных законов и недостаток осознания необходимости много больше прежнего работать ныне изнутри, а главное — поставить волю на службу духу. Таким образом, поступательному движению препятствуют и крайний индивидуализм, культивируемый протестантской религиозностью, и пассивность религиозной жизни, унаследованная от прошлого, и материализм, недостаточно интенсивно противопоставляющий внешней жизни жизнь внутреннюю. Прогресс же заключается в осознании, что духовная жизнь имеет собственные законы и возможности, которые не обнаруживаются сами собой в обыденных занятиях, что от гибели нас спасет лишь достаточно энергичная забота о внутренней жизни и что в настоящее время следует в первую очередь пробудить свободную волю и превратить ее в орган божественного. Чем выше поднимается человек, тем меньше он руководствуется в жизни внешним водительством, место коего заступает внутреннее водительство высшего "Я", черпающего свои цели и законы из духа.

Прежде всего это касается *воскресения*, которое теперь тоже надобно воспринимать по-новому. Раньше людям просто сообщали весть о воскресении Христовом. И это непосредственно воздействовало на жизнь их чувств и воли. Ныне, с одной стороны, поколеблена уверенность в библейском благовестии. Люди подвергают сомнению историческую достоверность библейского сообщения. С другой стороны, связь между представлением, чувством и волей в человеке уже не столь живая и непосредственная, как раньше. Приходится преодолевать много больше препятствий. Именно в отношении высочайшего нам должно работать над собой сознательнее и целеустремленнее, нежели людям минувших времен.

Желающий принять в себя воскресение как нечто живое пусть начнет с ощущения Земли как великого гроба. Она таковым и является. Сама почва, по которой мы ступаем, есть кладбище. Повсюду под нами останки умерших существ. Гниющей жизнью растений пронизана земная почва. Даже песок — это растертая и раскрошенная скальная порода. И если свидетельства антропософской духовной науки справедливы и звездные миры, которые мы видим, воспринимаются лишь нашим физическим зрением, ибо люди суть существа физические, хотя на самом деле эти миры много духовнее и состоят не из вещества материального, преходящего, то можно, пожалуй, сказать: во Вселенной сама Земля, как таковая, есть великий гроб. Все, что живет на Земле, обречено умереть. Правильное ощущение Земли приходит лишь через полное осознание этого факта. Во всяком отдельном предмете присутствует знак смерти. Нередко мы поистине испытываем шок, когда спустя много лет вновь встречаем своих знакомых и отчетливо видим у них на лице печать смерти. Смерть заметна повсюду, только наши глаза еще недостаточно открыты. Можно порекомендовать такое внутреннее упражнение — представлять себе людей, еще находящихся во цвете лет, и мысленно говорить: "Через сто лет от тебя, каким я сейчас тебя вижу, останется лишь несколько костей в гробу". Говорят, в Нюрнберге монах-проповедник Джованни Капистранский* однажды с кафедры спросил прихожан: "Хотите знать, как будете выглядеть через сотню лет?" А когда вопрошающие взгляды устремились к кафедре, вынул из-под пюльта череп, высоко поднял его и произнес: "Вот так!" Из несчетных проповедей, что на протяжении веков произносились в нюрнбергской церкви Святого Духа, к тому времени, когда я был там священником, сохранилась память лишь об одной этой. Мы не совершаем ничего необычайного, аскетического, мы только видим истину такой, какова она есть, когда воспринимаем смерть, властительницу земли, с

* Джованни Капистранский, преподобный (ум. 1456 г.) — итальянский монах-францисканец, причисленный католической церковью к лику святых.

много большею силой, нежели та, что естественна для нашей поверхностной и, в сущности, трусливой эпохи. Все вокруг умирает — люди, деревья, горы, культуры, сама планета. Будда просто был последовательнее, чем сегодняшние люди, когда говорил, что всегда надобно иметь эту истину перед глазами. Может статься, Будда помог бы людям на все времена, научив их видеть великий гроб, где должно произойти воскресению! Не будь Христа, последняя правда оставалась бы за Буддой.

Если мы сумеем усвоить со всею ясностью, что земля есть великий гроб, то пора посмотреть на Христа. Можно просто созерцать Воскресшего. Тогда взгляд проникает в светлый мир, совершенно отличный от окружающего нас брэнного мира. Всякое соприкосновение с этим миром несет пробуждение и жизнь, торжествующую над смертью. Стоит Христу действительно появиться, как всякое сомнение отступает. Он Сам есть воскресение и жизнь.

Но пока такой взгляд нам еще не дарован, необходимо понаблюдать за той жизнью, какую мы ощущаем во Христе, за жизнью, которая пробуждается в нас благодаря Ему. Нет нужды что-либо придумывать, надо только смотреть и ждать, пока мы, по слову апостола Павла, не сможем "познать Его, и силу воскресения Его". Необходимо поистине ощутить, что Он совершенно отличен от брэнного мира вокруг нас, что в Нем открывается вечное, надвременное. Ведь увидим ли мы победное преодоление смерти, которое есть во Христе, нет ли — целиком зависит только от силы нашего духа. Очень бы хотелось назвать какое-нибудь изображение воскресения, где явление Воскресшего было бы убедительно, но я таких не знаю. Даже Грюневальд* не годится. Раз так, пусть через нашу душу пройдут друг за другом глаголы "Я есмь", а мы постараемся прочувствовать светлую силу этого "Я" с такой живостью, что перешагнем в этом "Я" через смерть. Чтобы мочь верить в воскресение Христово тогда, в прошлом, нам нужно пережить это воскресение в собственном существе, и не только как душевную радость, но как мировое деяние. Человек, который еще не ощущает Христа, пусть посмотрит на свое собственное высшее "Я", насколько он его ощущает, или на "благое". Начало воскресения переживает даже тот, у кого на первых порах нет уверенности ни в чем, кроме желания: "Я хочу служить благому, даже если сам погибну!" Поразмыслив о большом мире, подумаем теперь и о себе. Наше тело есть гроб. Однажды мы сбросим его как никчемную оболочку. Но расстанемся мы не с духом, а лишь с телом. Многие люди чувствовали, что нельзя все время

* Грюневальд (Нитхардт Маттиас) (1460/70—1528) — немецкий живописец, автор прославленного Изенхеймского алтаря (1512—1515).

прятать от себя эту истину, предаваясь радостям телесной жизни. Эту истину следует осознать, потому что *без* такого сознания нельзя ни стать человеком в подлинном смысле слова, ни жить по-человечески. Поэтому они, как иные средневековые монахи, спали в гробу, чтобы изо дня в день помнить о смерти. Или, как протестант Август Герман Франке*, каждый вечер перед сном представляли себе, что этот день мог быть для них последним, а каждое утро, просыпаясь, думали, что вот по милости Господней дарован еще один-единственный день жизни, дабы провести его во славу Божию. Август Герман Франке признавался, что именно такой привычке он и обязан своею жизнью. Это была и своего рода медитация, которая в итоге доказала свою силу.

Следы распада мы замечаем и в собственном теле. Быть может, мы даже знаем место, где угнездилась смерть и откуда однажды она обрушится на нас и уничтожит. Давайте же рассмотрим все это с великим спокойствием. С таким спокойствием Ф. Шлейермахер** в конце "Монологов" обращается к первым сединам на своей голове,

* Франке Август Герман (1663-1727) - немецкий педагог, знаменитый богослов-

пиетист. ** Шлейермахер Фридрих (1768—1834) — немецкий протестантский богослов и философ; работа "Монологи" написана в 1800 г.

а И. Г. Фихте* в "О назначении ученого" говорит об уничтожении последней солнечной пылинки своего тела.

Все это не пессимистические рефлексии, не сентиментальное самодовольство и не аскетические душевные муки, а естественная подготовка к мощному переживанию воскресения. Перед сном или после пробуждения можно для душевной тренировки задавать себе вопрос: что, собственно, останется от тебя, когда ты расстанешься с телом? Однако же тело должно быть в этот миг совершенно спокойным, как бы неощутимым. И внешний мир должен пребывать в полном безмолвии, не вторгаясь в наше сознание. Все мысли и чувства, приходящие в дух из телесной жизни, должны отступить. Иному человеку будет в такой ситуации трудно вообще что-либо уловить и удержать. Можно посоветовать ему создать себе из всего этого представление, что пробудиться после смерти в некоем духовном мире отнюдь не просто и что придется преодолевать трудности, тем большие, чем материальнее человек жил, хотя по совлечению тела ему окажут помощь. Если человек, пытающийся познать себя, поначалу не в состоянии, отвлекаясь от тела, уловить почти ничего либо только нечто совсем слабое и разреженное, пусть он тогда

* Фихте Иоганн Готлиб (1762—1814) — немецкий философ, представитель классического идеализма.

подумает о Христе и с особенною силой испытает, как наполняется изнутри щедрой сияющей жизнью, — жизнью, которая прежде всего обладает свойством духовной прочности, постоянства, поддержки. Так человек приблизится к тому, чтобы лично пережить толику воскресения через Христа.

Изведать на собственном опыте, как Христос вдыхает жизнь в мертвые кости, как благодаря Ему человек получает дар новой жизни, — знание мощное и в высшей степени убедительное.

Теперь человек понимает: подлинная святость повседневной жизни в том, что он во всем принадлежит Христу, раздувающему в нем огонь высшей жизни! То, что он пережил в увенчании терновым венцом и на другой, более доступной человеку ступени, он переживает здесь в сверхчеловеческом мировом величии. В Евангелии от Иоанна о "Слове" Христа часто говорится, что оно воскрешает человека, дарует ему жизнь вечную (например, гл. 6). Теперь мы переживаем это так, будто Сам Христос есть изреченное Богом животворящее Слово, благодаря которому мы еще раз сотворены из смерти. Именно так это и можно пережить — будто мы сами совершенно мертвы, а из глубочайших, незримых бездн мира, где обитает божественный Отец, произносится Слово жизни Христовой, и мы воскресаем в Нем к новой, истинной жизни. Всю мудрость и святость, которая отныне поведет нас по жизни, мы черпаем из этого живого Христа. В таинстве человекоосвящения говорится, что мы исповедуем явленное Христом в откровении и что Он избавляет нас от власти врага рода человеческого!

Если Слово жизни Христовой еще не настолько окрепло в нас, чтобы вызвать такое воскресение, которое, конечно же, лишь тусклый отблеск настоящего воскресения, то величайшей помощью станет для нас образ — не какая-либо из существующих ныне картин, но живой образ Воскресшего, данный в Библии.

Трижды по-разному является в Новом Завете воскресший Христос. Первый раз Он открывается ученикам между Пасхой и Вознесением. Здесь особенно значимо Евангелие от Иоанна. Необычайно подробно и выразительно повествует оно о Воскресшем. Между Пасхой и Троицей каждому полезно испытать воздействие этого рассказа. От него исходят сияние и аромат райской весны. Вдохнув этот дух воскресения, человек уже пробуждается

к новой жизни.

Второе переживание воскресения изображено в происшествии на пути в Дамаск, когда Воскресший явился Павлу. Ранее мы имели случай ("Die Christengemeinschaft", 2. Jahrg., S. 73) раскрыть органическую связь этого явления с переживанием крещения в Иордане и откровением, данным Стефану. Все это способно помочь нам составить некоторое представление о Воскресшем, ведь именно для того эти рассказы и существуют.

Но для нашей медитации мы хотели бы указать прежде всего на последнее и величайшее явление воскресшего Христа в Откровении св. Иоанна (Откр., 1). В этом образе мы, как нигде, можем действительно узнать Воскресшего, вжиться в Него и так воскреснуть. Этот образ — мощнейшая из медитаций воскресения.

Черта за чертой явится перед нами этот Христос, даже если поначалу образ Его и будет нам чужд, ибо мы, почти не умея читать и внутренне оживлять язык духа, на котором здесь говорят, трактуем подобные образы слишком поверхностно, слишком материалистически. А они должны оставаться свободнее, живее, не в пример новой теперешней привычке — тогда мы будем вживаться в них все интенсивнее.

Глава осиянна чистым светом, сама как бы созданная из чистейшего света, — мудрость и святость в одном! Глаза лучатся, "как солнце, сияющее в силе своей". Извне голова окружена божественным вселенским светом, а изнутри, в глазах, сияет свет божественной сущности — внешнее и внутреннее соединяются.

В просторном длинном подире с золотым поясом мы узнаём то самое, что в наших рассуждениях было божественным миром, нерушимостью неземной вселенской гармонии. Но мир этот не отрешенный покой, а самая могучая вселенская сила — о том свидетельствует голос, звучащий как шум вод многих, и подобен он острому с обеих сторон мечу. И вновь — глядя снаружи внутрь — мы видим этот мир в одеждах, перехваченных золотым поясом, а изнутри наружу — как воздействующее на вселенную могучее Слово.

Любовь же, о которой мы говорили вначале, явлена в этом образе как ноги из халколивапа, из меди, из силы Земли, пронизанной, однако, небесным огнем, а также — как руки, в которых живут звездные силы. И здесь более личностная сторона любви определена в ногах, а обращенная к миру — в руках.

Ясновидец Иоанн рассказывает о себе, что, взглянув на этого Христа, он пал на землю, как мертвый. Рядом с Ним мы всегда кажемся мертвыми. Мы ощущаем великий гроб, земной мир, и малый гроб — наше земное тело. В таком созерцании мы в полном смысле слова переживаем заодно и самое высокое из того, что предшествовало Христу, — Будду. Так мы смотрим на Христа и восприемлем от Него истинную человечность. Более того, теперь мы можем совокупно видеть в этом Христе все здание наших жизненных упражнений, коль скоро они соотносятся с нашим настроем. То, что было вызвано в нас *омовением ног*, мы видим и здесь в раскаленных земных ногах — силу земли, соединенную с духом любви. То, что принесено *бичеванием*, возвращается к нам в завершение как просторные одежды с золотым поясом. То, что пробудил в нас *терновый венец*, — путь для святости, земная жизнь, поднятая до небесной премудрости, — сияет в глазах: в самом прекрасном, что могла произвести земля, в глазах человека, светит сила самого солнца. Далее следуют три упражнения более высокого уровня. Единение с вселенской любовью, к коему привел нас *крест*, живет как творящая сила в пронзенных руках, держащих звезды. Суд над миром, в который вводило нас *сошествие во ад*, мощно живет в божественном голосе. И само *воскресение*, пробуждение к новому бытию, витает вокруг головы как полнота небесного света. Подумаем об этих подробностях или представим себе целое: вот Воскресший, каким Он явился Своему любимому ученику! Так Он желает побудить людей к движению вверх. Перед Ним всякая молитва становится поклонением.

Где сегодня найдешь чистое поклонение Христу? Ведь это благороднейшая из молитв. Через Христа мы поклоняемся Отцу мира, "во имя Христово". Каким могло бы стать

человечество, если бы образ Воскресшего не оставался погребен в Библии, но восстал бы в самих душах. Сколь неслыханное развитие пережили бы люди изнутри! С глубочайшим благоговением человек, каков он есть, смотрел бы на человека, каким он должен стать. Такой человек светит из Христа как "Сын Божий".

Тот, кто пока не может подлинно соотносить этот образ Откровения с Христом, который живет в настоящем, пусть поначалу думает об этом как о своем собственном высшем "Я" или как об идеале человека. В один прекрасный день ему станет ясно, что перед глазами у него не только им самим придуманный образ.

Однако тем самым мы уже вступили в медитацию *вознесения*. Кстати, достаточно лишь произнести это слово, как невольно ощущаешь, до какой степени оно противоречит нашему времени. Люди, живущие среди машин, должны медитировать о вознесении Христовом? Но и с совершенно другой стороны тоже подстерегает сомнение. В упомянутых лекциях Рудольфа Штайнера об Иоанновом Евангелии мы читаем: «Седьмое чувство невозможно описать словами; описать его мог бы лишь тот, кто способен думать без помощи такого инструмента, как физический мозг, а для этого не существует языка, ибо наш язык соотносится только с физическим планом. Вот почему возможно лишь указать на такую ступень. Она превосходит все, о чем человек способен составить себе представление. Ее называют "вознесением", или "полным приятием в духовный мир"».

Памятуя об этих словах, мы должны сознавать, что существуют переживания, намного превышающие все, чего мы лично можем достигнуть. Во время этой нашей последней медитации полезно вполне отчетливо сохранять это в душе. И все-таки мы не вправе пройти мимо высочайшего. Не только потому, что, коль скоро мы намерены соблюсти надлежащее равновесие, лишь вознесение может быть противовесом рассмотренному нами сошествию во ад, подобно тому как крестной смерти соответствует воскресение, — но и потому, что именно современный человек должен вновь, и как можно интенсивнее, почувствовать свою принадлежность к божественному миру, если он хочет противопоставить активной внешней жизни самую могучую из противоборствующих сил.

И здесь мы сможем уверенно продвигаться вперед и будем защищены от всех опасностей, если, следуя указаниям Библии, не поленимся пройти по внутреннему пути.

Непосредственно перед вознесением Христос учреждает таинство крещения. "Научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа". Крещение тоже можно пережить на самых разных уровнях. Если, как мы рассказывали выше, человек исходя из образа Христова попытается сам подняться туда, где он всем своим помышлением, всем своим головным существом погрузится в Духа Святого, где он всеми своими чувствами, всем своим "средним человеком", живущим в сердце, легких, крови, целиком погрузится в божественного Сына, где он всею своею волей, живущей в его делах, погрузится в божественного Отца, тогда он совершит восхождение в сферу, где сам человек есть образ и подобие Божественной Троицы, тогда дивно зазвучит в нем трисвятое имя Божие, что превыше всякого неба, тогда человек обретет *единую* жизнь с Первобожеством, что властвует мирами и вознесено над всеми силами зла, тогда человек окажется на своей высочайшей небесной родине. Как победитель, венчанный светом, возвращается он к своему земному назначению. Все небеса собраны в нем. И брезжит догадка, что скоро разверзнутся еще более святые небеса. Человек ощущает себя как бы просветленным небесами. Но ему нельзя впадать в беспамятство, а эта опасность подстерегала мистиков, — нет, в его пробудившемся "Я" чают пробуждения сами небеса. Высшее свершение человека — вот что мы творим над ребенком во время крещения. В моих мыслях должно присутствовать только то, что есть Дух Святой! В чувствах моих должно жить только то, что есть Сын Божий! В волеи моем должна действовать только вселенская воля Отца, возвышающаяся надо всем бытием! Эту медитацию можно пережить как впечатление Божией печати.

Подобная медитация освятит нас так, как не дано освятить нас ничему другому.

Побывать на небесах — это дарит совершенно иное жизнеощущение в отношении земли. Мы возвращаемся божественно облагороженными. Но такое возможно, лишь если мы не утрашили креста и ада. Принявши печать Божию, мы учимся произносить слово "человек" совершенно иначе. Мы предугадываем и что сам человек призван вступить в небесные иерархии, и каким станет тогда его существо там, в свете, в жизни, в любви. Ибо эти три слова Иоаннова Евангелия выражают одно: "Не написано ли в законе вашем: <... > вы боги" (Ин., 10: 34). Се, Человек! Се, Бог!

Но пусть это вознесение не введет нас в соблазн пожелать вопреки Духу Христову остаться на небе, хоть мы и ощущаем его как огромное "блаженство". Воля Христова ведет прямо с небес на землю! Только тогда мы связаны с Христом, когда та же воля направляет и нас.

Ведь так было и во время крещения самого Христа. Его можно рассматривать как подлинное вознесение. Связь между вознесением и крещением, описанная нами выше, становится совершенно очевидной на этом примере. Так и рассмотрение крещения Христова поможет нам

обрести в земном образе опору для медитации вознесения.

"Разверзлись небеса". Это переживание Иисуса при крещении в Иордане было, как говорит Рудольф Штайнер, сильнейшим из всех, какие когда-либо испытывал человек на земле. В светлом голубе, нисшедшем на Его голову, открыл себя Дух Святой. В глазе, глаголющем: "Ты Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение", — открылся Сын Божий. В разверзшихся небесах над ним и вокруг него приближался Отец мира. То, что мы видим здесь, было прохождением через три сферы: сферу имажинации — в образе, сферу инспирации — в звуке, сферу интуиции — в жизнепритии. Через событие крещения Христа наше вознесение как бы закрепляется и сохраняет связь с царством земли. Вспомним, как Христос после крещения вернулся к повседневной жизни и после искушения в пустыне — а самые тяжкие искушения следуют как раз за высочайшими переживаниями — начал скромную деятельность учительства, в глубине которой с той поры мерцало Царствие Небесное. Царствие Небесное наступило — так звучит отныне его провозвестие. Когда и сквозь наши земные дела забрезжит Царствие Небесное, где мы побывали, тогда обретут они истинный блеск и подлинное величие.

Воскресение и вознесение дополняют друг друга как вдох и выдох. Воскресение есть движение "к небу", вознесение — движение "от неба".

Они соединены друг с другом как высочайшее причастие. Воскресение есть последнее приятие тела Христова. Вознесение преисполняет нас крови Христовой в глубочайшем смысле слова. Причастие есть приготовление к этим переживаниям.

Если мы оглянемся на весь путь, пройденный нами для очищения чувств, то окажется, что мы дважды прошли через царство любви, мира и святости. Наш путь вел как бы по спирали, и второй виток ее проходил выше первого. В любви заключено отношение к ближним, в мире — отношение к земному окружению, в святости — отношение к божественному миру, и в эту тройственность включаемся мы как люди. Наше земное бытие сформировано так, что нет ничего, что невозможно постичь посредством этих трех основных божественно-человеческих свойств. В вознесении все это вновь соединяется.

Равным образом этот путь есть исполнение второго моления "Отче наш": "Да приидет Царствие Твое". Как правило, при этом молении думают лишь о царстве, которое однажды придет сверху. Благодаря нашему внутреннему движению мы будем совершенно избавлены от такого ущербного настроения. Мы сами проходим евангельский путь до самого Царствия Божия — через смерть к воскресению! Тот путь, которым прежде нас в "Царствие" шел Христос. В это Царствие невозможно попасть ни через внешнюю дверь, ни даже через одну только внешнюю смерть. Это Царствие не географическое понятие, но божественное Царство Духа. Здесь справедливы строгие условия. "А куда Я иду, вы знаете, и путь знаете" (Ин, 14: 4).

Когда Христос последний раз перед вознесением явился ученикам, он трижды задал Петру вопрос: "Любишь ли Меня?" Медитируя об этом повествовании, можно увидеть, как с каждым разом вопрос все глубже вонзается в душу, как он, воспринятый живым чувством, переплавляет всю душу в священном огне. Это было единственное в своем роде средство самопреобразования, какое Христос даровал устремленному к земле Петру. Мы можем завершить медитацию вознесения и весь ряд медитаций для чувств, если как можно живее переживем в себе Христа, предстающего перед нами с этим вопросом. Все, что мы пережили в медитации воскресения, присутствует теперь в этом Христе. И все, что приобретено в медитации вознесения и крещения, содержится теперь в нас. И вовсе не дерзость, но полностью человеческое усвоение евангельского повествования, когда мы, как бы находясь внутри Христа, облакающего нас Своим светом, вознесшегося над нами и окутывающего нас, слышим вопрос: "Любишь ли Меня?" Вопрос этот звучит из Его существа всегда и повсюду - стоит только прислушаться. В огне этого вопроса есть что-то от жаркого небесного пламени, и он преобразует нас до самого основания. С сердцем, преисполненным высочайшего неба, возвращаемся мы затем на землю: "Да любовь, которую Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них" (Ин., 17: 26).

9

В нижеследующих рассуждениях мы обратимся к воспитанию воли. В наше время это особенно важно. В волеи вырабатывается "Я". Сильная воля — могучая защита как от напора внешней жизни, так и от внутренней нервной слабости. Чем больше угрожает нам жизнь извне, тем энергичнее нам следует учиться действовать изнутри. Это единственное, что нам поможет.

Но сегодня все будто сговорилось лишить человека воли, и это в наше время, когда ее следует развивать. С одной стороны, на крупных предприятиях воля человека методично механизмуется. За исключением весьма немногих, стоящих на вершине, люди обладают лишь очень небольшим пространством для собственного воления. С другой стороны, воление во многих случаях систематически внушается. Одиночка отказывается от собственных воззрений и воли, поскольку не надеется достигнуть хоть чего-нибудь самостоятельно, и ограничивается выбором между различными группами. В обоих случаях мы вновь видим разрушительное действие ариманического и люциферического начала в человечестве.

С другой стороны, время, когда человеческое и сверхчеловеческое в воле предельно сконденсированы, особенно благоприятно для того, чтобы возвращать волю в отдельном человеке. Ему необходимо лишь всерьез решиться на борьбу с бездуховностью своей эпохи.

Именно в отношении воли чрезвычайно важно ясно видеть, в какой мере ее вообще можно воспитать. В ритуале жертвы в человекоосвящении говорится, что благая воля берет свое начало в чувстве единения с Христом. Это согласуется и со всеми данными новейших психологических исследований: волю можно вызвать лишь в обход, через чувство. Нельзя просто, как насосом, выкачать ее из человека. Но можно, опять-таки образно выражаясь, орошать землю дождем, пока не разольются источники. Так великие агитаторы действовали только на чувство и порою сдерживали себя и останавливались как раз там, где чувство стремится перейти в волю — чтобы воля сама собой стихийно вырвалась из человека. Пример тому знаменитый монолог Антония в шекспировском "Цезаре".

Следует ожидать, что посредством воспитания чувств формируется и воля человека, не только чистая, но и сильная воля. И все же в этой области есть еще много особенностей, о которых следует сказать. Предвосхищая, скажем: воля воспитывается на *великих целях*, на *великих образах*, на *преодолении великих препятствий*.

Рудольф Штайнер часто говорил о манихеях. Он изображает их людьми, которые усматривали истинный смысл христианства в грандиозной борьбе света против тьмы. Они предвосхищали то, что полностью разовьется лишь в более позднее время. Они ощущали себя помощниками Христа против сил врага, претворяя это свое чувство в силы священной магии. Они ополчались непосредственно на зло, чтобы отвоевать у него добро, чтобы само зло претворить в добро. Эта божественная алхимия была их христианством. Кто откроется таким импульсам, тот увидит восходящее над горизонтом будущего христианство, по сравнению с которым нынешнее христианство кажется мелким и ограниченным. Не избавление от зла, но избавление самого зла. Не превращение человека из злого в доброго, но претворение самого зла в добро.

Именно в наше время должно положить начало такому христианству; эту необходимость нам открывают, если мы не в состоянии увидеть это иначе, оккультные парафеномены нашего времени. Ведь существуют же в Америке "метафизические высшие школы", где индийские йоги применяют древнюю восточную мудрость воспитания воли для развития в человеке деловых способностей. Если материализм Запада становится весьма и весьма опасен, когда воспринят силами Востока, чье призвание в совершенно ином, то и спиритуализм Востока очень опасен, когда воспринят жизненными тенденциями Запада, обращенными к земной практике. С этой исторической ситуацией мы и сталкиваемся сегодня в центре Европы. В противовес ей нам необходимо сформировать новое земное мировоззрение, которое поднимет Запад из праха. Нам необходимо обрести и новое духовное знание, которое превзойдет знание Востока. И вне всякого сомнения, высочайшее воспитание воли тоже входит в нашу задачу.

Все нижеследующее вытекает из сути христианства. Такое христианство не заканчивается небесами, но *вместе с небесами возвращается на землю*. Оно действует на земле, но небесными силами.

Таково величайшее основополагающее изменение, происходящее ныне в христианстве. Многие движения, тщательно стремящиеся к обновлению, например социализм, лишь на этом пути обретут самое сокровенное религиозное обоснование и силу.

Великим образцом для этого христианства служит Сам Христос. И мы получим необходимое воспитание воли, если рассмотрим семь великих деяний, в которых Иоанново Евангелие описывает Его труд среди человечества. Так под надежнейшим водительством мы вступаем в сферу священной магии, каковой принадлежит будущее христианства.

Такая христианская магия кое-где обнаруживает себя уже сегодня, к примеру в виде "выздоровления с помощью молитвы", "целительства", "мысленного воздействия". Нам предстоит разобраться со всеми этими явлениями, поскольку они нередко основаны на заблуждениях, и попытаться в противовес этому изложить правильную точку зрения.

В конце рассказа о браке в Кане записано: "Так положил Иисус начало чудесам в Кане Галилейской и явил славу Свою, и уверовали в Него ученики Его" (Ин., 2: 11). Сегодня нет смысла попросту "верить" в это "чудо" как во внешнее библейское повествование. Как, по всей вероятности, совершилось это событие, как оно может стать понятно современному человеку в своей исторической реальности — обо всем этом самое существенное сказал Рудольф Штайнер в своих лекциях об Иоанновом Евангелии.

Эта история раскрывает, собственно говоря, суть всей земной деятельности Христа. Не следует думать, что в религиозных памятниках такие вот слова сказаны *только* в историческом смысле: "Так положил Иисус начало чудесам в

Кане Галилейской и явил славу Свою". Едва ли будет ошибкой понимать подобные указания как намек на сокровенные глубинные истины.

В чем был смысл земной деятельности Христа? Он принес небо на землю. Можно сказать и иначе: Он сделал небо землею. В давние времена людям рассказывали о небесах. Обещали им небеса после смерти. И в обыденном христианстве эта древняя разновидность

веры до сих пор господствует почти повсеместно. Политические партии тоже сулили людям небо, но только некое материалистическое небо на земле. Христос избрал другой путь. Он сделал небо *земным человеком, земною жизнью, земною деятельностью*. Эти три выражения суть основа членения наших рассуждений о медитации: *глаголы "Я есмь", ступени страстного пути, исцеления*.

Невозможно сказать об этом короче и выразительнее, нежели рассказом о том, как Он претворил воду в вино.

В древности, говоря о воде, человек думал не только о купании и прогулках под парусом. Он воспринимал воду религиозно. Очищающая сила воды почиталась им как нечто божественное. В обряде крещения еще живет память о том, что человека погружают в очищающую стихию Откровения. Все очистительные предписания и заповеди омовения давних времен связаны с этим главным ощущением. Над человеком находился горный мир, который, посылая с небес воду, вновь и вновь погружал его в свои очищающие силы. Вместо купания давний человек думал о религиозном очищении, вместо лодочных прогулок — о переправе через поток после смерти или во время посвящения. Это последнее — переправа — составляло *эзотерику* древних религий, первое же — очищение — их *экзотерику*. Так древняя религиозность была неразрывно связана с водою. И если обратить внимание на жалкие остатки — но как-никак остатки! — этого ощущения, еще оживающие в людях сегодня, когда они наслаждаются водой, купаясь и катаясь на лодке, то можно воочию увидеть разницу между нашими и древними временами.

Теперь посмотрим на шесть каменных водоносов, "стоявших по обычаю очищения Иудейского". Это стоит сама древность. Сама суть религии древних людей.

Но и вино человек минувших времен переживал религиозно. Несчетные культы можно понять только таким образом. Культ Диониса чувствовал в вине бога. Этот бог делал человека поземному крепким и по-земному веселым и, хотя лишал его тонкого чутья к духовному миру, которое издревле жило в нем, но взамен даровал радость от ощущения собственной личности. Чтобы стать жителем земли, человек пил вино. В виноградном соке вода с небес воспринимается земною силой лозы и действует как земное существо. Можно ли представить себе более прекрасный образ для того, чем был Христос и что Он намеревался совершить? В Нем горнее откровение воплотилось в земное бытие, земную жизнь, земную деятельность. Не случайно и для Своего земного богослужения, для причастия, для вечери, Христос использовал вино. Он Сам был *этим* вином. Вся прежняя религия была водою.

Итак, в этом повествовании перед нами образ самого человечества, собранного за одним столом. Но на этом столе чего-то недостает. Приходит Христос и претворяет воду в вино.

Как может этот образ послужить воспитанию нашей воли?

Но это и есть решающее единение в воле с Христом — когда мы отваживаемся претворить небо, насколько оно внутренне нам доступно, в землю, распорядиться им как земной человек в земной жизни и в земной деятельности. Протестантизм, говоря о вере, мало заботится о "добром деле" и полагает, что все происходит само собой. Но "вера" в полном, библейском смысле слова означает — связать себя с Христом общим волением. "И уверовали в Него ученики Его". Не исполнение отдельных заповедей, но единение с Ним в самой основе воли — вот что самое главное. А основа Его воли откровенно выражена в первом великом деянии.

"Преобразуйте ум ваш, близится Царствие Небесное!" — так звучит провозвестие Христа. Преобразование ума как раз в том и состоит, чтобы воля исходила *от неба*, а не от земли, чтобы небо было желанно, но не для собственного блаженства, а для преображения земли.

Принципиальная ошибка даже у благонамеренных людей заключается в том, что они вовсе не почитают себя обязанными даровать свое "небо" всем людям. Они скрывают его

или открывают избранным друзьям в редкие часы. Значит, они еще не христиане — в том смысле, что их воля еще не подобна воле Христовой. Воля Христова именно в том, чтобы все когда-либо пережитое или полученное в горнем мире даровать другим людям. Можно чувствовать себя вором, если "удерживаешь для себя", "почитаешь хищением" (Фил., 2) то, что "дастся". В этом пункте господствующее среди людей настроение, чтобы стать истинно христианским, нуждается в великом преображении. И здесь поможет паша медитация.

Есть лишь два ограничения. Большая беда, если мы сей же час разболтаем то, что нам даровано. Сначала мы должны претворить это в себе и подождать, пока оно не воздействует на нас самих. Только тогда мы сможем принести это в дар. И к дарению не должно примешиваться ни малейшего самодовольства — только чистая воля к отдаче. Отвратительно, когда на божественном даре человечеству обнаруживаются следы тщеславия посредника. Это как белые одежды, запятнанные нечистыми руками. Пока для нас самих лучше молчать — следует молчать. Ведь и Христос иной раз говорил исцеленным: "Иди... никому не сказывай!" Так Он поступал не просто оттого, что хотел уберечься от преследований. Ведь говорил же Он другим исцеленным: "Иди и расскажи им!" Поняв, почему одним Он сказал так, а другим этак, мы поймем важную тайну воздействия. Не сказывать никому, пока ты сам еще непосредственно занят усвоением, и рассказать всем, когда уже усвоено. Пришедшее с неба должно возрасти на земле и уже потом прийти к людям — как вино. Все это мы можем обрисовать лишь эскизно, предоставив читателю самому продумывать и формировать свою жизнь во всех ее частностях на этой основе.

С другой стороны, мы отнюдь не имеем в виду, что о своих сокровеннейших тайнах нужно со всяким говорить непременно в словах. Так мы большей частью и людям не поможем, и себе навредим. Многое из божественного существует вовсе не затем, чтобы быть сказанным, но чтобы излучиться. Оно желает быть воспринято нашим существом и оттуда передаться людям как сила, как бытие, как безмолвная речь. И для самого человека счастье, что ему позволено таким особенным способом говорить о божественных предметах. У него возникает ощущение, что так он говорит о божественном мире достойнее, истиннее и человечнее. Восприявший вживе Самого Христа, наверное, часто ощущает: я вправе говорить о таких вещах, только если прежняя моя жизнь убеждает ближнего, что сказанное мною можно считать истинным. Разговору об этих предметах позволительно быть лишь уже открытой тайной.

Во всем этом заключены жизненные возможности и жизненные красоты, о которых люди мало что знают. Попробуйте хоть иногда завершать медитацию вопросом: "Как все было бы, каким бы должен быть я, чтобы то, что я сейчас нес в себе,лучилось во всем моем бытии, чтобы люди непосредственно читали это в моем бытии? Тогда-то нам откроется мир, о котором мы здесь говорим. Может случиться и не раз случалось, что один человек смотрит на другого и отчетливо понимает: то, что живет в нем и сияет из него, есть Христос! Именно так в будущем Христос откроется многим людям. "Ты говоришь: *Я есмь..* " — *сначала* голос говорит в *другом* человеке.

Все это и означает — претворять воду в вино.

Сперва претворить воспринятое божественное откровение в земные существа и земную жизнь и претворенное подарить его ближним.

Второе ограничение, которое надо строго соблюдать, — это обязанность учитывать потребность и восприимчивость людей, с какими мы говорим. Закон этот тем строже, чем выше поднимается человек. Не соблюдая его, человек убивает толику своего собственного высшего человека. Ибо этот высший человек живет в тайном единении с другими людьми. Никогда нельзя говорить о божественном, испытывая при этом чувство собственной значимости или преследуя какую-нибудь не вполне чистую цель. Говорить нужно только тогда и только так, чтобы это послужило во благо другому. Язык станет божественно

прекрасен и велик, только когда эта заповедь будет постигнута целиком и полностью. Ни один человек не годится в провозвестники, если не в силах молчать до той минуты, когда он вправе говорить. Иной воспринял бы в горнем мире много больше, если бы там не знали, что он не умеет молчать. "Еще не пришел час Мой", — говорит Христос на браке в Кане. Однако не исключено, что какому-нибудь человеку может быть сказано нечто такое, чего он в тот миг еще не способен понять и чем поначалу даже возмущен. Но подобные случаи не упраздняют основного закона, а лишь затрудняют его исполнение.

Мы обязаны были сказать здесь несколько слов об этих законах. *Только* в них возможно подлинное единение с основой воли Христовой. И чем строже мы соблюдаем эти истинные законы жизни, тем действеннее будет и наша медитация. С каждым разом мы будем замечать это все отчетливее. *Мы сами* должны претвориться в вино. Мы принимаем благодать Божию как лоза дождь. Мы позволяем благодати созреть под солнцем Божиим, пока не станет она добрыми плодами. И эти плоды мы дарим людям. Не дождь, орошающий нас. Не солнце, которое опалает нас и вершит над нами свою работу. Не глубь земную, в коей мы укоренены. Не плоды, которые еще не созрели. Все эти ошибки совершались и совершаются. Мы всегда должны помнить, что Христос сравнивал Своих учеников с ветвями — не с цветами, не с драгоценными камнями, но с самым невзрачным, с ветвями. Сам Он — Лоза, а мы — всего лишь ветви, посредники между соком и плодом. Так что и не те плоды, какие мы сами приносим, должно нам дарить, но те плоды, какие приносит в нас Христос.

Попробуем теперь рассмотреть наш медитативный образ еще обстоятельнее.

Вот люди. Человечество собралось у вселенского стола. Ему чего-то недостает. Без Христа оно пребывает в нужде — во всевозможной нужде. Но приходит Христос, чтобы дать людям истинное вино. Он приносит с Собою небо и дарит его людям как земную силу и земную радость.

Прежде люди искали в божественном очищения, ныне божественное отдает от собственной своей жизни через Христа. Не только откровение, но пища. Такова должна стать и наша воля — вместе с Христом нести из божественного мира в человеческое существо и человеческую жизнь все, что только возможно. Мы желаем трудиться в мире как ветвь, предлагающая людям золотые плоды. Самих себя желаем мы принести людям в дар как божественное вино. Совершенно новое чувство жизни пронизывает человека, если он умеет так ощутить смысл своей жизни.

В этой медитации воли и во всех следующих мы еще больше прежнего предоставляем читателю самому разработать детали медитативного образа и сформулировать решения своей воли. Воля — самое индивидуальное в человеке, и она должна быть совершенно свободна. Мы даем, скорее, возможность посмотреть на жизнь и основу настроения. Однако ж очень полезно, чтобы медитативные образы волевых упражнений действовали в трех направлениях — великая цель, великий пример, великое препятствие.

То, что происходит в человекоосвящении, есть лишь иная форма той же медитации. Произнося слова, в которых воление обращается ввысь, священник наливает в чашу вино. При следующих словах, говорящих о том, откуда происходит воля, он добавляет в вино воду. Это — Христос, который сходит с высот и соединяется с волением, возросшим на земле.

Всякая правильная медитация *тоже* есть смешение вина и воды, или, если посмотреть с другой стороны, — претворение воды в вино.

В первом чуде, которое совершил Христос "и явил славу Свою", наша воля впервые вырастает из мелкого своеволия в великую вселенскую волю. И вновь мы оказываемся посередине между Востоком и Западом. *Восточный* человек, несомненно, знает божественную волю, но совершенно не обладает волей к преобразению мира. *У западного* же человека есть воля к преобразованию мира, но нет воли божественной. Уже над этим первым чудом звучит молитва молитв: "Да будет воля Твоя, *как* на небе и на земле!" Более

мы не будем произносить это прошение только пассивно и только лично. В нем мы собираем в себя основу воли Христа. Мы начинаем становиться "небесною" волей.

Другим чудом Иисуса было исцеление сына царедворца (Ин., 4: 46—54). Теперь мы видим Христа занятым той особой деятельностью, которая имела столь великое значение в Его жизни, — исцелением *недугов*. Рудольф Штайнер сказал, что именно в центральноевропейских странах, но также и на Востоке, и на Западе в грядущие столетия предстоит новая целительская деятельность с помощью высших сил. Но до поры до времени в христианстве материалистической и интеллектуальной эпохи эта сторона воли Христовой отошла на второй план, за редким исключением вроде старшего Блумхардта*.*(* Блумхардт Иоганн Кристоф (1805—1880) - немецкий богослов, исцелял больных наложением рук.)*

Коль скоро в этой области должно что-то произойти, необходимо действовать с особенной осторожностью, ибо нигде нет такой опасности проникновения эгоизма и материализма, как в области целительства, — материализма, который придает слишком большое значение телу, и эгоизма, который слишком обеспокоен собственным благополучием. Это отчетливо заметно во многих явлениях современности, где присутствует целительная воля, но не вполне христианского толка. Против обеих этих опасностей нам поможет медитация, выстроенная на основе второго чуда Христова. Начнем с того, что опять постараемся сделать повествование прозрачным и сквозь него увидеть и распознать мировое событие. Царедворец был, по-видимому, так называемым язычником или полуязычником. Во всяком случае, он был солдатом во внеуниверсальном мире. А в то время внутренняя нищета была там очень велика. Человечество действительно умирало. И это выражалось даже внешним образом. Рудольф Штайнер рассказывал об одной сцене из предыстории деятельности Христа. Во время своих юношеских странствий плотник Иисус набрел на старинный храм за пределами Палестины. Отправляемые здесь жертвенные обряды пришли в упадок. Людей терзали ужасные болезни. Они просили Иисуса о помощи, ибо прониклись великим доверием к Его существу. Но когда Иисус, намереваясь помочь, увидел в духе, что, хотя некогда здесь даны были великие откровения, ныне всем этим завладели демоны, впечатление от этого было настолько страшным, что он лишился чувств. Эти переживания, рассказывал Рудольф Штайнер, подготовили откровение во Христе. В том числе Его деятельность Спасителя.

В царедворце и его сыне — в двух поколениях — перед нами развитие самого человечества. Отец служит Царю. Так человечество присягнуло древней мудрости, которая была дарована свыше и находилась в распоряжении жрецов-царей. Сын смертельно болен. В образе отца древнее язычество приходит к Христу и просит о помощи. Сначала Христос отказывает в помощи или, во всяком случае, решает подождать с ней, пока вправду не увидит веру. Условия для новой помощи должны явиться изнутри. Затем, однако, Он произносит: "Сын твой здоров". И был это послеполуденный час. Человечество перешагнуло середину своего срока.

Подобные мысли будут истолкованы совершенно превратно, если видеть в них лишь причудливые или несерьезные утешительные аллегории. В жизни Христа все исполнено всемирно-исторической значимости. Отовсюду смотрит на нас судьба человечества. И будь мы сами преисполнены божественной жизни, в событиях нашей жизни тоже повсюду обнаруживалась бы подоплека вселенского бытия, а наша жизнь и действия повсюду превращались бы в символы. Все брэнное — в высоком смысле, который имел в виду Гете, — стало бы притчей.

Ошибкой будет, если мы, поскольку целительство было частью деятельности Христа, вздумаем тотчас ополчиться на недуг и попытаемся исцелить его во имя Христова. Важно, чтобы сначала мы научились правильно смотреть на мир болезни. На всю полноту болезней и на весь их ужас. Следует "возвести очи" и принять в свое сознание чудовищное бремя больного бытия, под которым изнывает человечество. В большинстве люди всерьез

замечают недуг, лишь когда сами страдают от него или когда заболевает кто-нибудь из ближайших родственников. Все это далеко от истинной вселенской воли. Когда Христос пришел на землю, Он нашел человечество, сокрушенное несчетными страданиями, и Своею волей во многих деяниях и в полную силу вступил в борьбу с этими напастьми.

Первое, что должно восстать в нас против бедствия болезней, это воля: *всего этого не должно быть в человечестве!* Все это присуще не человеку, но врагу рода человеческого! Все это не имеет отношения к Христу, но будет преодолено Христом! В Христе заключена сила, которая желает и может сделать здоровым все, "что явлено недужным в бытии земном"! Поначалу речь идет единственно о том, чтобы мы ясно видели судьбу человечества и заботились не о частностях и собственных интересах, а о целом. И еще о том, чтобы наша воля, выступая против всего мира болезни, объединилась с волею, присутствующей во Христе, *чтобы против недуга пробудилась в нас истинная воля Христова*. Мы становимся на сторону Христа — против этого мира. Мы ощущаем спасение Христово, от которого может прийти исцеление всего больного в мире. Мы видим в сыне, лежащем в болезни под угрозой смерти, образ человека, а в отце, пришедшем к Христу, — образ *томления*, в Христе же, произносящем слово помощи, — образ *исцеления*. Едва ли образ этот может быть проще и мощнее. Чем сильнее будет присутствующая в нас воля Христова, направленная против недуга, тем лучше для человечества, хоть мы и не в состоянии пока исцелить ни малейшего недуга.

В конце человекоосвящения мы трижды слышим слово "лекарство". Именно в молитве четвертого действия человекоосвящения, в причастии, вновь и вновь говорится о "больном" и "здоровом". Это означает: чем ближе Христос подходит к нашей плоти, тем более Он воспринимается просто как спасение, как могучее целительное спасение.

Можно и в медитации добиться, чтобы воля Христова поистине вливалась в нас спасительным потоком; соединясь в этом потоке со Христом, мы можем ощутить Его сострадание народу: Он "прослезился", и в Нем открылась целительная сила. Вместе с Христом против мира, окончательно и во всем, — вот что необходимо прежде всего, раз мы желаем посвящения воли.

Непосредственно стать целителем, действующим подлинными силами Христовыми, возможно ныне лишь в исключительных случаях. Для этого необходимы не только особое дарование и водительство судьбы, но и особая миссия. Ведь вероятность ошибки или недостатка нужной добросовестности и скромности чрезвычайно велика. В каждом отдельном случае должна присутствовать особая миссия. Профессионализм здесь такая же серьезная опасность, как и известность среди людей. Подлинно христианское понимание божественной воли, властвующей человеком и человечеством, всегда должно осенять такую целительную деятельность, причем все ярче и ярче. Иначе не избежать тяжелого ущерба.

У всякой болезни есть особое задание в жизни того человека, которого она поражает. Высочайшее чувство ответственности, вероятно, исцеляет, лишь если мы в состоянии иным способом дать человеку то, что он должен приобрести через болезнь. К примеру, стремясь излечить от нервной раздражительности человека, склонного к вспыльчивости, у него порой отнимают как раз то, посредством чего он может исцелить этот изъян своего характера. Это лишь один пример. Разумеется, сегодня практикующий врач не умеет проследить все сплетения судьбы человека и строение его характера. И для духовных целителей грядущих времен полный обзор тоже не всегда будет единственным условием, при котором позволительно применять целительные силы. Однако добросовестность, которой надлежит господствовать в этой области, должна намного превышать чуть ли не все, что сегодня называют этим словом. Ни личные желания, ни личные опасения в расчет принимать нельзя — одно только чистое вслушивание в божественную волю и твердую решимость действовать исключительно в согласии с отчетливо прочувствованным божественным заданием. И целителей мы не имеем, вероятно, оттого, что человечество

еще недостаточно воспитано. Дивное ощущение — когда тебя захлестывают целительные силы Христа. Нам необходимо отважиться на подобные мысли, если мы всерьез принимаем обетования Самого Христа и желаем встретить превратности времени лицом к лицу. Именно под влиянием материализма и его последствий возникнут новые болезни, для излечения которых потребуются более действенные целительные силы внутреннего мира. Но они послужат во благо, лишь если внутренние установки, о которых мы вынуждены так подробно говорить, будут правильны.

Прежде чем заниматься целительством, нужно как следует исцелиться самому. Нам уже известны случаи, когда человекоосвящение стало источником истинно целительных сил. В будущем это воздействие значительно возрастет — чем интенсивнее священник будет совершать человекоосвящение и чем интенсивнее члены общины сумеют воспринимать эти силы. Но Своей огромной целительной силой Христос может действовать и в самой уединенной медитации. Возможно, на первых порах она проявится в том, что человек почувствует то место в собственном теле, где он не вполне здоров. Затем он ощутит саму целительную силу, но она еще не способна тягаться с силою болезни. А затем, наверное, человек заметит, как здоровая область его собственного существа увеличивается, очищается, усиливается. И наконец, по крайней мере некоторые болезненные явления как бы отпадут.

Но мы бы не рекомендовали начинать и с исцеления самих себя от определенных болезненных явлений — прежде всего нужно, чтобы Христос как спасение присутствовал в духе и в теле. Не только в теле и не в теле и духе, но в духе и в теле. Чтобы человек чувствовал, как велика болезнь жилища, в которое Он вступает, и как благодаря Его слову душа обретает здоровье.

Собственно, и в обычной медицине и психотерапии людям часто рекомендуют жить исходя из той жизненной области, которая у них здорова, и стараться постоянно расширять эту область здоровья. Вот о таком опыте стоит размышлять, когда чувствуешь в себе спасение как некое царство здоровья, которое стремится расшириться в тебе и в котором можно обитать со всеми жизненными ощущениями. Если умеешь почувствовать это с такой силой, что кажется, будто от тебя исходят потоки живой воды, будто одежда и та источает исцеление, тогда ты на пути к цели и остается только подождать, пока нам будет дозволено подавать телесную помощь и другим людям.

В раннехристианской церкви лечили наложением рук. И действительно, целительная сила собирается именно в руках и истекает оттуда.

Так называемая "христианская наука" якобы преодолевает недуг простым его отрицанием, более того, отрицанием материи вообще. Это — искажение истины, даже если в отдельных случаях и достигается излечение. Человеку должно всегда всеми своими чувствами противостоять болезни как чему-то, чего быть не должно, что имеет лишь преходящее воспитательное значение и против чего Христос выступал всем Своим существом. Если в раннехристианскую эпоху Христос исцелял Своих служителей непосредственно наложением рук, то позднее в качестве лекарства использовали хотя бы облатку. Упадок христианства знаменует себя еще и в том, что люди боятся подхватить заразу во время причастия и в борьбе с болезнетворными микробами прибегают к индивидуальным кубкам и стерильным салфеткам. И мы теперь должны перво-наперво научиться с правильным настроением входить в комнату *всякого* больного, ни в коем случае не бояться болезни, но ни в коем случае и не примиряться с нею, нести с собою спасение и подсознательно распространять вокруг силу и здоровье, ибо мы принадлежим "Спасителю". Во всякой отдельной болезни необходимо видеть весь мир болезни целиком и бороться с ним — против него же обратится побеждающая воля Божия. Итак, мы вновь посередине между Востоком и Западом — *Востоком*, который смотрит на недуг фаталистически и покорно уступает ему, и *Западом*, который принимает недуг слишком всерьез, живет в постоянном страхе перед инфекцией, материалистически поверхностно

борется с бактериями и от усиленной гигиены в конце концов заболевает.

Находясь в комнате рядом с людьми, распространяющими вокруг себя проникнутую Христом атмосферу здоровья, можно наяву испытать, что есть здоровье в насыщенном и одухотворенном смысле. Мы не сможем прийти к победоносному христианству, если не приобретем и способности такого воздействия. Как лечит солнечный свет, так однажды начнет лечить и свет Христов.

Коль скоро мы уже представили себе в нашей медитации образ исцеления через Христа как всемирное событие, отца — как старое человечество, сына — как молодое человечество, болезнь — как фактическое состояние человечества, Христа — как великого помощника, то теперь, когда все это наполнено жизнью, следует своею волей перейти к Самому Христу и из Его души пережить, как прорывается воля: "*Сын твой здоров!*" Так мы становимся единой волею с Христом — против сил разрушения, и не только обретаем жизнь во Христе, но вместе с Христом созидаем жизнь.

Очень важно при этом снова и снова ощущать *чудесную святость воли*. Для людей нашего времени весьма характерно дискутировать о свободе воли, остроумно и настойчиво, теоретизируя и психологизируя. Но куда ценнее вживе прочувствовать *царственную силу воли* во всем ее великолепии. Не перестаешь быть Творцом, который, выражаясь сугубо по-человечески, имел мужество даровать человеку волю, способную волеять — даже наперекор самому Богу. Это — самый божественный из даров, полученных человеком. Прежде всего этим даром Он сделал нас царями и даровал нам от Своей собственной божественности. Пока что человеку нельзя было доверить слишком большую силу воли, чтобы не случилось беды. Однако по самому характеру устройства человеческой воли в ней заложено величайшее будущее. Она раскроется в единении с Христом, ведь дар Божества предназначен не затем, чтобы пропадать втуне, но чтобы процвести. Благодарная радость от великого дара, данного человеку, и от оказанного ему доверия — вот правильная основа настроения для упражнений воли. Данная нам воля есть как бы *призыв к божественному служению во вселенной*. "Да святится воля" — вот о чем мы размышляем и становимся от этого сильными и веселыми. Так и хочется сказать: "белая воля", как не без основания говорят о "белой магии". Это — постепенное вскипание гигантской божественной силы в человеке.

Добавим напоследок еще два совета, полезных для всех упражнений воли. Иоаннова молитва человекоосвящения говорит об Иоанне, смиренно носящем вокруг своей плоти Дух Отца. Такие слова вплоть до мельчайших их деталей суть не фразы, но неподдельная реальность. Наше тело окружает несущая нас вселенская воля. Из этого окружения мы можем черпать ее, медитативно вдыхать ее. Это соответствует утверждению духовной науки, что воля связана с человеком свободнее и слабее, нежели мышление или даже чувства. Воля окутывает нас как бы по границам нашего духовно-телесного бытия, она может быть осознана и развита до чистого, истинного величия. Не менее полезно ощущать волю особенно в руках и ногах. Не только волю вообще, но особенную волю, о которой мы здесь ведем речь. Нам эта воля открывается как нечто исконно здоровое и исконно сильное. В ногах это, скорее, сила стоять и ходить, также и в духовном смысле. В руках — сила творить и благословлять, опять-таки и в духовном смысле. Мы ощутим многообразный состав волевого существа человека и постигнем разницу между "правым" и "левым" в руках и ногах. Во всем этом перед нами ярче и ярче будут проступать контуры грядущего христианства: действовать вместе со Христом единою волей против всех сил разрушения!

10

Воспитание воли в человечестве, по сути, еще не начиналось. В воспитании духа царит полный дилетантизм. В воспитании чувств — полный хаос. Воспитание воли примитивно.

Это видно из любой книги, где читатель надеется найти хоть что-нибудь по такому поводу.

С другой стороны, участвовавшие случаи заболеваний воли: слабости воли, нерешительности, постоянных колебаний — свидетельствуют о том, что в этой области должно что-то произойти.

Здесь мы сразу полностью отметем все методы, которые подходят к недугу слишком поверхностно. Можно воздействовать на волю аскезой, дыхательными упражнениями, приемом определенных средств — все это поддержит органическую основу волевой жизни. Но духу нашего времени больше соответствует формирование воли из духовного центра человеческого существа — из "Я". Только тогда она будет полностью здорова и постоянно активна. Конечно, здесь человеку полезно исходя из своей свободы отказываться от определенных удовольствий. Он непременно заметит, как в результате уплотняется и крепнет его воля. Но отречение должно быть свободным, содержащим в себе нечто царственное, способное в любую минуту осуществить желание, но по самой природе духа не хотящее. Насильственность и привнесенные извне жизненные предписания легко вызывают застой, чреватый вредными последствиями и рецидивами. В древности, когда человеческое "Я" было развито еще слабо, дело обстоит по-другому. Сегодня с уверенностью помогает лишь отказ, который "Я" осуществляет во всякое мгновение, исходя из собственного свободного усмотрения. Такой отказ необычайно освежает жизнь воли.

Отвергаем мы и воспитание воли, представленное в иезуитских экзерцициях и аналогичных упражнениях. При этом мы вовсе не отрицаем, что они прекрасно школят и укрепляют волю. Они ломают своеволие, но ломают и собственно волю человека. Для времени, когда эти упражнения возникли, и для целей, каким они должны были служить, это понятно. Но им недостает внимания к становящемуся "Я" с его индивидуальными возможностями и задачами. Недостает бережности к зреющей в человеке свободе. Недостает взгляда на волю как на нечто царственное, действующее из "Я". Таким образом, эти упражнения формально развивают силу воли до высокой ступени, но ценой отсутствия свободного "Я", которое способно этой волей управлять. Они втискивают человека в униформу. В этой униформе он может интенсивно переживать чувство самости и полагать себя чем-то большим, и даже быть чем-то большим, нежели обычно. Но ничто не уводит человечество так далеко от истинной цели, как духовная униформа. По крайней мере в наше время. В иезуитских экзерцициях действует сила тысячелетнего оккультного опыта, но действует в эпоху, которая нуждается в ином. Иезуитские экзерциции консервируют среди нас средневековье, в том числе и там, где они, объединившись с модернизмом, завораживают многих людей. Можно сказать, к примеру, что они проповедуют Христа как земного царя, а не как Господа высшего "Я", опутывают человека целой системой догм прошлого, насаждают эгоизм и материализм, но, отвлекаясь от всего прочего, решающим обстоятельством для нас является паралич свободного "Я", а ведь только из "Я" и может прорваться воля. Предлагая современному человеку новые упражнения воли, мы должны в гораздо большей степени учитывать индивидуальную ценность каждого отдельного "Я". В противном случае возникает волевая масса, могущая подпасть под управление какой-либо силы, но не полнота божества, открывающая себя в свободных личностях. Опасности, ожидающие на этом пути, необходимо преодолеть.

Третий метод, о котором мы не станем здесь говорить подробно — это спорт. Конечно, между спортом и спортом существует много большее различие, чем думает любитель, для которого все виды спорта сливаются в "олимпийские" состязания современности. И свободный от предрассудков человек не может отрицать, что бывают спортивные упражнения, благодетельные для воспитания самодисциплины и уверенности в себе, черпающие из воли силу, быстроту, подвижность, выносливость. Но все это не идет дальше ограниченной телесной закалки и общего воспитания души, что отчетливо видно по тому, как некогда великие спортсмены впоследствии большей частью растворяются в

будничной жизни, не совершая в ней ничего значительного. Кроме того, в настоящее время заметна тенденция недооценивать неблагоприятные побочные воздействия спортивной сферы — честолюбие, погоню за сенсацией, страсть к рекордам, показуху, бездуховность. Лучшее, что делает для души спорт в том виде, в каком он сегодня практикуется, это общее воспитание человечества к порядочности в отношении соперника, к самообузданию общепринятыми правилами, к оглядке на других в жизненной борьбе. Необходимо, чтобы в отношении спорта, идущего с Запада, Центральная Европа демонстрировала не стыдливое подражание, но разумную критичность в отыскании истинного места этой сферы в развитии человечества. Тогда можно будет в совершенно другой атмосфере говорить о том, что достижение телесных целей, делая достигнутое очевидным, придает уверенность человеческой воле, что телесная подтянутость и крепость создают совершенно иную основу для волевой жизни.

Мы стремимся к воспитанию воли, происходящему изнутри. Рудольф Штайнер рекомендовал в этом смысле простое упражнение: в ближайший день предпримите что-нибудь вполне определенное, но диктуемое не распорядком дня, а совершенно свободной волей. Например: завтра в семь вечера я возьму с моего заваленного стола книгу и поставлю ее на место в шкафу. Предприятие может быть, на первый взгляд, и сумасбродным, например: в семь вечера я высуну руку из окна. Подобные бессмыслицы даже предпочтительнее, потому что поступок не испытывает никакого давления ни извне, ни со стороны разума, а напротив, полностью исходит из свободной воли. Можно заметить, как благодаря таким скромным упражнениям, если добиться, чтобы они в свой час сами подавали о себе весть из бессознательного, приходит переживание царственной силы свободной воли. Переживание небольшое, но обвеянное предчувствием отдаленного будущего человечества.

В другом месте Рудольф Штайнер советовал бороться с дурной привычкой забывать, куда положена какая-либо вещь, но бороться не обычным способом, когда ее регулярно кладут на то же место, а как раз наоборот: постоянно сознательно класть ее в разные места и стараться запомнить, где она находится. Вне всякого сомнения, в психиатрии будущего подобные простые средства обнаружат много более глубокий лечебный эффект, чем принято считать сегодня.

Есть у нас и еще одна цель. Для начала весьма полезно представить себе в душе различные виды воли. Существует сильная воля, которая способна энергично пробиться сквозь препятствия, но легко ослабевает, и существует долгая воля — выражение принадлежит Ницше, — которая на протяжении продолжительного времени преследует свою цель и растет под воздействием неблагоприятных обстоятельств. Бывает воля подвижная, гибко приспособляющаяся к различным положениям, и воля косная, не способная менять свои средства. Есть воля осознанная, живущая в ярком свете познания, и неосознанная, о которой мы сами ничего не знаем, хотя она властвует нашими поступками. Есть воля привычки, действующая на основе приобретенных обучением или унаследованных душевных комплексов, и воля оппозиционная, постоянно встречающаяся общепринятое в штыки. Есть воля коллективная, которая очень сильна в индивидуе, если он знает, что разделяет ее с другими, и воля экстравагантная, которая теряет всякую радость от самой себя, если кто-нибудь другой одобряет предмет ее стремлений. Есть воля прямая, идущая к своей цели кратчайшим путем, и воля "кривая", осуществляющая свои намерения в обход. Есть воля, ориентированная на внешний мир, не задумывающаяся о том, что нужно добиваться чего-то внутренне, и воля, ориентированная на внутренний мир, охотно оставляющая все внешнее без перемен, если это способствует достижению внутренних целей. И так далее, и так далее. Сначала нам нужно научиться видеть, что в этой области есть все что угодно. Тогда мы внутренне сумеем лучше понимать самих себя. Главная опасность для воли — стать бездуховной, продолжать действовать в полную силу, даже если воззрения, из которых она родилась, подлежат изменению. Воля бездуховна и тогда,

когда не основывается на глубоком понимании. В особенности бездуховны два заблуждения, в какие, как можно обнаружить, воля впадает чаще всего, — материализм, или эгоизм, или то и другое сразу. В первом случае она придает слишком большое значение земному в мироздании, во втором случае — единичному "Я". Все те же ариманические и люциферические заблуждения, какие мы встречали повсюду. Идеал — сильная и долгая воля, во всякое мгновение свободно предоставляющая себя в распоряжение человека, подвижная во всякой ситуации и в то же время постоянно мобилизованная ради высоких целей.

Мы обречем ее, если сознательно взглянем в нечеловеческие силы супостата, если наперекор им примем в свою волю цели Христовы, если будем смотреть на Христа как на образец. Так мы с должным размахом исполним мировой закон, гласящий: воля возрастает на великих целях, на великих примерах, на великих препятствиях.

Среди людей самая могучая из сил супостата зовется *злом*. Но в сегодняшнем христианстве "грех" рассматривается почти исключительно в аспекте прощения. Сколь ни справедливо все, что об этом говорят, есть и другой взгляд на зло, в котором открываются последние глубины и высоты христианства. Зло понимается как сила, необходимая для становления добра. Где нет зла, строго говоря, нет и добра. Зло должно возрасти до полного своего величия и ужаса, чтобы тем самым до полной своей силы и величия возвысилось добро. И если удастся внутренне противопоставить злу превосходящую силу добра, тогда станет возможно преобразить это зло. Тогда сила сопротивления претворится в тем большую силу божественного добра. Кто *познал* зло во всей его противобожественности, тот глубочайшим образом познал Бога. Кто *прочувствовал* зло во всей его отдаленности от Бога, тот лучше всех знает, что такое любовь. В том, кто в мятежном упрямстве горячо *возжелал* зла, могут раскрыться огромные силы для совершения добра. Так зло окажет развивающее действие на дух, чувства и волю человека.

Апостол Павел не раз затрагивал подобные мысли. Иные вопросы, возникающие отсюда, он отметал словами: "И не делать ли нам зло, чтобы вышло добро, как некоторые злословят нас и говорят, будто мы так учим? Праведен суд на таковых" (Рим., 3: 8.). Последнее его решение таково: "Не будь побежден злом, но побеждай зло добром" (Рим., 12: 21). К таким выводам Павел мог прийти лишь благодаря тому, что он видел во Христе, — превосходство добра *над* злом, все более мощное откровение добра *в ответ* на зло, преодоление зла *посредством* добра — как, например, в душе Иуды и в душе самого Павла.

Именно манихеи — в контексте того, что персы изображали как борьбу света против тьмы, — стали смотреть на зло с этой действенной позиции и тем подготовили далекое будущее человечества, когда такое христианство однажды одержит верх. Согласно Рудольфу Штайнеру, произойдет это на основе, которая заложена прежде всего в духовном существе русского народа.

Однако уже сегодня пришло время людей, которые смотрят на мир зла с высоты такого духовного величия и видят в нем не просто что-то не имеющее право на существование или подлежащее прощению, но некий мир, где как бы погребены и необозримая полнота глубочайшего богопознания, и могучая любовь к Богу, и героическое богослужение. Здесь нужны неустрашимый взгляд прямо в глаза злу в его крайней чудовищности, и твердая уверенность, прочно основанная на превосходстве добра над злом, и героическая решимость, которая перед лицом злобы не только, как в прошлые времена, взыскует "теодицеи", "богооправдания", но берет это "богооправдание" в свои руки и осуществляет собственными делами, отвоевывая добро у самого зла. Такие люди, поставленные среди царства зла, чувствуют себя на своем месте. Они знают, что именно там необходимы энергичные борцы за добро. Они не жаждут для себя внешне покойного мира и тихого "счастья", пока человечество выглядит так, как теперь. Даже если успех на первый взгляд невелик, они формируют собственную деятельность как участники

божественного преодоления зла.

Здесь, высвечивая каждую частность, приходит на помощь основополагающий и не раз уже упомянутый вывод Рудольфа, Штайнера, что во вселенском развитии сила супостата присутствует в виде двух заблуждений — с одной стороны, в виде силы, которая замыкает человека в эгоизме и прививает ему (порой и в формах высокой духовности) стремление к личному благоденствию, а с другой стороны, в виде силы, которая направляет человека к земному и держит в плену земного бытия с его тяготами и помрачением. Эти две силы еще в Новом Завете отчетливо различаются как искуситель (диавол) и князь мира сего (сатана). Чем яснее человек видит эти основные силы, чем отчетливее распознает их под внешними масками и многообразными нарядами, тем сильнее он ощущает себя соратником Божиим, призванным к мировому служению. Такое сознание не имеет ничего общего с обывательскими суевериями. Это — пробуждение, прозрение к первоосновам мира. Идет борьба за человека и за землю, уже не против "плоти и крови", но "против начальств, против властей". Человек знает, что против этой силы необходима величайшая бдительность. И чувствует, что победа над ними уже *достигнута* в нас, в решающей битве завоевана *Христом*.

Борьба, о которой мы говорим, требует высочайшего героизма, на какой мы, люди, вообще можем решиться. Если искать медитативный образ, чтобы оживить в нас такой героизм, то поначалу мы, пожалуй, не отыщем в Новом Завете ничего полностью отвечающего нашей потребности. Можно бы обратиться к истории искушения. Но поскольку зло встречается нам прежде всего в людях, а не в духах, поскольку оно выступает скорее как внутренняя хворь, а не или еще не как сознательное устремление против божества, поскольку люди больше поддаются злу, нежели присягают ему, то все составляющее нашу исходную задачу можно увязать с третьим "чудом" Христовым в Евангелии от Иоанна — исцелением расслабленного (Ин., 5: 1 — 16; в немецком переводе Библии: страдающего подагрой. —Ред.). Подагра тесно связана с греховной сущностью человечества, закосневшей в земной жизни. Недаром Христос со всею настойчивостью говорит подагрику: "Не грехи больше, чтобы не случилось с тобой чего хуже". И когда мы рассматриваем описание купальни Вифезда, перед нами вновь отчетливо, как наяву, предстает древняя религиозность. Пять крытых ходов (галерей) в древности соотносили с Пятикнижием Моисеевым. Люди, исповедовавшие дохристианские религии, обитали в прочных религиозных формах, как в домах, что для них построены. Если они совершали "грех" — так сказать, в доме своих пяти чувств, — то существовали омовения и очищения, освобождавшие их от скверны. Однако мощь этих целительных сил слабела — подобно тому как в Вифезде сила купальни уже была невелика, — и в эту религиозность проник эгоизм, недаром в Вифезде больные себялюбиво спорили, кому воспользоваться помощью.

Приходит новый вид помощи. "Говорю тебе!" — как часто эти слова Христовы в Евангелии наполнены особым смыслом. Из Его чистого "Я" вырывается сила, прежде обитавшая в воде, возмущаемой божеством. Этому "Я" нужно "верить", т. е. действительно следовать полученному от него впечатлению. Такая вера в "Я есмь" — это сила, которая победоносно сражается как с тянущей вниз властью земли, так и с влекущей прочь властью себялюбия, как с сатаной, так и с диаволом, как с Ариманом, так и с Люцифером. На обе эти силы и на то, как с ними поступать, указывают слова, которые Христос обращает к расслабленному. "Встань" — сила выпрямления, исходящая от Христа и противостоящая сгибающей власти земли. "Возьми постель твою и ходи" — сила новой связи с землей, выступающая навстречу влекущей прочь силе себялюбия. То, что должно исходить от нас навстречу "греху", и есть именно эта двойная сила. На грешника должно смотреть не как на человека дурного, но как на хворого. Вот почему нам следует не ниспровергать его, но поднять из земного праха. Вот почему следует не только освободить его от недуга, но и помочь "нести постель" — претворить выпавшую ему судьбу в силу. Не упрекать, но позволить целительным и помогающим силам воздействовать на него.

Проповедовать не только прощение греха, но струить силу воскресения. Грех и *есть* великая расслабленность человека. Открывшись целительной силе, которая выпрямляет его, человек обретает в ней и ту силу, что поможет ему нести "постель". Лишь исподволь он осознает совершенно новое отношение к "греху", выраженное в этих словах.

И вновь мы между Востоком и Западом. *Восток* ощущает, собственно, всю природу как грех и стремится полностью избавить человека от связи с землей. Но таким образом остается неузнанной вся серьезность зла, которое погубило в человеке истинную его природу и предало его во власть болезни и смерти. На *Западе* отнюдь не утверждают, что сама природа есть грех, напротив, здесь склонны толковать всякий грех как природу и прощать его. А это тем более не дает человеку осознать серьезность его положения в мире. Когда от нашего существа исходит призыв: "Встань и ходи в силе, данной тебе твоим прошлым!", когда этот призыв проникает во всякое слово и дело, тогда в нас живет победительное отношение ко злу. К страдающему половыми отклонениями и к лжецу, к эгоисту и материалисту обращен этот призыв. "Встань и ходи!" — провозвестие Христово.

Итак, в духе мы видим перед собой человечество таким, как оно описано в Евангелии (Ин., 5), — великое множество слепых, расслабленных, глухих, иссохших, мучимых всяческими болезнями. Мы еще не видим здесь силы сознательного противостояния Богу. Ведь и сегодня в большинстве случаев люди не таковы. Просто толпа больных, не умеющих помочь себе. Они по-прежнему живут в старых домах, которые им построили минувшие времена. Однако древняя религиозность, символизируемая купальней Вифезда — "Дом милосердия", — уже мало им помогает. И вот теперь вместо воды приходит "слово". Но это слово должно прозвучать из "Я". И это "Я" должно жить исходя из Христа. Знание, что истинный воин мировой битвы пришел не затем, чтобы ниспровергать злого, а затем, чтобы поднимать из зла, — вот первая тайна Христова в борьбе против темной силы. Другая тайна состоит в том, что нужно не только избавить злого от его недуга, но укрепить его таким освобождением и тем избавить само зло. Грехи становятся учителями судьбы, тяготы — живой силой. "Встань, возьми постель твою и ходи!" Так, без долгих разговоров о "грехе" вообще, живет в нас божественная сила, которая вновь совершает то, что произошло с нами в детстве, но теперь — она обучает нас стоять и ходить духовно-этически. Это — правильная борьба с "грехом".

Глядя на эту силу, желающую действовать через нас, мы освобождаемся от фарисейства, от гордыни и страсти к упрекам. Чем упорнее противостоящее нам зло, тем большая воскрешающая сила поднимается в нас. Этот способ воздействовать на зло в корне отличен от воздействия посредством закона и суда. Здесь больше нет Моисея — только Христос. В далеких грядущих столетиях человеческой истории произойдет великая битва со злом, когда сторонники зла будут действовать большей частью черной магией. В том, что сказано здесь, заложено зерно самовоспитания, ведущего к белой магии.

Положение христианства в мире было бы совсем иным, если бы в людях утвердился подобный образ мыслей. И тот, кто открывается воздействию слов, произнесенных Христом в связи с этим чудом выпрямления (Ин., 5), положит начало постепенному формированию в себе такого образа мыслей.

Так Христос сам вступил в миры зла. Достаточно рассмотреть какую-нибудь из историй, вроде той, что рассказана о Закхее (Лк., 19), чтобы понять суть борьбы, которую ведет Христос. Поначалу о прошлом Закхее вообще не говорится ни слова. Все происходит через откровение сущности Христовой. Но это откровение сущности необоримо. И вот Закхей восстает из своего прошлого благодаря поступку, каким он претворяет это прошлое в благодеяние. То же Христос являет и в историях о прелюбодейке, о великой грешнице, о блудном сыне и во многих других. Живое ощущение Христова обращения со злом необычайно освобождает. Разговоры о "грехе" — дело второстепенное, и часто в них нет никакой нужды.

Там, где мы видим в мире зло, нужно за каждым отдельным злом постоянно видеть

весь чудовишный мир зла, с которым надлежит бороться, и со всей ответственностью осознать свое соратничество с добром. Затем, глядя на Христа, можно вызвать в памяти главное, к чему Он призывает: зло должно встречать двойною силой, которая изнутри выпрямляет человека, а само зло преобразует в жизненную энергию. Так мы зайдем правильное положение в мировой битве. Эту бесконечно величественную черту воли можно развить благодаря нашей медитации.

Если мы намерены принести небо на землю (первое чудо), мы выступаем против мира болезни и преобразуем ее в здоровье (второе чудо), а выступая против мира греха, претворяем его в силу воскресения (третье чудо). Теперь нам навстречу выступает новый мир — мир *бедствий* (Ин, 6: 1-15).

Поистине благодетельно для нашего времени, что есть у нас и эта история о насыщении Христом пяти тысяч. Ибо собратья наши из глубин бытия вопрошают прежде всего об этом: какое слово есть у вас против наших бедствий? Они страдают от непосредственных житейских бедствий и жаждут почти исключительно их смягчения. И "христиан" упрекают как раз в том, что те совершенно не видят этих жизненных нужд, а если видят, принимают недостаточно всерьез или же, принимая всерьез, располагают для борьбы с ними слишком незначительными средствами. Вот почему очень важно рассмотреть такую историю, как насыщение пяти тысяч. Христос *видит* бедствия. "Где нам купить хлеба, чтобы накормить?" Он не произносит речей о том, сколь второстепенны земные блага по сравнению с благами небесными. Не осуждает легкомыслия масс, которые не подумали, что надо запастись едой. Не связывает Свою помощь ни с какими условиями. Он *помогает*. Он видит людей в бедствии и дает им то, в чем они нуждаются, а не только то, что Сам Он считает необходимым.

Если бы люди обрели этот Христов взгляд на людские бедствия, для решения социального вопроса давно было бы сделано все необходимое. Да и сам социальный вопрос, как он стоит сегодня, пожалуй, никогда бы не возник. Ведь это поистине обвинение слепоте и слабости христианства в человеках. Но *вправду* ли взгляд Христов есть действенное средство против социальных бедствий? Достаточно подумать лишь об одном факте: богатые и бедные в больших городах селятся в разных кварталах. Богатые не могли бы жить так, как они живут, если бы изо дня в день видели вокруг себя бедствия неимущих. Им требуется защита, чтобы не видеть окружающей нищеты. Эгоистом можно быть, только если добровольно ослепишь себя. В этом притворстве заключено глубокое знание об общности человечества. В глубинах своей жизни каждый так связан с другими, что может быть "счастлив" вопреки бедствиям других, только если бессознательно или сознательно прибегает к насильственному самоослеплению.

Вот почему истинно Христово решение: я хочу видеть окружающую нужду!

Этим решением мы объявляем себя сторонниками образа мыслей, согласно которому человек не желает счастья себе, если видит других несчастными. Он возвышается над собственными бедствиями и живет общей нуждою. Это решение окончательно отвергает эгоизм и то христианство, которое готово наделить блаженством лишь отдельных представителей человечества. Люди инстинктивно чувствуют — и это часто их отпугивает, — что им еще не по силам видеть всю меру человеческих бедствий и надо сказать спасибо за то, что всего не видишь, тогда можно жить и помогать. Сколько имеет в себе человек от мира Христова, от "неба", столько и сможет он взять на себя от бедствий нашего мира. И это не "счастье" в сентиментально-мещанском понимании, но горный мир, который жив сам собою и способен раздавать себя и приносить в дар. Человек лишь тогда вживе испытает насущную необходимость медитации, когда ежедневно будет чувствовать, что ему должно укреплять в себе "небо", — иначе он будет побежден землею и ее бедствиями. Тогда можно будет все решительнее ополчаться против этих бедствий и бороться с ними все более широким фронтом.

Так что же именно заповедал Христос людям для оказания помощи в бедствии?

Собственно, здесь-то мы и подступаем к самому трудному в нашем повествовании. Его истолковывали всевозможными тривиальными способами. К примеру, говорили, что мужественная вера в Провидение, с которой Христос позволил народу собраться вокруг Него, пробудила во всех присутствующих чувство братства и беззаботную общительность — и вот этого оказалось довольно! Сколь ни мало подобное объяснение затрагивает суть этой истории, все же оно справедливо, пожалуй, для одной из сторон дела, ведь в социальной жизни людей обстоит так, что в большинстве случаев и не было бы вообще никаких бедствий, если бы руку дающего не удерживали эгоизм и бессердечие, слепая тревога и страх. В Общине христиан мы не раз видели, что в час беды все необходимое всегда оказывалось под рукой, если только доставало мужества признать, что "завтрашний [день] будет заботиться о своем".

Если мы спросим Рудольфа Штайнера — а только он один умел сказать об этих библейских историях необходимое и полезное, — что же, собственно, тогда произошло, в чем необычайность случившегося, пробудившая в людях желание сделать Христа царем, то мы узнаем, что думать здесь нужно не о чудесном умножении хлебов, но об исходящей от Христа жизненной силе, каковою люди насытились. В который раз уже мы приблизились к тайне, что человек способен черпать потребную ему жизненную силу не только из пищи, но и непосредственно из мироздания. Хотя ныне это возможно лишь в определенных пределах, все же такие явления, как Тереза из Коннерсройта*, вновь и вновь указывают на подобные факты. Нам кажется, следует совершенно всерьез принимать признания вроде: "Моя пища есть творить волю Пославшего Меня". Что Христос не только насыщался Сам, но мог насытить и других (пусть и в исключительных случаях), с этой точки зрения отнюдь не удивительно.

Однако тут мы вновь приходим к той разновидности помощи, какую нищета с возмущением отвергнет. Нам скажут: вы твердите, что существуют некие духовные предметы, которыми нам следует утолять голод! Но вы же просто прикрываете этим свое

* Имеется в виду Тереза Нойман (1898—1962), которая была прозвана Терезой из Коннерсройта и у которой с Пасхи 1926 г появились стигматы.

желание вновь оставить все материальные блага себе! И хотя вполне справедливо, что для человека, способного питаться из духа, земные блага мало-помалу теряют свою важность и существенность, мы тем не менее не вправе застревать на этом пункте хотя бы и ради самих себя, если хотим жить с нашим временем и оказывать ему помощь. Мы обязаны глубже проникнуть в эту историю.

Христос видел бедствия. Глядя на них и вживе их ощущая, Он пробудил в Себе силу, с помощью которой они могли быть преодолены. Остановимся сначала на этом общем положении. Человек содержит в себе несчетные возможности, а равно и средства, с помощью которых можно одолеть любые бедствия. Он должен только *захотеть*. Средства присутствуют в его мыслящем духе, в его спасительной сущности. Вселенная — это огромная аптека, где найдутся снадобья для исцеления любого недуга. Человек должен их отыскать. Нам нужно пробудить в себе веру, что Христос сотворит из Себя в нас снадобье от любого бедствия, если только мы вправду воспримем в себя это бедствие, точно так же, как достаточно крепкое человеческое тело вырабатывает в себе средство от всякой болезни. Это, конечно, не панацея от конкретных невзгод с жильем, работой, в браке. Прямо ожидать этого от медитации вовсе не следует. Но у нас будет источник инспирации, из которого нам будет дано все, в чем мы нуждаемся. А это много больше, чем мы видим издалика.

Итак, нам нужно пробудить и укрепить себя для выполнения своих социальных задач, говоря себе в медитации: представь себе человечество, собравшееся там, на горе. Представь себе тысячи умоляющих глаз и бедствующих душ. Поклянись себе на этом

образе, что никогда не отведешь глаз ни от какого бедствия человечества, что будешь открыто смотреть на происходящее в человечестве, даже если это причинит боль твоей жизни. Поклянись себе, что примешь все в свою душу, открытую людским бедствиям, думающую о них, борющуюся с ними. Укрепись в вере, что Христос в тебе из Своего существа отыщет средство против бедствий. Осознай, что этот дух есть средоточие инспирации, из которого только и может прийти истинная помощь. *Претвори бедствие в любовь*. Не в слепую мимолетную любовь, не в тщеславную любовь-подачку, но в духа-спасителя, который лишь растет и крепнет от бушующих вокруг него бед. Тогда ты по своему совершишь чудо помощи, которое совершил Христос на горе, и обретешь то высочайшее, что ты вообще способен содействовать в помощь от бедствий человечества.

Хотя в такой медитации не содержится никаких частных советов, мы безусловно делаем наилучшее из того, что можно сделать для разрешения социальных вопросов. Вокруг этой медитации, по всей вероятности, образуется некое ядро "религиозного социализма", от которого будет исходить удивительная сила социального мировоззрения — бодрость, воодушевление, выносливость. Из него родится великое множество живых инспираций. Возможно, начнется изменение самого христианства, дух Христов глубже овладеет людьми, и борьба с социальными недугами более не станет уделом индивидов с их малыми средствами и группировок с их поверхностными средствами, а будет понята в духе мировой борьбы, которую ведет Христос. Не так, что христианство потеряет себя в той или иной политико-экономической форме сегодняшнего социализма и захиреет ему в угоду, но так, что оно станет живой силой воли во всех событиях борьбы против великих бедствий человечества. Нам нужно большее христианство. Христианство социальное. Христианство, активно выходящее во внешний мир. О нем-то мы и говорим. В нем присутствует Сам Христос, который желает нашими глазами видеть бедствия человечества и действовать в наших душах, тесня нужду, подавая помощь.

11

К божеству стремимся, призывая, — И оно покинет свой престол!*

(* Фр. Шиллер. *Идеал и жизнь*. Перевод А. Кочеткова.)

Эти слова Шиллера могут стать девизом для наших последних медитаций воспитания воли. Божество царит *над* нами до тех пор, пока не воцарится *в* нас. Но тогда царим и мы вместе с ним. Отсюда происходит царственный жизненный настрой, обретаемый нами в этих медитациях. Майстер Экхарт сказал однажды, что хотел бы "вечно вершить вместе с Богом Его работу". Высокое чувство, которым рождены эти слова, можно ощутить в каждой из предложенных нами медитаций воли. Да и всякая медитация может завершиться этим решением. Человек чувствует себя сотрудником и другом Божиим. Но именно это чувство, при взгляде на нашу слабую силу, ведет к истинной скромности.

Тем самым дан и ответ на вопрос, который частенько задают: "Не мистика ли то, чем вы здесь занимаетесь?" Под "мистическим" сегодня разумеют практически все, что чувственно неясно. Но когда-то мистика была серьезным путем, который через погружение в собственную душу позволял достичь божественной первоосновы и соединиться с нею. Это возможно, если человек способен отключить чувственные впечатления. Тогда ощущения высокого счастья пронизывают его внутреннее существо. Мистики всех времен повествуют об этом в гимнах. Но божественное, так обретенное человеком, остается обобщенным. Единое, Безграничное, Блаженство — вот те радости, какими полнятся песни мистиков у всех народов и во все века.

Мы же ищем в человеке *не душу*, но "Я". Мы ищем это "Я" не в *смутных ощущениях*, но стремимся к *его просветлению Христовым "Я"*. Мы ищем *не единения с первоосновой мира в блаженстве*, но стремимся *наполнить это "Я" божественной вселенской волей*, присутствующей во *Христе*.

Другой вопрос гласит: "Где в Новом Завете говорится о медитации? Христос четко и

ясно говорит только о молитве и от учеников Своих хочет только молитвы!"

На этот вопрос, поставленный теперешним христианством, у нас есть три ответа. Всякий знает слова, сказанные о Марии: "Мария сохраняла все слова сии, слагая в сердце своем". Трудно дать более точное определение медитации.

Человек "сохраняет" слово в своей душе и "слагает" его, двигаясь вместе с ним. Образ этого есть драгоценный камень, который так и этак поворачивают в сиянии солнца, и он открывается во всех своих подробностях, и солнце в нем становится зримо. Когда человек слагает в своей душе слова Христовы: "Я... есмь... свет... миру" и сам движется вместе с ними, когда позволяет им пребывать в своей душе, подобно тому как пребывает перед глазами драгоценный камень, пока его рассматривают, — тогда он медитирует. Именно эти слова о Марии могут стать подспорьем для медитации.

Есть у нас и второй ответ. Христос в Евангелии от Иоанна говорит: "Если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики". Если заглянуть в подлинник, то там сказано больше. Лютер, конечно, воспел хвалу Иоаннову Евангелию — "редкостному по своей утонченности главному Евангелию". Но в его эпоху именно глубины Иоаннова духа взгляд примечал еще не повсюду. Если мы переведем написанное там на наш язык, то нам, пожалуй, следовало бы сказать: "Если будете жить в Моем жизнеслове, тогда вы поистине Мои ученики". Еще обстоятельнее, но и проникновеннее, можно это выразить так: "Если вы будете иметь вечное жилище в божественном, творящем Слове, которое есть Я, тогда вы поистине ученики моего Я".

Чем глубже мы вникаем в Евангелие от Иоанна, особенно в прощальные речи Иисуса, тем яснее видим, что путь на небо, который Христос указывает Своим ученикам, это Его "Слово", в полном согласии с откровением о "Слове" в начале. Но имеется в виду не только слово, возвещаемое в проповеди, но слово, звучащее и творящее в душе, слово, в котором живет и действует Сам Христос. Это — Слово творения, а не только Слово провозвестия. Медитировать — значит позволить "Слову" быть и самому пребывать для Слова. Позволить Слову творить и самому преобразиться в Слове. Так исполняется последняя заповедь, которую Христос дал ученикам Своим — идти путем, который Он указал; так Христос продолжает жить и пребывать в душах.

Но как же обстоит с "Отче наш" — новой молитвой, которую Христос дал Своим ученикам? Именно этого касается наш третий ответ. "Отче наш" — ярко выраженная молитва-медитация. Идеальное единство молитвы и медитации. Всем своим существом она воспитывает в нас способность предаваться душой молитве-медитации. Фрилинг в своей статье «Строение "Отче наш"» ("Die Christengemeinschaft", August 1929) говорил об этом в связи с первыми тремя молениями. Действительно, серьезное погружение в молитву "Отче наш" само собой ведет к медитации. Тогда впервые возникает ощущение, что не стоит всякий раз произносить "Отче наш" целиком, а тем более по многу раз кряду, но как раз наоборот — лучше по одному молению в день или даже одно из первых трех молений в течение нескольких дней, а то и недель. В конце концов человек полностью проникается настроением: о, если бы я хоть раз мог прочувствовать первое моление так, как оно звучало в душе Христа! Он работает над тем, чтобы душа его стала такой, чтобы она в самом деле могла произнести это первое моление, он позволяет самому молению работать над этим. А это уже медитация.

К сказанному Фрилингом я хотел бы добавить, что и с последними молениями обстоит не иначе. Кто возьмет мою книгу об "Отче наш", тот увидит, как, занимаясь четвертым молением "Хлеб наш насущный дай нам днесь", мы все яснее понимаем, что это моление не столько о хлебе насущном, сколько о новом человеке, который во всех отношениях верно стоит в практической жизни и наделен всеми качествами, необходимыми в повседневности. Тридцать лет назад, когда сам я еще мало что знал о медитации, это моление вынудило меня именно так преподать его детям на уроке закона Божия. Но и моление "Оставь нам долги наши, как и мы оставляем должникам нашим", — если мы

примем его всерьез, особенно вторую его часть, то сей же час заметим, какого воспитания духа оно от нас ждет. А о том, что первая половина "Оставь нам долги наши" — не просто прошение о божественном отпущении, но стремление обрести оное, говорил еще Лютер. Прощение "Не введи нас во искушение" тоже стало бы понятней, ближе человеку и не давало бы особенного повода для догматических проблем, если бы воспринималось более медитативно, если бы в нем видели не столько выражение личного желания, сколько жажду увидеть божественную духовную истину, личное ощущение божественного водительства. И наконец, последнее моление "Избавь нас от лукавого" — ведь никто не верит, что это его моление может исполниться не сегодня завтра. Вселенская цель воздвигается над нами, мы испытываем ощущение Божественной воли и всем существом принимаем ее.

Да, "Отче наш" — поистине медитативная молитва. Всею своей сущностью она ведет от обычной молитвы к медитации, а тем самым — к высшему роду молитвы. Хотя Христос не употреблял нашего слова "медитировать", Его воля ясна, Его воспитание очевидно.

Люди бы меньше возражали против медитации, если бы лучше умели молиться, прежде всего *той* молитвой, которая поистине есть молитва, подводит итог всем прошениям. Такая молитва — поклонение. О поклонении как о конце мировой истории и как о жизни небесной величественно повествует Апокалипсис.

Жаль, в нашем родном языке нет подходящего слова для медитации. Правильным переводом — если бы это слово не было отягощено слишком узким употреблением — было бы "благоговение", "преклонение". И всякая медитация, начинаясь внешним и формальным (что для современного человека нередко единственно возможное и честное), в конечном счете есть не что иное, как благоговение. Благоговение ведет к поклонению, т. е. к молитве, совершаемой всем существом и в основе своей обращенной к небу.

Продолжая воспитание воли, мы полагаем необходимым еще одно особенно ценное и освобождающее упражнение, построенное на следующем чуде Христовом — хождении по воде (Ин., 6: 16-21).

Что тогда произошло с учениками? Чтобы наше волевое упражнение было действенным, нужно в этом разобраться. Народ хотел сделать Христа царем. Ученики в этом не участвовали. Но и быть подле Христа еще не могли. Он удалился на гору, "удалился... один", это опять-таки образное свидетельство, что в глубине Своего существа Он был совершенно одинок. Из народной души, из групповой души ученики уже высвободились. Однако они еще не нашли нового центра, чтобы примкнуть к нему. В такие времена на душу нападает страх и чувство одиночества, глубокое внутреннее беспокойство. Это чувство знакомо тем, кому довелось отринуть воззрения своей семьи и в одиночестве искать собственный путь. Они похожи на учеников, которые чувствуют, как их швыряют бурные волны жизни, и все же не хотят и не могут повернуть назад, но стремятся к другому, еще невидимому берегу.

То, что происходит тогда в душе, можно обобщить одним словом, которое опять-таки охватывает большую область бедствий и зла; это слово — *слабость*. От такой слабости человек недостаточно активно отстаивает то, что познал как истину. От такой слабости приходит чувство одиночества. От такой слабости приходит многоликий страх, который властвует человечеством и терзает душу много сильнее, чем заметно снаружи, — страх перед будущим, страх перед собратьями в человечестве, особенно перед теми, кто сильнее нас, страх перед нами самими и перед тем, что живет в глубине нашей души, страх перед болезнями или чрезвычайными событиями, страх перед смертью и посмертной судьбой, страх перед всяческой неизвестностью, которая поджидает нас. Поэтом такого потаенного страха души человеческой был Метерлинк. Но лишь начиная освобождаться от этого страха, замечаешь, как свирепствует это поветрие страха среди людей и какие разрушения творит — вплоть до телесной сферы. Страх порождает шоковые состояния, большие и малые, осознанные и неосознанные, от которых человек заболевает и теряет силу.

Необходимо знать об этом сокрытом бедствии человечества, чтобы серьезно отнестись к последующему упражнению.

Но сначала поставим вопрос так: как освободиться от страха? Существует ли полное бесстрашие? О природной храбрости мы не говорим. В ней слепота, и хмель чувств, и ощущение телесной силы, и естественный порыв, и проч. Нет никакой гарантии, что она разом не перейдет в страх, если увидит реальную опасность или если рухнут естественные ее основы. Мне часто приходит на память история о двух офицерах, один из которых сказал другому: "Э, друг мой, да вы дрожите! Вам страшно!" На что другой отвечал: "Если б вам было так страшно, как мне, вы бы давно сбежали отсюда!" Два в корне различных вида храбрости.

При всех обстоятельствах мы можем быть свободны от страха, только если знаем, что надежно защищены, или если совершенно не дорожим собою. Эти пути соединяются, когда мы полностью жертвуем своим низшим "Я", но живем ради "Я" высшего. В этом "Я", в его существовании заинтересован сам божественный мир, а не только мы лично. Нам необходимо узнать, сколь уверенно чувствует себя человек благодаря такому настрою. "И хоть бы миром правил черт!" Люди, чувствующие себя не жалкими ничтожествами, но сознающие богатство своего внутреннего мира и все же в минуту величайшей опасности живущие *над* всяким прахом, — вот истинные воители в мировой битве. С такими людьми можно перевернуть мир. В них нет страха. Они чувствуют, что такое свобода, и тем самым постигают, что значит поистине быть человеком, постигают непреходящее благородство "Я". Каким же образом достигается такое бесстрашие?

Здесь нам поможет история о хождении по воде. "Это Я, не бойтесь". Известно, что в греческом тексте, собственно, стоит: "*Я есмь*, не бойтесь". Соблюдая нормы немецкого языка, Лютер не мог перевести иначе. Но греческий текст глубже проникает в реальность. Мы теряем всякий страх, когда смотрим на "Я есмь" Христа, который собирается вступить на корабль нашей жизни. В любое мгновение нашей жизни мы можем отринуть всякий страх, если только для нас важно это "Я есмь". Пусть нас сокрушат и растопчут, пусть раздерут на части — ради этого "Я есмь" мы живем. Христос, чье "Я есмь" звучит в нас, сохранит в нас Себя, если будет на то Его воля. Подлинная жизнь, но и подлинная борьба ради жизни начинается, когда в нас живет этот дух.

Однако теперь, когда мы заняты воспитанием своей воли, речь не о том, чтобы нам самим стать бесстрашными. Это лишь предпосылка, которую нужно создавать снова и снова. Мы можем выискать страх в самых отдаленных уголках своего существа и изгнать его. Но сейчас речь о том, что нам предстоит встреча с человечеством, которое взбудоражено тайным страхом, которое из-за тысяч слабостей не может жить, которое внутренним беспокойством подрывает свои силы и потому не может направить их на жизненные задачи.

Итак, в медитации мы видим перед собою людей, которых бурное море жизни швыряет будто щепки, подобно тому как волны моря Галилейского швыряли лодку учеников. Снедаемые страхом и беспокойством, эти люди ослабляют свою жизнь, желая ее защитить. Таков мир. Таковы люди. Мы же, напротив, попытаемся вжиться в образ Христа, идущего по воде и говорящего: "Я есмь, не бойтесь!"

Скажем здесь: мы считаем, что рассказ этот повествует не о внешнем происшествии, но о том, что ученики созерцали духовными чувствами, которые отверзлись в них под утро, после ночных волнений. Ученики узрели духовную реальность. *Подлинную* духовную реальность. И увидели глубокий смысл явления Христа в истории человечества, а одновременно — свою собственную будущую мировую задачу. Внешним образом там, на море Галилейском, не было ничего. Но тем более реальным было событие духовное, не просто образ, созданный фантазией. Ведь море волновалось не только вокруг них, но и в их душах. Но к этим душам пришло новое "Я" — пришел Христос.

Когда от участника вселенской битвы исходит впечатление, будто Сам Христос

говорит из него: "Я есмь, не бойтесь!" — тогда люди ощущают это как благодеяние, которое заставляет прислушаться их сокровеннейшее существо. Ницше говорил о дереве, каким упивается весь ландшафт. Здесь нужно говорить о свете, который является людям, и все прозревают в нем некий новый мир. Именно Христовы глаголы "Я есмь", если постоянно в них вслушиваться, сформируют в нас это "Я есмь". Нужно поистине доказать людям, что можно ходить по воде. Тревога, неуверенность, бурное волнение могут быть сколь угодно велики — нас поддерживает сила, идущая свыше. Нет у нас под ногами твердой почвы, но мы все равно шагаем уверенно. Неопределенность завтрашнего дня для того и существует, чтобы мы имели возможность ходить по воде. Решимость довериться водительству Христова "Я", которое Он осуществляет из горнего мира, есть решимость ходить по водам, чего Петр, по свидетельству древних Евангелий, еще не мог сделать. Вновь и вновь рассматривая образ Христа, идущего по воде к ученикам, мы будем все яснее видеть, сколь неустойчив углый челн, в котором плывут люди со своими занятиями и семьями; мы видим, что происходит, но соединяем себя с явлением Христа. В этой истории речь идет не об "утешении", которое обретаем мы лично, но о вселенской силе, которая желает нам сообщиться. Нам нет нужды всякий раз думать об этом образе. Он сформируется в нас — неосознанно для нас самих, а возможно, и для других тоже, — если мы примем этого Христа в свою душу, позволим Ему пребывать в нашей душе.

И опять мы между Востоком и Западом. *Восток* не желает плыть по морю жизни, ибо оно непокойно. *Запад* хочет плыть по морю, но не знает, что есть покой. Мы же вышли в море, но обрели покой — не вдали от моря, а над морем, в Том, кто ходит по воде.

Кто постоянно выполняет упражнения для воли, какие мы здесь описываем, тот заметит, что результат их — совершенно неожиданное и дотоле неведомое очищение воли. И тогда, взглянув на волевою жизнь окружающих нас людей, видит, сколь она случайна, нечиста, неосознанно-темна и разъедена эгоизмом. Сколь мелочны такие волевые цели, как деньги, должность, собственный дом с садиком, спокойная старость! Да и эти волевые цели большей частью едва тлеют в жиденькой воле сегодняшних людей. Теперь только мы начинаем угадывать, каков человек, если в нем живет ясная, чистая воля. Благодаря великим *целям*, которые мы ставим себе в жизни, сама наша воля обретает величие, все мощнее воздействующее на нас, вплоть до повседневных поступков и сиюминутных желаний. В величии целей человек прежде всего и обретает подлинное величие. Благодаря великому *образцу*, что мы видим перед собой, Христу, наша воля обретает пламенность, в которой нет опасности, — мы можем полностью ей предаться. Нужно только оберегать этот огонь от нечистого жара фанатизма, а он умеет ловко скрываться. Благодаря же великим *препятствиям*, па которые мы смотрим, наша воля обретает стальную крепость. Вырастает до сверхчеловеческого, ибо связана с неземным.

Мы поймем, что мир полон скорби, если ощутим в отдельной слабости человека всю ничтожность, плачевность, душевный страх, потерянность, изнурительное беспокойство и неудовлетворенность, царящие в человечестве. Не надо обманываться: казалось бы, могущественные люди, дерзкие в словах и поступках, почти всегда внутренне слабы. В один прекрасный день неожиданно становится ясно: да ведь этот человек боится! Если одолеть злость и отступить от ответного удара, быть может и необходимого, то нас охватывает жалость к этим людям и их слабости, которую они все время тщатся скрыть от других и от самих себя. Зато Христово "Я есмь" способно вырасти в нас — без всякой гордыни и несправедливости — в победную силу, лучи которой сияют нам из иного мира. Именно там, где люди весьма беспокойны, например на массовом митинге, ничто не поможет так, как поддержание внутренней силы этого "Я есмь" и излияние ее в это беспокойство. Это — "пацифизм" в духе Христовом. Ведь слова "Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими" в оригинале относятся к примирителям. Они "будут наречены сынами Божиими", ибо они таковы *суть*, ибо именно в волнениях видно, что они рождены свыше.

Если удастся дать людям такие откровения, они узрят иного Христа, не того, которого им обычно проповедовали. Наша медитация приведет нас на эту вершину. Толстой говорил, что у него есть лишь одно желание — исполнить волю Божию и только один страх — пренебречь волей Божией. Когда неземной трепет поглотит все земные страхи — тогда человек станет в ряды истинных воителей вселенской битвы.

Обсуждаемое нами в этих последних письмах — как бы прохождение воли через вереницу посвящений к истинной вселенской борьбе. Теперь перед нашим взором встает мир, чью потребность в спасении видят, пожалуй, менее всего. Это — *тьма*.

И вновь, прежде чем мы сумеем обрести истинное побуждение к медитации, необходимо бросить взгляд на некоторые окружающие нас факты. Тьма окутывает нынешние воззрения на начало человечества и земли. Тьма окутывает его цель, смысл и исход. Тьма окутывает судьбу индивида после смерти. Тьма окутывает и истинную суть всякого отдельного явления. В философии это нашло отражение в учении о том, что "вещь в себе" всегда скрыта от нас. Никогда еще человечество не имело столь безнадежных и беспросветных помыслов о своем происхождении и предназначении, как сегодня. Не происходит ли отсюда много больше болезней и самоубийств, чем хотелось бы думать?

Прежде всего необходимо научиться видеть вселенскую тьму. Современные люди еще живут в "темную эпоху", во многих отношениях куда более "темную", чем "мрачное средневековье". И то, что они много говорят о просвещении, как раз и доказывает, что таковое отсутствует. Вплоть до богословия, которому, казалось бы, должно говорить о свете, раскинулась ныне эта тьма. Если о чем-то еще и дерзают говорить, то лишь о "неведомом", "таинственном", "совершенно ином" Боге. Так беду объявляют добродетелью, да вдобавок твердят, будто религия всегда состояла из одной только веры в эту сокрытую силу. Просто оторопь берет, когда проанализируешь, что на самом деле имеет сказать о Боге и горнем мире такой классический сборник, как "Религия в истории и современности". И все это прикрывается множеством ценных исторических подробностей. Но и в ортодоксальном богословии, вроде теологии Барта* (* *Барт Карл (1866—1968) — швейцарский богослов; отвергая неопротестантское понятие религии, интерпретировал религию и христианское откровение как противоположности.*), к которой ныне обращаются многие религиозные люди, являет себя вселенский мрак, тускло освещаемый несколькими светильниками, извлеченными из Библии и именуемыми "откровениями". Сами того не сознавая, люди живут сегодня как бы среди смога большого города. Они не знают, что над ними находится чарующий мир, где обитает свет в многоликой своей красоте. То, что ниже облачной завесы, они видят отчетливо. Но миров, расположенных выше, для них вовсе не существует.

Еще во времена Платона люди воспринимали жизнь так, как он описал это в своей знаменитой притче о пещере. Люди живут, запертые во тьме, изгнанные из подлинного мира. Но на стене своей пещеры им покуда видны тени тех, кто ходит снаружи. Теперь пещера освещена электричеством. Человек ясно видит, что у нее на стенах. Однако теней тех, кто проходит снаружи, он больше не видит. И не подозревает, что может быть другое жилище, кроме хорошо устроенной пещеры.

Конечно, и в пещере есть сокровища. "Пейте, взоры, сладкий жизни сок, всё, что я вобрать душою смог..." (* *Г. Келлер. Вечерняя песня. Перевод Б. Слуцкого.*) Готфрид Келлер, написавший эти строки, был гласом современного человека. А Фридрих Ницше, любивший эти строки, был душой современного человека. Но что этим напитком, сколь бы ни был он приятен на вкус, люди все же не насыщаются, показывает растущее число самоубийств. Гете в своем "Фаусте" опередил человечество на его пути, когда произнес: "Вокруг меня весь мир покрылся тьмою, но там внутри тем ярче свет горит" (** *И. В. Гете. Фауст, ч. II, акт V Перевод И. Холодковского.*). Тот самый Фауст, который хмелел от роскоши чувственного мира, теперь ищет внутреннего света и славит его — хотя внешнее его зрение померкло. Ибо *не теперь* он слеп, слеп он был *раньше*. Сияющая сквозь время

вселенская мудрость выражает себя в этих словах.

"Проходя увидел [Иисус] человека, слепого от рождения" (Ин., 9: 1). Слепым родится всякий, кто приходит в мир ныне, в эти столетия. Христос был свет миру. Христос хотел, чтобы и ученики Его были свет миру. Его задача, наша задача — исцелить слепых. Как это происходит?

Если поближе рассмотреть простой образ, предлагаемый нашим рассказом, то обнаружится кое-что примечательное. Тот, кто называет Себя "свет миру" — как раз в связи с этой историей, — не открывает глаза слепому сразу, говоря: Да будет свет! — но проходит определенный путь, подобно тому как некогда и солнце прошло определенный путь, образуя человеческий глаз. Чем пристальнее мы вглядываемся, тем большим значением наполняется этот путь. "Он плюнул на землю, сделал брение из плюновения и помазал брением глаза слепому", а затем послал его к купальне Силоам с наказом: "Пойди, умойся!" Человеку с сегодняшним вкусом такая история покажется неприличной. Да и человеку современных естественнонаучных взглядов тоже. Вот почему они не заметят, сколь величественное учение духа звучит в этой истории — для всех, кому важно озарение вселенской тьмы.

Христос отдает частицу Своей жизни. В жидком элементе духовное живет еще более интенсивно, пронизывая его — как мы видели в рассказе о браке в Кане — намного сильнее, чем другую материю. Но Христос берет не ту воду, что нисходит с неба, а ту, что прошла через Его земную личность. И применяет Он ее опять-таки не такой, какова она есть, но связывает ее с силами земли. Однако и теперь исцеление происходит не сразу — от самого слепого требуется совершить деяние: пойти к купальне Силоам и там умыться.

Иначе не скажешь: все это — земной образ воздействия глубочайшей мудрости. Если мы хотим излечить человека от его земной слепоты, то единственное средство здесь — небесная мудрость. Но небесная мудрость не может быть дана людям непосредственно. Она действует правильно, только пройдя через земную личность. Но и этого еще не достаточно. Мудрость горнего мира должна соединиться с силами земли, на которой мы живем, — лишь тогда она действительно поможет людям. Только так она станет подлинно целительной силой, истинной помощью — не такой, какой она представляется ангелам па небе, но такой, что связывает себя с земным бытием. И все-таки нельзя полагать, что здесь достаточно одного-единственного деяния кого-нибудь другого, хотя бы и величайшего. Человека следует подвести к тому, чтобы он сам совершил поступок, сам пошел туда, где его ждет полное исцеление. Евангелист считает знаменательным название купальни: Силоам — "Посланный". Это слово он сам постоянно употребляет в отношении Христа: Посланный Отцом. Так на своем уклончивом языке евангелист сообщает нам последнюю истину: лишь сам очистившись во Христе, ты станешь истинно зрячим.

Можно представить себе, сколь мучительны для современного человека с его мнимой ясностью духа все подобные толкования. Ему придется понять, что религиозные документы минувших времен говорят именно таким двузначным языком — отвлекаясь от прямого указания самого евангелиста. Но оставим в стороне вопрос о том, обладал ли евангелист знанием или догадкой об этих истинах, и обратимся к ошибкам, которые совершают люди, желая нести свет истины во тьму мира. Одни обрушивают на ближних потоки библейских изречений и думают, что это помощь. Другие обрушивают на ближних сообщения о естественнонаучных открытиях и называют это "народным образованием". И антропософские истины применяются согласно тому же терапевтическому методу. Последствия налицо. Духовная истина целительна для жизни, лишь когда она прошла через какую-то личность. Она должна стать частицей человеческой жизни, чтобы обрести подлинную действенность. Мышление прекрасно постигает абстрактные истины, хотя они приходят к людям безжизненно-трезвыми. Жизненные истины не открываются вовсе, если не приходят из самой жизни. Чем более лекция о жизненных вопросах вплоть до каждой фразы пронизана подлинной человечностью, чем более в ней ощущается жизненный сок

лектора, тем лучше ее принимают. Это справедливо не только для лекций, но и для всякого разговора. Человек, помогающий людям, нередко совершенно стихийно ощущает, что его советы воспринимаются всерьез, только если собеседнику ясно, что в них живет личный опыт. Это — самое главное.

Но этого мало. Часто люди уходят от друга или от духовника без утешения и думают: все, что он говорил, может, и верно и годится для него самого, но в моих обстоятельствах не подходит, с моими возможностями невыполнимо. Лишь полнота земной реальности даст полную земную силу. Личная мудрость должна соединиться с жизнью земли. Средство помощи должно быть не только пережито по-настоящему, на собственном опыте, его нужно еще принести па землю, пропитать землей, на которой мы живем. Бесконечно многое так и остается теорией и принципом и не приносит ни помощи, ни исцеления — ни в большом, ни в малом, ведь — хотя оно и справедливо и, наверное, добыто ценой большого труда — его забыли соединить с земными силами, а в одиночку оно не действует. Это — второй момент.

Примем во внимание и третий. Постоянная помощь и исцеление — только у Христа. На Него нам должно указывать — каким бы то ни было способом, — к Нему, "Посланному", должно вести. Он — новый мир, исцеляющий мир старый. В противном случае все ограничится отдельным благодеянием, но постоянной помощи не будет. И очиститься во Христе человек должен сам.

Все это необходимо знать и помнить, если хочешь быть принят в ряды воителей, сражающихся за человечество в духе Христовом. Это помогает напряженнее прочувствовать медитацию. Притчевый поступок Христа, если только мы его поняли, говорит обо всем короче, выразительнее, поучительнее всякого многословия. В образе слепорожденного перед нами человек, ныне живущий на земле. Христос же — свет миру.

Мы видим помогающую мудрость жизни в действии. Благодаря этому образу высветляются великие миры, истины и волевые устремления. Чем прозрачнее становятся для нас такие совокупные образы, тем прозрачнее и сама земля, и мы сами исцеляемся от мировой тьмы. Христос живет в этой истории и даже и сегодня подает из нее исцеление от слепоты.

Однажды настанет время, когда люди увидят вокруг себя не камни и землю, не горы и леса, но все это превратится в прозрачный покров, тонкий и духовный, а за этим покровом станут зримы правящие ангелы. Лишь в малой степени мы ныне способны подготовить это время. Но самое важное мы все-таки можем. Можем нести в себе Христа, как солнечный свет нового мира. Можем пронизать этим светом свои слова, жесты, поступки. Так перед людьми, быть может, хоть на мгновение блеснет горный мир. И постепенно их глаза созреют для лицезрения другого мира. "Глаз сформирован светом для света", — сказал Гете о становлении телесного глаза. Этот процесс — прообраз того, что должно произойти теперь. Сейчас "тьма над бездною", но "Дух Божий носится над водою".

В самом человеке должно свершиться новое "Да будет свет". Он сам должен стать прозрачен для этого света. Созерцание такой задачи необычайно возвышает — быть прозрачным в своем земном существе и земной жизни для света Христова, чтобы в мировой тьме просиял небесный свет. Всякое откровение человека в чувственном мире, вплоть до движения, приобретает новый смысл. Человек может быть носителем божественного света и изнутри озарять весь чувственный мир. *Christus verus luciferus* — Христос истинный светоносец, — эти слова нужно не только любить, но и претворять в действии.

А это удастся, лишь когда мы целиком сосредоточимся на свете в себе, когда начнем приносить этому свету все, что мы есть и что мы делаем, дабы он все это просветлил, когда все земное станет существовать для нас лишь с одной целью — чтоб быть осиянным. Это — борьба света против тьмы, как ее можно вести в наши дни.

Рембрандт посвятил все свое творчество изображению этой борьбы света с тьмою.

Гете, исследуя природу, с благоговением наблюдал эту борьбу света и тьмы как некое богослужение. А наша обязанность — быть этой борьбой света с тьмою и вести ее во тьме чувственного мира всею своею жизнью и всяким своим делом.

Так мы надлежащим образом станем точно между Востоком и Западом. На *Востоке* есть свет, но не для тьмы. На *Западе* есть тьма, но без света. Свет во тьме — это Христос и все, в ком Он поистине присутствует. "Вновь свет во тьме светит".

Выше мы говорили о той славе, какую мы, люди, предошущаем оттого, что помогаем воспитать в людях "Я": "Я есмь, не бойтесь". Теперь мы познаем славу, воздвигая из этого "Я", как из солнца, новый мир: "Да будет свет"!

Итак, наша медитация вновь воспитывает нас для величайшей вселенской битвы. Чувственный мир будет все прекраснее, когда сквозь него начнет лучиться свет. Человек рожден слепым, "чтобы на нем явились дела Божий" (Ин., 9: 3).

12

Вот венец наших волевых упражнений — Христос у гроба Лазаря. У смерти Он вырывает *жизнь*. Это — итог всех битв. У *болезни* нужно отвоевать *исцеление*, у *греха* — *воскресение*, у *бедствия* — *любовь*, у *слабости* — *веру*, у *тьмы* — *свет*. За всеми этими мирами в самом конце смотрит на нас смерть. Отвоевать у нее жизнь — то же самое "небо", которое надобно принести на *землю*. Именно с этого началось для нас новое воление. И седьмое чудо Христово есть поистине итог и вершина деятельности Христа.

Христос у гроба Лазаря. По сей день многие не знают, как подступиться к этому "чуду" воскресения из мертвых. Для начала пусть они обратят внимание на мелкие подробности повествования (Ин., 11). Как глубоко скорбит Христос о Своем друге — и все же вступает в единоборство со смертью; как Он возмутился духом в этот тяжкий час — и все же не колеблется ни мгновения; как Он принимает душою Своей настроение скорбящих — и все же говорит слова, решающие судьбу мира; как Он полностью сострадает этому несчастью — и все же решительно смотрит в глаза злейшему врагу рода человеческого; как Он хранит друга в душе — и весь осиян светом "Отца"; как Он шаг за шагом ведет все к последнему решению; как Он победительно единоборствует со смертью, — все это даже как образ воздействует столь мощно, что пробуждает в нас предельные и лучшие волевые силы, каково бы ни было наше отношение к повествованию. При созерцании этого образа нельзя ослаблять его антропософским истолкованием, что здесь свершается посвящение, пришедшее в новое время из древнейших мистерий. Ведь Лазарь был мертв и остался бы мертв, если бы не пришел Христос. Триумф жизненной силы Христовой — вот на что нам должно устремить взгляд.

Когда мы смотрим на Христа, предстающего перед нами в этой истории, то кажется, будто в нашей душе слышит голос освободителя, будто Евангелия продолжают в нас самих, будто зов "Лазарь! иди вон" отдается в склепах нашего собственного существа и там, глубоко внутри, открывается нечто такое, о чем мы и сами не подозревали. Тогда, быть может, в нашей душе шевельнется огромная любовь к Христу, именно к этому Христу. Мы почувствуем, что Он совершенно не такой, каким мы Его представляли себе раньше: Он покоряет властью и величием. Он, и никто другой, — так говорит наша душа — есть победитель смерти, освободитель человечества, живущего "во тьме и тени смертной", Царь человечества! Всем существом мы ощущаем, в какую битву между Христом и вражьей силой вовлекаемся через Него. Мы чувствуем: это *и есть* битва за человека!

Выстраивая для себя этот образ медитации в основных его чертах, мы видим в Лазаре, лежащем во гробе, человека как такового. Ведь это — конец отдельной жизни, конец человечества — если нет Христа. Болезнь, которой страдает человек, ведет к смерти — и все-таки не к смерти. Камень лежит на гробе. В этом камне перед нами образ материи.

Новалису принадлежат примечательные слова: "Земля затвердела в камень от ужаса перед человеком". Мир видится нам тяжелым, темным, непроницаемым именно потому, что сам человек погружен в материальное. Давно-давно, когда человек все больше погружался в это материальное земное бытие, в Египте воздвигли камень как моление, направленное ввысь. На том же камне (с горных отрогов Синая брали египтяне камень для своих массивных построек) начертал Моисей заповеди Божий. Но и сам закон Моисеев камнем лег на людей. "Кто отвалит камень от двери гроба?" — вопрошает человечество. Все это, доведенное чувством до нашего сознания, живет в образе, который мы созерцаем. Вокруг гроба царит скорбь. Мировая скорбь. Ведь мы уже видели, что сомнение (Марфа) и боль (Мария) суть стражи вселенского гроба.

И вот является Христос. Мы видим Его таким, каким описали выше. С высот мира до глубей земных звучит Его зов: "Лазарь! иди вон". Это глаголет Тот, кто мог сказать о Себе: "Я есмь воскресение и жизнь". Мы сами отпираем себе гроб земли. Мы связываем себя с Ним. И стоим теперь вместе с Ним напротив гроба. Вместе с Ним мы чувствуем: смерти быть не должно! Во всем множестве своих обличий смерть должна быть преодолена! До самых укромных уголков нашего существа мы наполняем себя этой божественной волей. Мы сами желаем быть воскресением! Сами хотим восставлять из мертвых!

В конце каждого из трех созерцательных рядов мы все время приходим к воскресению, что согласуется с духом Иоаннова Евангелия и с волею Самого Христа. "Смерти не будет уже". "Последний же враг истребится — смерть".

Несомненно, однажды вновь будет можно воскрешать мертвых. Если даже приток воздуха, возбуждение движений извне, телесная встряска могут вернуть человека к жизни, то почему отказывать в этой способности духовной силе, жизненной мощи, которая к нему притекает? Разумеется, такое будет возможно лишь в исключительных случаях. Но разве уже сегодня не видны начала этого? Бывает, что через радость притекает к умирающим сила, наполняющая их новой жизнью. Бывает, что в жизненных кризисах, когда человек уже обречен смерти, он побеждает благодаря силе духа. Бывает, что больной, который по всем законам медицины должен был умереть, живет благодаря внутренней целительной силе или себе самому. Это немного. Но все же, если мы будем входить в комнаты болезни и смерти переполненными жизнью, если в нас будет действовать воскрешающая сила Самого Христа, мы испытаем удивительное. Нередко у нас создается впечатление, будто смерть, как бы узнав своего победителя, обращается в бегство. Но и там, где внешне у нее добычи не вырвать, она, потерпев неудачу, отступает с жалким трофеем, а пространство полнится музыкой победы.

В грядущем человечеству предстоит еще много чего узнать в этой области. Но наша медитация укрепит нас в сознании, что человек не вправе складывать оружие перед лицом смерти. Он должен восстать против смерти, если хочет стать человеком в полном смысле слова.

Что мы на первых порах несомненно можем, так это укротить смерть *в нас самих*. Не стоит обольщаться, что для этого достаточно обыкновенной надежды на загробную жизнь. Это станет возможно как раз благодаря тому, что мы вновь и вновь будем звать смерть себе в провожатые. То, о чем писали иные художники прошлого, то, что изобразил в своем автопортрете Бёклин, а именно что человек, постоянно находясь подле смерти, делает ее своим вдохновителем, — вот путь, каким мы избавимся от нее, а она от нас.

"Смерть — ее [природы] уловка, чтобы наполниться жизнью". Эти слова Гете превосходят Будду так, как это возможно только на почве христианства. Они родились из созерцания многообразной смерти в природе. Но их значение применительно к внутренней жизни еще предстоит осознать. Лишь когда у смерти будет отвоеван последний остаток жизни, она поистине сможет уйти на покой. Смерть станет для человека "другом" — и не только на смертном одре, когда она кладет конец последним страданиям жизни.

Могучие чувства триумфа развиваются в человеке как раз только в связи со смертью. Она дарит нам самую насыщенную силу жизни. Из врага смерть становится другом нашей жизни. Кто в любой миг готов совершенно свободно перейти по зову судьбы в иной мир, кто ходит по земле, сознавая: "В любую минуту меня может поразить пуля убийцы, и тогда (не потому, что человеческая, но потому, что божественная воля войдет в мою жизнь) я сброшу свое тело и свободно уйду в другой мир", - для кого смерть стала "свободной смертью", в более высоком смысле, чем имеет в виду Ницше, для такого человека жизнь звучит песнью победы, для него смерть и бренность суть лишь средства для обретения подлинной жизни, и тогда он неизбежно, пока ему дано, возвращается на землю с царственным чувством свободы.

Все это таится в глубинах нашей медитации. И нет более надежного способа достичь этой жизненной вершины, чем связать себя с победной волей, которая в Евангелии превращает Лазаря в Иоанна. Внутренне мы всматриваемся в Христа, который затем Сам поправ смерть.

Но в этой медитации сокрыто много больше. Когда Христос говорит: "Предоставь мертвым погребать своих мертвецов; а ты иди, благовествуй Царствие божие", — нам совершенно ясно: Он воспринимал живых вокруг Себя как мертвых. Слова о Царствии Божиим суть зов жизни, звучащий в царствах мертвых. Мы поистине существуем не только затем, чтобы после смерти продолжить личное свое существование, но затем, чтобы одолеть смерть как таковую. Обманчивая видимость жизни повсюду скрывает смерть. Раскрашенные красками жизни, блуждают мертвые по миру. Вся эта смерть, предстающая перед нами в бесчисленных формах, взывает к жизни. Когда мы до краев наполним себя токами жизни, когда вступим в мир как сама воплощенная жизнь, тогда мы ясно увидим смерть под тысячей ее масок и выступим против нее как *именно такой* зов жизни.

И вновь полезно взглянуть на Восток и на Запад, чтобы постичь величие нашего призвания. На *Востоке* с необычайной ясностью видели смерть. Во всякой цветущей жизни таится росток уничтожения. Этот *взгляд* пробужденного Востока глубже, чем взгляд Запада. Но *воля Запада* вернее, чем воля Востока. На Востоке стремятся прочь от земли, на которой властвует смерть. На Западе человек желает, чтобы не он, а смерть покинула землю. Но подступают люди к смерти с совершенно недостаточными средствами. Методами омолаживания и гигиены. Вяло борются с помощью всевозможных отвлекающим маневров. Смерть не желают видеть или хотят отодвинуть ее как можно дальше. Видеть то, что видит Восток, хотеть того, чего хочет Запад, но мочь то, чего ни Восток, ни Запад не могут, — вот наше назначение.

Когда мы в своей жизни вновь и вновь призываем себя к тому, чтобы видеть в каждом человеке его духовную сущность, когда сквозь облик, жесты, слова человека прозреваем его истинное "Я" — это тоже воскресение из мертвых. Но и для этого требуется много больше духовной силы и неутомимой жизненной воли, нежели нам обычно приходится мобилизовывать в жизни. В пашей медитации мы будем вращать в эту волю и в эту силу. И тогда изведем, как люди впервые почувствуют, что мы относимся к ним как к людям.

Следующая вершина — когда мы, воскресая, ходим в природе. Мы видим в ней не смерть, но дух. Не земное, но образ божества. Не преходящность, но весть из горних царств. Так можно увидеть любое растение. Мы не достигнем этого однократным решением. За один раз можно только составить об этом некое туманное представление. Но мы способны укрепиться в этом посредством упражнений, включая при случае в свои медитации и растения, созерцая в духе какую-нибудь розу или ландыш и прислушиваясь к откровению, идущему от них. И тогда на природе нам зачастую будет казаться, будто мир охватывает ликование избавления, будто мир вокруг нас стремится стать таким, каким он живет в божественном духе, будто мы сами бродим по райскому саду. Воскреситель мертвых — Христос. И нам следует дерзнуть и быть такими вместе с Ним, насколько позволяют наши силы.

Есть одна область, куда в особенности нельзя допускать смерть, — наши усопшие. Таким образом, перед нами встает вопрос, который задают чаще всего: что мы можем в медитации сделать для усопших?

Тем, кто хочет узнать подробности, можно дать только один совет — обратиться к указаниям Рудольфа Штайнера. И в этой сфере тоже нельзя воспринимать их догматически, нужно обдумать их и проверить всеми возможными способами. Какой свет озарил посмертную жизнь благодаря Рудольфу Штайнеру — снова и снова изумляется всякий, кто хоть отчасти может обозреть эту область. Мы ограничимся здесь некоторыми начальными сведениями. Приближаться к усопшим надобно всегда в настроении торжественного покоя — не с беспокойными желаниями и эгоистическими намерениями, но с благодарностью за то, что они были. Лучше всего это удастся, если вспоминаешь часы, когда мы были с ними вместе в спокойной, дружелюбной, человеческой атмосфере. Основополагающий настрой: "Живи спокойно там, наверху! А я уж как-нибудь пробьюсь на этой земле. От меня к тебе придет только любовь, которая поддержит снизу тебя, живущего навстречу горнему свету! Эта любовь будет для тебя только благодеянием. Я буду рассказывать тебе не о своих нуждах, но о радостных моих переживаниях, обо всем духовно-благотворном, что мне даровано!" Такая любовь есть как бы световой мост к усопшим, по которому мы можем прийти к ним, а они — к нам. Тогда прежде всего возникает чувство общности с ними. Мы ощущаем свою близость к ним ночью, когда дневная суета затихает вокруг и в нас. Утром же мы просыпаемся с ощущением, будто соединились с ними, странствовали с ними в горних пространствах. Тогда мы и днем иногда чувствуем их близость. Возможно, если мы особо задержимся на этом, все вновь исчезнет, но чувство, что они нам помогают, так чудесно обогащает жизнь, что даже догадки такого рода способны в корне ее изменить. Мы постигаем глубину, близость, красоту общности, о которой прежде ничего не знали. Нашему взору открывается будущее человечества, где жизнь будет идти в сотрудничестве живых с мертвыми и мертвых с живыми.

В сравнении с этим происходящее на спиритических сеансах затхло, призрачно, демонично. Медиумы вовсе не общаются с нашими усопшими, ибо переходят в низшее состояние душевной жизни, в сумерки полусознания или бессознательности, тогда как усопшие пребывают в осиянных сферах жизни. Медиумы большей частью проникают лишь в ту область, где находятся оболочки, покинутые усопшими. Вот почему все, что они говорят, — пустая и безвкусная болтовня, быть может лишь слегка приправленная догадками и воспоминаниями о минувшей жизни. Однако же, если бы с помощью медиумов мы действительно проникли к нашим усопшим, все эти эгоистические вопросы и желания стали бы не чем иным, как тяжелой помехой, и повредили бы им в выполнении задач, которые теперь стоят перед ними. Хотя вопрошение усопших возможно, но другим способом. Вечером, перед сном, мы в полном покое задаем им свои вопросы, а проснувшись утром, пытаемся ощутить, что присутствует в нашей душе как ответ. И происходит это в чистой сфере, описанной выше: "Я [есмы] дверь".

Если нам удастся сделать смерть невластной над нашими усопшими, если мы будем жить с ними как с людьми, которые не исчезли, но ушли вперед, если мы будем нести их в чистом живом мире своей души, то мы ощутим, что так помогаем им. Даже если мы не сумеем вступить в особые сношения с каждым из них — уже позволив их облику, взгляду, голосу, их лучшей сущности жить и действовать в нашей памяти, мы испытаем высокую форму общности. Мы не делаем различий между живыми и мертвыми. Мы знаем мертвых живых и живых мертвых. Ощущая бытие мертвых зачастую более чистым и сильным, чем бытие живых, мы поистине даем им возможность жить с нами. Мы воскрешаем мертвых. И медитация помогает нам в этом.

В пяти царствах бедствий перед нами предстает все, что должно преодолеть на земле. В последнем упражнении остается одна только жизнь — небеса на земле. Пробужденное в нас первым упражнением воли как общее жизненное устремление теперь раскрывается

полностью.

Все эти упражнения воли мы выполняем так, что вначале оживляем перед собой отдельный исторический образ. Сквозь бедствие отдельного образа мы смотрим на бедствия мира, на мощную державу зла, которую нужно одолеть. И спрашиваем себя, всерьез ли хотим преодолеть этот противоборствующий мир. На этот вопрос мы отвечаем всею своей волей. Так наша воля обретает величие, все более проявляющее себя в повседневном нашем волении. Но теперь мы оживляем в себе образ Христа, в котором за землю сражается небо. Мы встаем на Его сторону против всего мира. Действуем вместе с Ним как бы из другого мира. Своим "Я" и своею лучшей сущностью мы уже по ту сторону гроба. Наше "гражданство", как говорит Библия, в горнем мире. Глядя на Христа, наша воля обретает чистую пламенность, истинно божественный жар. Но чем более мы способны видеть в единичном и малом великое и последнее — решающую мировую битву, тем более наполняется наша воля могучей силой от великих препятствий. Так в каждом отдельном упражнении мы вновь пролагаем себе путь от духа через чувство к воле — от великой цели через великий образец к великой силе.

Это и значит жить по Михаилу — действовать в духе архангела, в котором земной мир видит передового воина Христова. Нам нужно постоянно возобновлять свою решимость отныне и навек мыслить и действовать в мире, как Михаил. Этого требует от нас дух времени. Но это значит также — жить апокалиптически!

В заключение такого упражнения можно удержать волю в чистом виде и прочувствовать ее во всем величии, жаре и силе. Земная царственность такого воления пронизывает нас. Но поток этот стремится не только книзу, а прежде всего — сверху. Как благороднейший жизненный сок божества, желающий действовать в нас, открывается нам эта воля. Мы испытываем такое чувство, в особенности когда ощущаем в этой воле существо Христа. Можно затем направить ток этой воли от головы, от середины лба, где она как бы скапливается, по всему телу, по всей нашей духовной плоти. Тогда мы постигнем, что есть "духоволя", о которой говорится в таинстве брака Общины христиан. Можно попытаться направить эту волю через нас самих в мир. Так Будда в медитации посылал сострадание на все четыре стороны света. Так сказал Христос: "Огонь пришел Я свести на землю, и желал бы, чтобы он уже возгорелся!" И даже не желая и не совершая этой волей ничего конкретного, мы можем сохранить в себе ее токи. Таким образом, мы куда лучше научимся "изливать" добрую волю в наши слова и дела, как гласит человекоосвящение.

Ведь мы создадим божественным силам новые возможности для действия. Наша воля — духовная реальность, которая преподносится, жертвуется высшим силам. Лишь в теснейшей жизненной связи с Христом может происходить шаг, служащий обновлению мира. Даже тот, кто еще не считает Христа божественной личностью, способен почерпнуть здесь, что он может сделать, чтобы укрепить себя для добра.

Сегодня, когда пышным цветом цветут всевозможные оккультизмы, мы намечаем здесь путь к белой магии. В каждом отдельном случае нужно придерживаться следующих правил — строгой правдивости, уважения человеческой свободы, стремления привести мир к духовному благу, живущему во Христе. Защита от любого злоупотребления — в молении: "Да будет воля Твоя, как на небе и на земле!" В этом молении мы уже преодолели и пассивную терпимость, и эгоистическую узость, какую так часто вкладывали в него люди. Мы возвели его на ту высоту, где оно живет в Евангелии. Если в нас молится Сам Христос, мы можем завершать им свои упражнения воли, подобно тому как упражнения мысли подытожили молением: "Да святится имя Твое!", а упражнения чувств — молением: "Да приидет Царствие Твое!"

Если теперь взглянуть на целое, возникает вопрос кто же на деле пройдет описанный здесь путь? Вероятно, немногие. Но пусть эти письма станут наставлениями, которые люди будут хотя бы время от времени перечитывать, причащаясь духа преображения, из

какого эти наставления родились.

Но все-таки наберемся мужества и до самого конца будем обращаться к тем немногим, кто желает извлечь из этих писем то, что делает самовоспитание *наиболее интенсивным*. Они спросят: как же наилучшим образом включить все это в нашу жизнь?

Повторим совет, что полезно трижды в день обращаться к высочайшему, и теперь обоснуем этот совет подробнее. Для многих труднее всего будет найти спокойное время днем. Если есть возможность, стоит посвящать высшему самовоспитанию четверть часа утром, четверть часа вечером, а днем если не четверть часа, то хотя бы несколько минут. Еще лучше — полчаса утром и вечером и четверть часа днем.

Эти три времени дня в самом деле совершенно различны. И яснее всего их различия можно описать, опираясь на христианское понятие Троицы. Итак, мы начинаем день с вечера. Вечером, когда человек доверяется силам ночи, он более всего приближается к божественной силе, которая все объемлет и поддерживает, которая дала ему тело и восстанавливает его, в которую он погружается и в смерти, и во сне. В душе распространяется глубочайшее доверие, догадка о сокровенной славе, чувство связи с последними источниками всякого бытия. Сокровенный опыт медитации свидетельствует, что вечером лучше медитировать как бы из мирового звучания божественного Отца.

Утро — совершенно иное. Нечто торжественное присуще переживанию вспышки "Я" в человеческом теле. Человек вновь на земле. Он вернулся на землю. Уже в этом событии есть нечто уподобляющее его Христу. В удивительной чистоте можно расслышать голос своего гения. В нем — наше высшее "Я", связанное со Христом. Мы сами каждое утро рождаемся заново. Становимся "Сыном". Но становимся и "солнцем". Свет восходит в нас, подобно тому как он восходит вокруг нас. Утром можно пробудиться с чувством, что побывал ночью в неких духовных регионах, но что Христа надобно искать на земле. Здесь — Его работа. Вот почему утренние медитации удаются лучше всего, если медитировать в мировой тональности божественного Сына. Правда, нет нужды постоянно и в подробностях держать в мыслях сказанное нами. Но это поможет открыть данную сферу жизни.

Около полудня солнце светит жарче всего. Жизнь бьет ключом. Мы находимся в самой гуще материального бытия. И нам очень трудно выйти из него. Нужно призвать на помощь дух, пробудиться к духу. Ощутить это можно примерно так: подобно тому как там, снаружи, все сейчас залито ярким светом, так же и в тебе пусть воссияет свет, но еще более яркий, если ты хочешь, чтобы этот внешний день был тебе по плечу. Дух, Святой Дух против материи, против чувственной видимости. Человечество поместило праздник Святого Духа рядом с Иоанновым днем, когда солнце светит ярче всего. Здесь выразилась та же потребность, с которой мы сейчас сталкиваемся в медитации. Когда мы хоть раз сумеем сознательно противопоставить внешней яркости "жизнь, просветленную духом", когда наше смотрение в мир будет "пропитано" духовным светом, тогда только мы по-настоящему поймем, что есть Святой Дух. Вот почему нельзя упускать возможность и в полуденное время заниматься медитацией, иначе мы лишим свою жизнь этого мирового тона.

Мы говорим здесь о жизненных тонкостях, которые мало доступны нашему времени. Но прохождение через указанные три сферы, ежедневное погружение в три божественных мира несет в себе необычайное благословение. Поднимает жизнь на величавую высоту. Венчает человека божественностью. И человек познаёт, что ночью он принял Троиединство, как музыку переживает это пребывание трех божественных миров "друг с другом" и "друг в друге". Он живет уже в божественной первооснове мира. Он увиден. И его благословляют. В нем медитируют, как сам он медитировал. Когда он в течение дня последовательно, согласно земному закону, пройдет через эти три мира, он почувствует ночью, что его как бы рассматривает само Первобожество, к жизни которого он принадлежит. Ему позволено поселиться в Единосущем, хотя в дневном его сознании от

этого ночного события остаются лишь смутные впечатления.

Год, как и день, подобен живому существу. Если мы хотим согласовать медитации с годовым циклом, то от Адвента и Рождества до начала Поста душе ближе всего глаголы "Я есмь". Внешний мир тонет во тьме. Тем ярче сияет свет внутренний. В Рождественскую ночь и в двенадцать святых ночей светит духовная мощь "Я есмь" во тьме мира. От начала Страстной недели и вплоть до Вознесения и Троицы имеет смысл включить в годовой цикл медитации от "омовения ног" до "воскресения" и "вознесения". Внешнее солнце в это время жертвует собой ради земли. И человек отвечает на это внутренним жертвоприношением. Время Страстей и весна, на первый взгляд столь противоречащие друг другу, на самом деле вполне созвучны с точки зрения духовной. Но для медитаций воли лучшее время — канун осени, когда дни становятся короче, когда убыванию внешнего света, умиранию земли человек должен противопоставить тем большую внутреннюю силу, когда он чувствует, что отныне его духом-хранителем станет Михаил, чтобы не погрузиться ему в мировую скорбь, чтобы породить внутреннюю Пасху — как ответ на Пасху внешнюю, возведенную ему полгода назад.

Не нужно руководствоваться этим как законом. Человек способен во многом не зависеть от годового цикла. Особенно полезно сначала медленно пройти через все упражнения — пусть даже это продлится несколько лет. Можно задерживаться на каждом упражнении сколь угодно долго, до тех пор пока не уловишь его смысла и не обретешь первого его благословения. Тогда очень быстро почувствуешь благотворность и содержательность целого.

Но в заключение повторим еще раз: иной может всю жизнь выполнять два первых упражнения — "Я есмь любовь" и "Я есмь мир", — а все прочее использовать лишь для просветления и наполнения этих двух основных упражнений. В любом случае полезно *никогда* не оставлять этих двух медитаций, но всегда нести их в своей душе как главные элементы. Эти медитации действительно подают нам причастие, в них мы принимаем плоть и кровь Христову, как описано выше. В них мы вновь, на более высокой ступени, обретаем то, что древние мистерии пробуждали в душах как трепет и сострадание. Аристотель говорит об этом применительно к трагедии. Через нее мистерии действовали публично. Здесь же страх, трепет превращается в молитвенное почитание, а сострадание становится потоком любви. Таков внутренний настрой, в котором нам сообщаются плоть и кровь Христова.

Если кто-то ощущает потребность прибавить к вечерней медитации "Я есмь мир" и к утренней — "Я есмь любовь" равноценную полуденную, пусть ею будет "Я есмь Слово", понимаемое как творческое духовное деяние. Это свяжет нас со Святым Духом, подобно тому как мир связывает нас с Отцом, а любовь — с Сыном.

Когда я писал эти письма, передо мною витал образ далекого будущего. Я думал о том, что Рудольф Штайнер говорил о духовном характере грядущей русской культуры, которая явится лишь через много веков. Тогда, вероятно, обо всем, что содержится в этих письмах, можно будет сказать гораздо лучше. Но, с другой стороны, мы живо ощущаем, что в наше время невозможно до конца выполнить даже то, что изображено здесь. Следует ли отсюда, что говорить об этом не надо? Я решил было молчать, но увидел, что это непозволительно. Так что пусть мои письма идут в мир и ищут людей, для которых сказанное мною что-то значит. Быть может, для многих ценно уже только увидеть, что может существовать жизнь, отличная от нынешней, и узнать, что эта другая жизнь не нуждается в монастырях и скитах, но что в деятельную внешнюю жизнь можно включить внутреннюю духовную силу.

Осталось сказать последнее. Мы завершаем наши размышления великим символом мировой истории, дошедшим до нас из глубокой древности, — Сфинксом. От Рудольфа Штайнера мы узнали, что образ Сфинкса есть воплощение выхода человека из животного мира. Воплощение более духовное, чем представления современной науки. То, что в

животном царстве присутствует в орле как способность возноситься над землей, как солнечная сила полета, человек некогда претворил в силу духа, в волю к вознесению над земным. То, что в животном мире живет во льве как отвага, как инстинктивная, порывистая страсть, человек, одухотворив, превратил в способность благородных ощущений. То, что в животном мире живет как сила быка, как физическая энергия и внешняя напористость, человек сумел преобразовать в духовную волю. По Рудольфу Штайнеру, в древние времена, наблюдая за людьми, выясняли, какому царству они сродни по характеру своих сил, а затем воспитывали их в соответственных мистериях. Одни становились мудрецами, если в них преобладали духовные силы орла, другие — врачевателями, если в них преобладали способности к ощущениям, третьи — магами, если за основу брали их силу воли. Но людьми в высочайшем смысле становились те, в ком удавалось установить равновесие всех трех способностей. Эти мистериальные воззрения сохраняют свое воздействие и в символах, присвоенных евангелистам.

Все это можно рассматривать просто как исторический образ. Но и тогда он по-новому проясняет для нас воспитание человечества, к которому мы подходим с помощью Иоаннова Евангелия. Глаголы "Я есмь" открывают нам высочайшую мудрость. В эпоху, когда в больших городах так называемые учителя йоги вредят людям, распространяя упражнения, движущей силой которых является эгоистическое стремление сделать карьеру, приобрести силу и превосходство, — в глаголах "Я есмь" живет мудрость в ее сияющей чистоте. Кто строит вокруг себя этот храм, тот почувствует, что есть у него потаенная родина духа. Мы решительно советуем отвергнуть любую оккультную практику, смысл и цель которой не до конца прозрачны. Если человек ищет надежного водительства в духовных сферах, ему можно рекомендовать только книги Рудольфа Штайнера, к примеру "Как достигнуть познания высших миров?" и "Очерк тайноведения". Здесь царит дух, которым только и можно руководствоваться в этой сфере: самоотверженные поиски фактов духовной реальности мира, включение себя в нравственный миропорядок, приложение воли не ради субъективных стремлений, но ради божественной мировой цели. Лишь в таком духе можно без опаски вступить в оккультную область. Наши упражнения не противодействуют этому, но воспитывают для этого. Быть озаренным духом мудрости "Я есмь" куда важнее и дает много больше света в реальной жизни, чем когда человек сомнительными методами пытается выудить отдельные впечатления о сокровенных мирах.

Если мы стремимся воспитать "мудреца", то существует и вполне современное воспитание "врачевателя". Оно опирается на откровение Христа в страданиях и воскресении. Речь идет не о бурных чувствах, которыми мы себя тешим, но о главном жизненном настрое, рожденном из жертвенного духа божественной любви. Так возникает истинное добро, несущее исцеление миру.

Однако наши упражнения воли, опирающиеся на деяния Самого Христа, формируют нас для мощного волевого участия в мировой битве, которого ждут божественные силы; оно возвышает нас до подлинного сотрудничества с божеством. Из земных деяний Христа мы черпаем силы для воспитания новой, белой "магии". Скажем только, что эти же силы живут в семи таинствах Общины христиан. Если рассмотреть эти семь таинств, или, говоря иначе, сверхчувственные деяния Христа, в следующем порядке крещение, конфирмация, исповедь, причастие, бракосочетание, рукоположение, соборование, — то обнаружится, что в них продолжает действовать то, что некогда действовало в семи великих чудесах.

Теперь осталось спросить, нельзя ли обобщить все это в одном-единственном медитативном слове. Таким словом может быть лишь имя Божие. Но ни один из современных языков не дает нам его — в их звуках откровение духа живет пока в затемненном виде. Если же исходить из чистейших звуков сокровенности, нам откроется, что немецкие слова "ich" ("Я") и "Licht" ("свет") не случайно несут в себе звук "i". Можно чуть ли не буквально омыть этим звуком "i" свое мышление, свою духовную жизнь, свое

головное существо. Когда этот звук воспринимается как священный, звучащий из жизни самого божества, тогда от него исходит мощная очистительная сила. В свою очередь в звуке "а" можно очистить окружающую нас реальность или по крайней мере наши ощущения этой реальности. В сиянии "а" мы прямо-таки распознаем нечистое в себе и избавляемся от него. Так наш "средний человек", в котором живет сердце и движутся наши чувства, ощутит в этом "а" силу жертвенного отношения к действительности, какую мы взращивали в наших "настраивающих" упражнениях. Совсем другое дело — "о". В нем живет нечто великое, полное, совершенное. Оно взывает к глубинным силам нашей души и направляет их к совершенству. "Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный!" Человек чувствует себя как бы обвеянным мощным, полным жизни звуком этого "о", если возвысил свою волю до божественных мировых целей.

В гласных живет "сокровенность" человека. Еще и сегодня, когда наша душа непосредственно выражает какое-нибудь впечатление, из нее выливаются гласные. В них обитают глубинные тайны жизни, которые нужно только извлечь и очистить, чтобы они обрели свою божественную высоту. Некогда эти три чистейшие гласные составляли древнейшее и высочайшее имя Божие. К Первобожеству обращались как к чистейшей сокровенности. Так, слово "Iao" жило как святое имя божества в Египте, в Малой Азии, даже в Китае. Живет оно и в имени израильского бога Иеговы (Jahveh) и посредством гласного "е" прочно утверждается на земле.

Так в этих трех звуках человеку дано посвятить собственную свою сущность божеству. В благословении он может именовать божество звуком чистейшей сокровенности. Может своим существом звучать в Его существе. Может очистить себя в этих звуках и стать как бы Сыном Божиим. Отзвуком этого имени Божия является и имя самого Иоанна, от которого мы получили сие воспитание истинно человеческих качеств. Возможно, некоторым потребуются долгие усилия, чтобы пройти духовный путь до конца и завершить наши упражнения таким аккордом. Пусть целью им будет то, что должно исполнить и нам, прежде чем произносить последнее слово, — с помощью наших упражнений наполнить три первых моления "Отче наш" всем богатством евангельского содержания. Благодаря "Отче наш" нам запечатлеется дух Христов, из которого предпринята наша попытка.

Да святится имя Твое!

Да придет Царствие Твое!

Да будет воля Твоя, как на небе и на земле!

Ход человекоосвящения опять-таки соответствует пути наших упражнений: от слова через жертву и пресуществление к причастию, к последнему единению.

Так мы можем почувствовать себя облеченными светом Христова образа и жить в этом свете.

Фридрих Риттельмайер

МЕДИТАЦИЯ Двенадцать писем о самовоспитании

Редактор Н. Н. Федорова

Корректор Н. И. Маркелова

Оформление и верстка А. П. Куцын

Лицензия ЛРН№ 064543 от 16. 04. 1996 г.

Тираж 1400 экз. Заказ № К-2520.

Отпечатано с готовых диапозитивов в РГУП «ИПК «Чувашия».

428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13.